

Карцер: Академия Безмолвия

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Конюшенко Егор

Егор Конюшенко

Карцер: Академия Безмолвия

«Автор»

2026

Конюшенко Е.

Карцер: Академия Безмолвия / Е. Конюшенко — «Автор», 2026

В Академии Декрешендо ценятся лишь голос и вокальная магия. Немая студентка Лира с Третьего уровня — изгой, чьё беззвучное колдовство считается ересью. Она привыкла прятаться, общаясь с миром лишь через жесты и шрамы, но когда на её подругу Эстер в переполненной столовой обрушивается балка, Лира совершает немыслимое: применяет запретную Печать Безмолвия, чтобы спасти ей жизнь. Этот поступок видят Инквизиторы, и Лиру приговаривают к сбросу в Карцер — легендарный Нулевой уровень, бездну, откуда ещё никто не возвращался. Падая в глотку вечной тьмы, она оказывается в мире, сотканном из боли и крика, в сердце мрачной тайны Академии, питающейся чужими страданиями. Но вместо того чтобы сгинуть, она встречает Вокса — древнюю тень, бывшую когда-то величайшим из певцов. В этой крошечной тишине, где звук стал проклятием, её немота превращается в оружие, а два одиноких изгоя находят друг у друга то, чего их лишили: голос и надежду на свободу.

© Конюшенко Е., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Глухой узел	5
Глава 2. Глотка пустоты	13
Глава 3. Касание, что режет	23
Глава 4. Имена, потерянные во тьме	33
Глава 5. Тени бывшего порядка	42
Глава 6. Лабиринты безумия	52
Глава 7. Танец Воплей	60
Глава 8. Шрамы вместо слов	67
Конец ознакомительного фрагмента.	76

Егор Конюшенко

Карцер: Академия Безмолвия

Глава 1. Глухой узел

Стены каморки дышали холодом, и магическая лампа под потолком не горела — только едва теплилась, точно боялась потревожить темноту. Лира давно перестала замечать, что её жилище размером с тюремную клетку. Впрочем, темнота Лиру не пугала. Звуки — вот чего боялись здешние стены. Но она не слышала их с рождения. И этот изъян стал её оружием.

Она сидела на жёстком тюфяке, скрестив ноги, и плела.

Пальцы задвигались в воздухе медленно, почти торжественно — большой палец прижался к основанию мизинца, указательный вычертил дугу, средний и безымянный переплелись в сложный узел. Ни одного звука. Только шёпот кожи о кожу, да лёгкое движение запястий, рассекающих плотный, как патока, воздух.

В крошечной тишине между ладонями начал разгораться огонёк.

Сперва — бледно-голубая точка, дрожащая и неверная, готовая вот-вот сорваться с невидимой нити. Лира мягко выдохнула и повела мизинцем левой руки в сторону, завершая петлю. Огонёк послушно окреп, налился матовым серебристым светом и закачался в такт её пульсу — крошечный светлячок, рождённый из чистой тишины.

«Хорошо, — подумала она без слов. — Контур чистый».

В Академии, где каждый коридор вибрировал от ученических вокализов, а Сирены оттачивали магию голоса до кровавых связок, её заклинания считались ересью. Тактильная магия. Язык пальцев и шрамов. Беззвучное колдовство, от которого у экзаменаторов нервно дёргался глаз, а ректор морщился, будто ему под нос совали тухлую рыбу.

Лира не спорила. Она просто продолжала плести — по ночам, в каморке, пряча светлячков под одеялом. Они были единственными существами в этой академии, которые не требовали от неё голоса.

Огонёк доверчиво ткнулся ей в ладонь, рассыпая по коже прохладные искры. Лира позволила себе тень улыбки.

И в этот момент в дверь ударили кулаком.

Она не услышала стука — только почувствовала, как вибрация прокатилась по каменному полу и отозвалась в пятках. Светлячок испуганно дёрнулся и погас, оставив после себя запах озона и горьковатое эхо рассеянной магии. Лира вскинулась, подобралась, пальцы сами собой сложились в защитный знак.

Дверь приоткрылась ровно на ладонь. В щели показалось лицо старосты — парня по имени Тёрций, широкоскулого, с вечно прищуренными, будто от яркого света, глазами. Его губы задвигались.

Она умела читать по губам. Но сейчас Тёрций говорил слишком быстро, и для Леры это была пантомима без титров — большая часть слов пряталась в тени. Единственное, что она разобрала безошибочно, — это слово «Карцер».

— ...безголосое колдовство, — выхватила она обрывок. — ...ещё раз увидят — и всё. Ты поняла?

Она медленно опустила руки на колени. Светлячок исчез, но запах озона ещё висел в воздухе, и староста, разумеется, его почувствовал. Его ноздри гневно раздулись — или это был страх? Лира уже плохо различала чужие эмоции: слишком привыкла, что от неё всегда чего-то хотят, чего-то требуют, а она не может дать ответ голосом.

Терций выругался одними губами — вероятно, ему надоело говорить с тем, кто не отвечает. И захлопнул дверь.

Лира осталась в темноте. Сердце колотилось где-то в горле, но лицо оставалось спокойным — за годы тренировок она научилась не выпускать страх наружу. Вместо этого она прижала ладонь к холодному полу и закрыла глаза.

Пол молчал. Но дрожь от захлопнувшейся двери всё ещё бежала по камню, и Лира прочитала в ней нечто вроде предупреждения.

«Карцер», — вспомнила она.

Ей говорили о нём все — одни со страхом, другие с отвращением, третьи — с таким восторгом, будто там, в глубине, творилось великое таинство, а не ссылка для тех, чью магию признали бракованной. Нулевой уровень. Место, откуда не возвращаются.

Лира открыла глаза и посмотрела на свои ладони — бледные, с тонкой сеткой шрамов от тренировок. Она провела большим пальцем по линии жизни, потом вычертила на тыльной стороне знак «память» — жест, который сама для себя изобрела в детстве, когда поняла, что голос ей не подчинится никогда.

Ересь, значит.

Она нахмурилась и снова подняла руки. Пальцы задвигались быстрее, злее, плетя не светлячка — крохотную, колючую звёздочку, которая рассыпалась через секунду после рождения, но успевала уколоть тьму.

Она не знала, что будет дальше. Знала только, что не перестанет плести. Потому что, если замолчат даже пальцы, — вот тогда она действительно исчезнет.

Общая столовая Академии Декрешендо гудела, как улей.

По вечерам здесь собирались все — от золотоголосых Сирен с Верхних этажей до бледных, вечно голодных Эхо, ютившихся у самой границы Третьего. Зал был огромен и выстроен нарочито неудобно: длинные столы расходились лучами от центрального возвышения, где восседали преподаватели, и чем дальше от центра, тем хуже была слышимость. Акустика, впрочем, здесь подчинялась не физике, а иерархии. Сирены всегда оказывались в самом звучном ядре; Эхо теснились по краям, где голоса тонули в гуле и почти не причиняли вреда.

Лира сидела на своём обычном месте — в дальнем углу, спиной к стене, лицом к выходу. Привычка, въевшаяся в кости. Здесь вибрации от чужих разговоров достигали её в смягчённом виде: низкий гул, напоминающий скорее массаж, чем какофонию. Она могла различать отдельные голоса, только если смотрела на говорящего — по движению губ, по рисунку гортани, по тому, как напрягались жилы на шее.

Сегодня гул был особенно густым, почти осязаемым. Воздух колыхался, как вода над кипящим котлом.

— Говорю тебе, троих уже сбросили. За эту неделю. Троих!

Это кричал кто-то за три стола от неё — Лира видела, как вздулась вена на его виске, как брызнула слюна. Слов она разобрать не успела, да и не хотела. Слухи в Академии плодились быстрее крыс.

Перед ней с грохотом опустился поднос. Эстер плюхнулась на скамью напротив, покрасневшая, с влажными после умывания волосами, прилипшими ко лбу. От неё пахло мылом и чем-то кисловатым — не то страхом, не то возбуждением, Лира не умела различать запахи эмоций, но после стольких лет дружбы улавливала их тень.

Эстер заговорила. Губы её двигались быстро, чересчур быстро, и Лире пришлось податься вперёд, чтобы читать.

— Ты слышала? Ну конечно, ты не слышала. — Эстер осадилась, скривилась, постукала пальцами по столу, привлекая внимание. — Лира. Смотри на меня. Важное.

Лира посмотрела.

— Нулевой уровень, — прошептала Эстер, почти не разжимая губ, словно само слово было заразным. — Он существует. Я точно знаю.

Ли́ра медленно положила ложку. Под столом, где никто не видел, её левая рука коснулась правой и быстро вычертила знак «продолжай».

Эстер поняла. Она всегда понимала — единственная во всей Академии, кто выучил тактильный язык не из страха перед экзаменом, а просто потому, что хотела разговаривать с другой.

— Вчера ночью Инквизиторы вывели Маркуса из дортуара. Седьмой уровень, бас-баритон, помнишь такого? Золотой мальчик, ректор его нахваливал. И вдруг — выводят. С вещами. Я сама видела из окна, клянусь.

Руки Ли́ры взлетели над столом, но тут же замерли. Она бросила быстрый взгляд по сторонам и вернула ладони на колени. Здесь, посреди столовой, жестикулировать было опасно. Вместо этого она одними глазами спросила: «За что?».

Эстер пожала плечами, но в жесте этом сквозило больше страха, чем безразличия.

— Никто не знает. Но после того, как его забрали, пришли обыскивать его комнату. Я слышала, — она запнулась, поправилась, — мне рассказали, что нашли какие-то записи. Беззвучные заклинания. Тактильные, Ли́ра. Такие, как ты плетёшь.

Рука Ли́ры дёрнулась. Вилка звякнула о тарелку, и сидевший через проход студент покоился на неё с ленивым раздражением. Ли́ра заставила себя замереть. Вдох. Выдох. Пальцы под столом сложились в знак «спокойствие» — она повторяла его снова и снова, пока сердце не перестало биться где-то в горле.

— Думаешь, он успел передать кому-то? — спросила Эстер одними губами.

Ли́ра не ответила. Она смотрела в свою тарелку, на остывшую кашу, и думала о том, что Маркус, бас-баритон с Седьмого уровня, никогда не проявлял интереса к тактильным заклинаниям. Она вообще не помнила, чтобы он хоть раз взглянул на Эхо. А значит, эти записи либо подбросили, либо он был чьим-то учеником — и его сдали.

И то, и другое пахло бедой.

Гул в столовой на мгновение стал резче — стайка Сирен с Верхних этажей расхохоталась над чем-то, и их смех, усиленный магией, прошёлся по нервам даже у тех, кто не мог его слышать. Ли́ра кожей ощутила, как напряглись все Эхо в радиусе трёх столов.

— Не колдуй пока, — прошептала Эстер, накрывая ладонь Ли́ры своей. Пальцы у неё были тёплые, влажные и чуть дрожали. — Совсем не колдуй. Хотя бы до конца недели.

Ли́ра медленно высвободила руку и ответила коротким прикосновением к запястью подруги: знак «благодарю».

Но про себя она думала совсем другое. Её светлячки, её беззвучные звёздочки, её крохотные заклинания, спрятанные под одеялом, не могли ждать до конца недели. Они были единственным, что доказывало: она существует.

И всё же Эстер была права.

В дальнем конце столовой двое Инквизиторов в серебряных намордниках неспешно обходили ряды. Их взгляды скользили по студентам, как лезвие по горлу. Ли́ра опустила голову и принялась за остывшую кашу.

Гул столовой плыл вокруг неё, неразличимый и глухой, как шум далёкого водопада. Где-то в этом шуме — или, может быть, в вибрации стен — ей почудился странный ритм. Словно внизу, глубоко-глубоко, кто-то не кричал, а пел. И от этой песни у неё заledenели кончики пальцев.

Но она не стала говорить об этом даже Эстер.

Сначала никто ничего не понял.

Просто воздух в столовой вдруг стал тугим, как натянутая мембрана. Лира ощутила это раньше, чем увидела, — по коже прошла дрожь, волосы на руках встали дыбом, а в висках запульсировала знакомая тупая боль. Где-то наверху, этажами выше, Сирены взяли особенно высокую ноту.

Она подняла голову.

Потолок над дальним концом зала пошёл рябью. В первый миг это было похоже на мираж — дрожащее марево, как над раскалённой мостовой. Но марево быстро густело, наливалось тяжестью, и камни начали вибрировать, осыпая вниз мелкую известковую пыль.

Кто-то закричал. Лира не услышала крика, но увидела, как широко распахнулся рот у Сирены за преподавательским столом, как вздулись жилы на её шее. За первым криком последовал второй, третий — студенты повскакивали с мест, загремели опрокинутые скамьи.

Сверху обрушился звук.

Лира не слышала его в привычном смысле, но он ударил по ней всем телом разом. Рёбра сжало, будто она оказалась на глубине под толщей воды; в глазах помутилось, а ноги подкосились. Это была тренировочная волна — «Плач», одно из базовых заклинаний старших Сирен, обычно отрабатываемое в изолированных залах с тройной защитой. Сейчас защиты не было. Кто-то забыл закрыть резонансный канал, или намеренно открыл его, или просто магия оказалась слишком сильной для старых каменных стен.

Потолок треснул.

Лира увидела это краем глаза — тонкая чёрная линия побежала по своду, разветвляясь, как молния. А затем прямо над их столом из кладки вывернуло массивную балку — почерневшее от времени дерево, окованное ржавым железом.

Время замедлилось. Лира видела, как балка отрывается от потолка, как кувыркается в воздухе, осыпая вниз дождь из каменной крошки. Видела, как Эстер вскидывает руки к лицу — беспомощный, инстинктивный жест. Видела пылинки, застывшие в столбе бледного света. И понимала, что балка рухнет прямо на подругу.

Кричать она не могла. Предупредить голосом — тоже.

Но пальцы уже двигались.

Лира не думала. Мысль, если и мелькнула, была слишком быстрой и слишком простой: «Не Эстер. Только не Эстер». Ладони взлетели к груди, средние пальцы прижались к основаниям больших, запястья скрестились в замок, и всё её тело стало проводником, инструментом, оружием. Она вычертила в воздухе Печать Безмолвия — сложный, запрещённый узор, который разучивала ночами по украденным из библиотеки обрывкам.

Магия потекла из кончиков пальцев — не звуком, не светом, а иной, трудноописуемой субстанцией. Тишина. Абсолютная, не принимающая возражений, вымораживающая воздух тишина. Она расходилась от Леры концентрической сферой, гася вибрации, дробя их, обращая в пыль.

Звуковая волна ударилась о Печать и исчезла. Без взрыва, без грома — просто перестала существовать. Балка, занесённая над головой Эстер, замерла в воздухе всего на мгновение, но этого мгновения хватило: Лира рванулась вперёд, схватила подругу за плечо и дёрнула на себя. Девушки покатались по полу, и балка рухнула в то самое место, где только что сидела Эстер. Дерево раскололось с беззвучным — для Леры — треском, и осколки брызнули в стороны, разбивая тарелки и опрокидывая скамьи.

А потом наступила тишина.

Уже не магическая — настоящая. Густая, как застывшая смола, наполненная запахом озона и каменной крошки. Люди замерли: кто-то стоял с открытым ртом, не закончив крика; кто-то прижимался к стенам; кто-то лежал на полу, прикрывая голову руками. Инквизиторы в серебряных намордниках застыли на полпути, и их лица — Лира успела это заметить — выражали не страх, а совершенно иное чувство. Узнавание.

Эстер судорожно вцепилась в рукав Лир. Губы её тряслись, и она что-то говорила — Лира не разбирала слов, но видела, как складываются слоги в многократное «ты-ты-ты», как дрожит подбородок, как текут слёзы по щекам. Она хотела ответить жестом — хотя бы коротким «я в порядке», — но пальцы не слушались. Там, где только что прошла магия, кожа горела огнём, а кости ломило так, словно она разом проиграла десяток схваток.

Она опустила взгляд на свои ладони. Кончики пальцев побелели, покрылись инеем, а ногти стали синеватыми — верный признак магического отката. Такого с ней ещё не случалось. Печать Безмолвия оказалась слишком сильной для её ненатренированного тела.

Вокруг понемногу начали оживать. Тишина сменилась ропотом, ропот перерос в гомон, гомон — в истерические выкрики. Лира не слышала их, но ощущала, как вибрирует пол под множеством бегущих ног. Кто-то рыдал. Кто-то смеялся — тот особенный, нервный смех, который приходит после того, как смерть прошла мимо.

И сквозь эту суету, сквозь толпу расступающихся студентов, к Лире двинулись двое Инквизиторов.

Их намордники тускло блестели в пыльном свете. Один из них, высокий и сутулый, нёс в руке жезл-камертон — оружие, настроенное на подавление запретной магии. Второй, ниже ростом, но шире в плечах, просто смотрел на Лир. И улыбался.

Лира знала эту улыбку. Так улыбаются коллекционеры, нашедшие редкий экземпляр.

Она осталась стоять на коленях, прижимая к себе Эстер, и смотрела, как приближаются серебряные намордники. Пальцы всё ещё саднили, иней на них таял, оставляя мокрые дорожки. Лира подумала — отстранённо, почти спокойно, — что это был последний раз, когда она колдовала на свободе.

Но балка лежала в двух дюймах от того места, где только что была голова Эстер. И об этом Лира не жалела. Совсем.

Амфитеатр Суда находился на Первом уровне — и это было единственное место во всей Академии, куда допускались студенты любой касты. Допускались, разумеется, не для того, чтобы учиться. А для того, чтобы смотреть, слушать и запоминать: вот что бывает с теми, кто переступает черту.

Лира шла под конвоем двух Инквизиторов, и каждый шаг отдавался в её босых пятках холодом отполированного до зеркальности камня. Сапоги у неё отобрали ещё в столовой — кажется, чтобы она не вздумала бежать, хотя куда бежать с Третьего уровня, да ещё и немой? Но формальности здесь чтили свято.

Зал был огромен и одновременно тесен, как горло перед криком. Ряды каменных скамей поднимались амфитеатром вверх, исчезая в полумраке, но сегодня они были заполнены лишь на треть — студентов согнали в спешке, и многие ещё не успели оправиться от обрушения. Где-то справа Лира заметила Эстер: та сидела, зажата между двумя угрюмыми Эхо, и беззвучно шевелила губами. Молитва? Проклятие? Лира не могла разобрать. Она лишь коротко кивнула подруге — и сразу же отвернулась, чтобы не выдать своего страха.

В центре зала возвышался подиум из чёрного обсидиана. На нём стояло кресло — не трон, не стул, а нечто среднее, высеченное из цельного куска поющего камня, который вибрировал даже в тишине. И в этом кресле сидел Ректор.

Лира прежде видела его лишь издалека — на общих церемониях, где он говорил мало, но каждое его слово заставляло дрожать воздух. Теперь она оказалась так близко, что могла разглядеть тонкие нити серебра в его чёрной мантии, и то, как его пальцы, унизанные перстнями с камертонами, чуть заметно подрагивали в такт неслышимой мелодии.

Лицо Ректора было спокойным и почти красивым — но красивым той страшной, выверенной красотой, которая бывает у старых хирургов или у палачей, привыкших к своему реме-

слу. Он смотрел на Лиру не как на человека. Он смотрел на неё как на уравнение, которое нужно решить.

— Подвести ближе.

Голос Ректора разнёсся по залу, и Лира не услышала его — она ощутила. Пространство вокруг неё исказилось, словно кто-то смял мокрый лист бумаги, и снова расправил. Воздух стал плотнее. Скамьи под студентами загудели, и несколько Эхо на верхних рядах непроизвольно пригнулись, закрывая уши.

Инквизитор с камертоном толкнул Лиру в спину. Она споткнулась, но удержалась на ногах и сделала ещё три шага вперёд, пока не оказалась прямо перед подиумом. От холода обсидиана заныли кости.

— Имя, — произнёс Ректор.

Слово упало в тишину, как камень в воду. Лира сглотнула. Она знала, что от неё требуется назвать себя, — и знала, что не может. Вместо этого она подняла руки и вычертила в воздухе два знака: «Лира. Эхо Третьего».

По рядам пробежал шепоток. Ректор чуть склонил голову набок, словно разглядывая диковинное насекомое.

— Здесь говорят голосом.

Лира снова вскинула руки, пальцы задвигались быстрее, чем она успевала думать: «Я немая. С рождения. Это не моя вина. Я могу объяснить всё, что случилось в столовой. Это была самооборона. Балка падала на мою подругу, и я...»

— Достаточно.

Одно слово — и её руки замерли сами собой. Не от магии, нет. Ректор не использовал заклинаний. Просто его голос обладал таким весом, что сопротивляться ему было невозможно. Лира опустила ладони и обнаружила, что они снова дрожат.

Ректор поднялся с кресла. Серебряные нити на его мантии вспыхнули холодным светом, и Лира увидела, как пространство вокруг него идёт мелкой рябью — так дрожит воздух над костром, так плавится стекло в огне. Он не просто говорил. Его голос был магией такой силы, что сама реальность подстраивалась под его интонации.

— Третьего дня, — начал он, и каждое слово отдавалось в позвоночнике Леры низкой, болезненной вибрацией, — на рассмотрение Инквизиции поступил донос. В доносе утверждалось, что Эхо по имени Лира практикует запрещённые искусства. Тактильные заклинания. Немое колдовство. — Он помолчал, оглядывая зал. — Мы склонны были проявить милосердие. Предупреждение. Испытательный срок. В конце концов, все мы были молоды, и все мы ошибались.

Среди зрителей кто-то облегчённо выдохнул. Эстер на своём месте подалась вперёд, и Лира краем глаза заметила, как побелели её пальцы, вцепившиеся в каменную скамью.

— Однако сегодня, — голос Ректора упал до почти интимного шёпота, и от этого шёпота у Леры заledenел затылок, — сегодня наша снисходительность была вознаграждена самым постыдным образом. Обвиняемая использовала запретную Печать Безмолвия в публичном месте. В присутствии студентов. В присутствии преподавателей. В присутствии... — он сделал паузу, — Инквизиции.

Он посмотрел на Лиру. Глаза у него были светлые, почти бесцветные, и в них не читалось ни гнева, ни презрения, ни любопытства. Только холодная, деловая заинтересованность.

— Признаёшь ли ты свою вину?

Лира медленно, очень медленно покачала головой. Затем подняла руки. Пальцы сложились в знак «невиновна», потом — «самооборона», потом — «я защищала друга». Она чертила слова в воздухе с отчаянной, яростной скоростью, понимая, что это её последний шанс, и пространство между ней и Ректором заполнилось немymi знаками, как заполняется криком горло певца перед высокой нотой.

Ректор досмотрел до конца.

— Ты понимаешь, — сказал он, и в голосе его впервые прорезалось нечто, похожее на эмоцию, — что твои жесты здесь ничего не значат? Здесь, в Амфитеатре Суда, нет такого понятия, как «безмолвное свидетельство». Слово без звука — это не слово. Истина без голоса — это ложь. Так гласит закон, и так будет всегда.

Он повернулся к залу, и теперь его голос зазвучал торжественно, как орган на похоронах:

— Именем Академии Декрешендо, именем Совета Сирен, именем Отцов-Основателей, я, Ректор Клавдий Вокс-Прима, приговариваю обвиняемую Лиру, Эхо Третьего уровня, к сбросу в Нулевой уровень.

По залу прокатился вздох — не крик, не вопль, а именно вздох, как будто сотня глоток одновременно выпустила воздух. Эстер вскочила на ноги, но чья-то рука тут же дёрнула её обратно. Лира не обернулась. Она стояла, глядя на Ректора, и внутри у неё всё обратилось в лёд.

— Приговор будет приведён в исполнение немедленно, — добавил Ректор. — Уведите.

Инквизиторы взяли её под локти. Лира не сопротивлялась — сил не осталось. Она лишь успела бросить последний взгляд на зал, на серебряные намордники, на поющее кресло, на бледное лицо Эстер, — и в этот миг ей вдруг показалось, что она слышит музыку. Глубокий, низкий, почти неслышимый звук, идущий откуда-то снизу. Из-под пола. Из-под камня.

Из Карцера.

Инквизиторы повели её к Колодцу Бездны.

Колодец Бездны находился в самом сердце Академии, в Зале Отверстых Врат, куда студентам вход был заказан под страхом отчисления. Или чего похуже. Лира не знала точно — просто потому, что никто из тех, кто спускался сюда, не возвращался, чтобы рассказать.

Сам Колодец оказался неожиданно узким. В её воображении он рисовался гигантской воронкой, разверстой пастью, чёрным солнцем — но на деле это был всего лишь круглый проём в полу, аршина три в диаметре, обнесённый низким каменным бортиком. Никаких перил. Никакой решётки. Только ровный, гладко отполированный край, на котором темнели старые, въевшиеся в камень пятна. Лира не сразу поняла, что это следы ладоней — сотен ладоней, хватавшихся за бортик в последней надежде.

Сейчас эти пятна смотрели на неё, как немые свидетели.

Инквизиторы остановили её за два шага до края и разомкнули захват на локтях. Старший из них — тот, что с жезлом-камертоном, — коротко кивнул Ректору, который занял место у дальней стены, и вышел из круга света. Младший остался стоять чуть позади, и Лира спиной чувствовала его взгляд: не злой, не сочувственный, а какой-то оценивающий, словно он прикидывал, сколько она продержится внизу.

Впрочем, какая разница. Вниз так вниз.

Она оглянулась. За спиной, у входа в Зал, столпились немногочисленные зрители — те, кого допустили присутствовать при исполнении приговора. Студенты жались друг к другу, вытягивая шеи, но Лира не смотрела на них. Она искала одно-единственное лицо.

Эстер пробилась сквозь толпу в последний момент.

Она была бледна до синевы, волосы растрепались, а на щеке алела свежая царапина — видимо, кто-то из стражи пытался её задержать, и она вырывалась. Она выкрикнула имя Леры, и в тишине Зала этот крик прозвучал особенно громко, особенно одиноко.

Лира не услышала его — но увидела, как дрогнуло горло подруги, как исказилось её лицо, как по щекам хлынули слёзы. Эстер рванулась вперёд, но Инквизитор перехватил её за плечо и дёрнул назад, жёстко, без церемоний.

— Не подходить.

Эстер забила в его руках, продолжая кричать что-то, чего Лира уже не могла разобрать — губы дрожали слишком сильно, слёзы смазывали черты. Но смысл был ясен и без слов: «Не пушу! Не отдам! Пустите меня к ней!»

Лира подняла руку.

Медленно, почти лениво — она не хотела, чтобы этот жест выглядел прощанием, хотя, конечно, это было именно оно. Пальцы сами собой сложились в знак, который они с Эстер придумали ещё в детстве, когда сидели на подоконнике в дортуаре и смотрели на звёзды. Указательный палец к сердцу, затем — к губам, затем — развернуть ладонь к небу.

«Живи».

Эстер замерла. Её лицо исказилось гримасой такой чистой, такой беспомощной боли, что Лире на мгновение стало стыдно. Не за себя — за этот мир, в котором одно доброе дело карается бездной, а одна немая девочка не может попрощаться с подругой иначе, чем жестом.

— Приговор окончательный, — произнёс Ректор, и его голос обрушился на Зал как крышка саркофага. — Исполняйте.

Инквизитор с камертоном шагнул к Лире и коротко, почти равнодушно, толкнул её в грудь.

Она покачнулась.

Пятки заскользили по гладкому камню, пальцы ног судорожно вцепились в край бортика — но камень был слишком скользким, слишком хорошо отполированным за десятилетия чужих касаний. Лира попыталась ухватиться руками, но её пальцы, всё ещё онемевшие после Печати Безмолвия, не слушались. Они соскользнули с края, оставив на камне два влажных следа от инея, который всё ещё таял на коже.

И пол ушёл из-под ног.

Последнее, что она увидела, — лицо Эстер. Искажённое, мокрое от слёз, с широко распахнутым в крике ртом. А потом край Колодца сомкнулся над головой, и свет исчез.

Падение было недолгим — и бесконечным одновременно.

Тело кувыркалось в пустоте, и Лира не понимала, где верх, где низ, и есть ли они вообще. Воздух выбило из лёгких не ударом — самым отсутствием опоры. Она попыталась вдохнуть и не смогла: вокруг был не воздух, а что-то иное, разреженное и горькое, пахнущее озоном и старым, очень старым камнем.

Сквозь темноту, сквозь свист в ушах — или не свист, а вибрацию, пронизывающую всё тело, — она ощутила, как наверху, далеко-далеко, сдвинулась тяжёлая каменная плита. Люк закрывался. Последняя связь с миром живых обрывалась с глухим, утробным звуком.

Лира не услышала его. Но почувствовала — как волну давления, прокатившуюся сверху вниз и сжавшую её, точно в кулаке.

А потом не осталось ничего, кроме падения. И тишины.

Глава 2. Глотка пустоты

Падение длилось вечность.

Сначала Лира пыталась считать — не секунды, не удары сердца, а просто вдохи. Раз. Воздух обжёг горло холодом, совсем не похожим на холод Верхних этажей, — этот холод был живым, он просачивался сквозь кожу, сквозь кости, сквозь саму мысль о тепле. Два. Лёгкие сжались, отказываясь принимать эту субстанцию, которая только притворялась воздухом. Три. Она перестала считать.

Время в Колодце не текло, а скорее сворачивалось в кольцо, как змея, кусающая собственный хвост. Лира кувыркалась в пустоте, не различая верха и низа, и единственным ориентиром ей служило давление — оно нарастало с каждой секундой, с каждым футом падения, сжимая рёбра так, словно она оказалась на дне океана.

Барабанные перепонки лопнули не сразу.

Сперва возникла боль — острая, пронзительная, ввинчивающаяся в виски раскалённым штопором. Лира закричала — широко распахнув рот, выгнув спину дугой, — и в этот момент что-то внутри её ушей словно щёлкнуло. Боль отступила, сменившись странной, ватной пустотой. Она не слышала собственного крика. Даже его.

Но взамен пришло иное.

Бездна говорила с ней — не голосом, не звуком, а напрямую, через вибрацию, пронизывающую всё тело. Лира чувствовала, как стены Колодца, невидимые в темноте, поют на какой-то запредельно низкой частоте. Этот гул не имел ничего общего с музыкой — скорее с предсмертным хрипом гигантского зверя, умирающего где-то далеко-далеко, но всё ещё отзывающегося в костях и зубах.

Перед глазами вспыхивали образы.

Чужие образы. Чужие жизни. Вот мальчик с золотистыми волосами, в мантии Сирены, падает, раскинув руки, и его лицо искажено не страхом — обидой. «Кефас, за что?» — читает Лира по его губам, прежде чем образ гаснет. Вот девушка в сером платье Эхо, совсем юная, почти ребёнок, цепляется за край Колодца, и её пальцы ломаются один за другим, а рот распахнут в крике, которого Лира не слышит. Вот старик в преподавательской мантии, падающий молча, с каменным лицом и сжатыми кулаками. Вот ещё кто-то, и ещё, и ещё — десятки, сотни фигур, пронесшихся мимо, впечатанных в саму субстанцию провала, как мухи в янтаре.

Лира зажмурилась, но образы не исчезли — они были не снаружи, а внутри. Бездна не просто поглощала тела. Она впитывала воспоминания, страхи, последние мысли — и теперь, почуяв новую жертву, принялась перебирать свою коллекцию, точно скупщик краденого, прикидывающий цену.

«Нет, — подумала Лира без слов. — Нет, я не хочу это видеть. Не хочу».

Но Бездне было всё равно.

Давление усилилось. Теперь оно не просто сжимало — оно проникало внутрь. Лира ощутила, как невидимые пальцы, холодные и бесцеремонные, ощупывают её голосовые связки — те самые, что никогда не издали ни звука. Что-то в темноте заинтересовалось ею. Что-то древнее, голодное и бесконечно терпеливое.

А потом падение прекратилось.

Лира не ударилась о дно — дна здесь не было в привычном смысле. Просто в какой-то момент её тело перестало ускоряться, и невидимая сила, мягкая, но непреклонная, перевернула её в пространстве, ставя вертикально. Ноги коснулись твёрдой поверхности — или того, что казалось твёрдым в этой крошечной тьме.

Она стояла. Или висела. Или лежала — трудно было сказать. Ориентация в пространстве отказала полностью, и Лира вдруг поняла, что понятия «верх» и «низ» здесь не просто бесполезны — они лживы. Бездна не имела геометрии. Она имела только голод.

Лира медленно, очень медленно открыла глаза.

Вокруг была тьма. Но не та простая, земная тьма, к которой привыкаешь через несколько минут и начинаешь различать силуэты. Эта тьма была густой, как дёготь, и живой, как звериная шкура. Она двигалась. Она дышала. Она смотрела.

И она была не одна.

Где-то слева — если здесь вообще существовало «слева» — шевельнулось нечто. Лира не увидела, а скорее ощутила это движение: ток воздуха, или не-воздуха, коснулся её щеки, и кожа немедленно покрылась мурашками. Там, в гуще мрака, колыхался силуэт — бесформенный, слоистый, сотканный из той же субстанции, что и всё вокруг, но более плотный. Более... внимательный.

Лира попыталась попятиться и обнаружила, что её ноги увязают в чём-то вязком, похожем на мокрую глину, смешанную с золой. Пол — или что заменяло здесь пол — мягко чавкнул, отпуская ступню, и звук этот Лира не услышала, но почувствовала дрожью в щиколотках.

Силуэт приблизился.

Он не шёл — он перетекал, как чернильное пятно по мокрой бумаге, и там, где он проходил, тьма становилась ещё темнее, если такое вообще возможно. От него не пахло — точнее, пахло отсутствием запаха, как от глубокого погреба, где уже много лет ничего не росло и не умирало. Он остановился в трёх шагах от Лире, и она увидела — не глазами, а тем же внутренним зрением, которым только что видела чужие воспоминания, — что у него нет лица.

Вместо лица — провал. Глубокая, многослойная воронка, в которой медленно, лениво вращались обрывки чего-то, напоминающего звёздную пыль.

А потом силуэт закричал.

Это не было криком в обычном смысле — Лира не слышала его. Но он ударил по ней, как ударная волна от взрыва, как камнепад, как лавина. Грудную клетку сжало так, что рёбра затрещали; перед глазами поплыли багровые круги; руки и ноги онемели разом, и она рухнула — или попыталась рухнуть, но вязкая поверхность не отпустила, держала её в вертикальном положении, вынуждая принимать крик всем телом.

Крик проходил сквозь неё слой за слоем — и в нём была боль. Не её боль — чужая. Боль сотен павших, чьи воспоминания она только что видела. Она вливалась в неё через уши, через ноздри, через поры кожи и оседала внутри холодным, липким осадком.

Лира попыталась поднять руки, чтобы закрыться, сплести щит, хоть что-нибудь, — но пальцы не слушались. Магия, ещё теплившаяся в них после Печати Безмолвия, угасла, как свеча на сквозняке. Она была пуста. Беззащитна. Нема.

Крик продолжался целую вечность, а потом, так же внезапно, как начался, — оборвался.

Силуэт замер. Его провал-лицо чуть наклонился, словно он разглядывал Лиру под новым углом. Воронка в центре его головы дрогнула, и звёздная пыль внутри неё закружилась быстрее.

Он не нашёл в ней голосовых вибраций. Ни одной. Вообще.

И в его пустотах, в его бесконечной, вымороженной вечности, впервые за долгое-долгое время проснулось нечто, похожее на любопытство.

Сознание возвращалось рывками — не как прилив, мягко накатывающий на берег, а как дёрганая, рваная кинолента, где каждый кадр выхвачен из темноты случайной вспышкой.

Сперва — ощущение холода. Не того холода, что снаружи, а глубинного, проникшего в костный мозг и свившего там гнездо. Лира чувствовала себя так, словно её вынули из ледяной воды и забыли отогреть.

Потом — вибрация. Низкая, непрерывная, почти неслышимая, она шла отовсюду разом: от пола — или того, что заменяло здесь пол, — от стен, от воздуха, от собственной груди. Лира попробовала пошевелить пальцами, и ей показалось, что кости скрипят в такт этой вибрации, как расстроенные струны.

Глаза открылись не сразу. Веки налились тяжестью, словно кто-то придавил их монетами — старая погребальная традиция, о которой она читала в книге по истории магических ритуалов. Моргнула раз, другой. Ресницы слиплись от чего-то влажного и холодного — не то испарины, не то слёз, пролитых, пока она была без сознания.

Вокруг была тьма.

Но теперь, когда зрение немного привыкло, Лира различала оттенки. Густая, маслянистая чернота, в которой плавали более светлые прожилки — багровые, бурые, а где-то далеко — бледно-голубые, как болотные огни. Они двигались, пульсировали, перетекали друг в друга и ни на миг не оставались на месте.

Стены — если это были стены — дышали.

Лира медленно, очень медленно приподнялась на локтях. Тело слушалось плохо: мышцы ныли, как после долгой болезни, а голова кружилась, и кружение это не походило на обычное головокружение. Оно было плавным, тягучим, словно пространство вокруг неё не имело чёткой геометрии и постоянно смещалось. Она замерла, боясь упасть — но падать было некуда.

Пол под ней был твёрдым. Или, по крайней мере, притворялся твёрдым.

Она опустила ладонь вниз и прижала пальцы к поверхности. Та отозвалась слабой, едва уловимой дрожью — не теплом, но каким-то подобием жизни. Обсидиан? Возможно. Но обсидиан не вибрирует. И не дышит. И уж точно не отзывается на прикосновение тихим, глубинным гулом, похожим на мурлыканье сытого зверя.

Лира провела ладонью по поверхности, и та на мгновение осветилась изнутри — слабый, молочный свет пробежал под кожей камня, обрисовав сложный узор из прожилок и трещин. Словно пол — или что это было — на мгновение показал ей свою кровеносную систему.

— Что ты такое? — прошептала она одними губами, забыв, что здесь это не имеет смысла.

Камень, конечно, не ответил. Но вибрация изменилась — стала чуть выше, чуть ближе к краю слышимости, — и Лира кожей ощутила, что за ней наблюдают. Не тот теневой силуэт из первого столкновения — нет. Что-то иное. Что-то гораздо более древнее и гораздо более равнодушное.

Сам Карцер. Он был живым. Или, точнее, он был чем-то, что когда-то было живым, а теперь существовало в режиме вечного, бесконечно медленного угасания.

Лира села полностью и огляделась.

Она находилась в пещере — или в чём-то, что напоминало пещеру лишь отдалённо. Потолок терялся в темноте, но на высоте примерно десяти футов угадывались очертания каких-то наростов, похожих на сталактиты, — только они двигались. Медленно, почти незаметно, они сокращались и разжимались, как щупальца, и от этого движения по стенам пробегали волны багрового свечения.

Воздух был тяжёлым, влажным и отдавал металлом — так пахнет кровь, подумала Лира и тут же отогнала эту мысль. Не надо. Не сейчас. Она должна думать о выживании, а не о метафорах.

Она попыталась встать.

Ноги держали плохо. Колени подгибались, а ступни увязали в том же вязком, полуживом камне, который облегал их, как мокрая глина, и отпускал с неохотным чавканьем. Лира сделала один шаг, второй — и едва не упала, потому что законы физики здесь, кажется, не действовали вовсе. В одном месте её тело вдруг стало легче, почти невесомым; в другом — налилось свинцовой тяжестью, и каждый шаг давался с трудом, словно она брела по груди в воде.

Верха не было. Низа тоже. Лира запрокинула голову вверх, но не увидела ни потолка, ни намёка на Колодец, из которого выпала, — только всё ту же живую, колышущуюся тьму, пронизанную багровыми прожилками. Она посмотрела вниз — под ногами расстилалась та же картина. Если бы не слабое притяжение, удерживающее её у поверхности, она бы не смогла сказать, где пол, а где бездна.

Она была не в яме. Она была в глотке. В желудке. В чреве чего-то огромного, что переваривало само пространство и время.

И это что-то пело.

Лира не слышала песни. Но чувствовала её — как медленный, невероятно низкий вой, от которого зудили кости и ныла грудина. Песнь без слов. Песнь без мелодии. Песнь, состоящая из одного-единственного чувства — голода.

Она обхватила себя за плечи. Пальцы нащупали ткань рубахи — грубую, всё ещё влажную от пота и не-воздуха Карцера, — и судорожно сжали. Ей вдруг отчаянно, до боли в горле захотелось услышать хоть что-нибудь. Хоть шорох собственных шагов. Хоть стук сердца. Хоть что угодно.

Но здесь не было звуков. Только вибрация. Только низкий, непрерывный, пронизывающий всё сущее гул.

И в этом гуле таилась угроза.

Лира заставила себя сделать ещё один шаг, потом ещё. Стены пещеры — или тоннеля — или глотки — расступались перед ней, образуя подобие коридора. Впереди, метрах в трёх, багровые прожилки складывались в узор, отдалённо напоминавший арку. За аркой тьма была ещё гуще, но в ней что-то двигалось. Что-то большое, многослойное и бесконечно одинокое.

Она остановилась.

Вспомнила, как в детстве, читая украденные книги по тактильной магии, наткнулась на старую гравюру. На ней изображался лабиринт, в центре которого сидел слепой старик с отрезанными ушами, и подпись гласила: «Тот, кто спускается в Карцер, спускается в себя».

Тогда она не поняла. Теперь — начинала понимать.

Лира глубоко вдохнула разреженный, металлический воздух, сделала шаг вперёд — и вошла в арку. Тьма за ней сомкнулась, как вода над головой ныряльщика, и багровые прожилки на стенах проводили её долгим, утробным пульсом.

Она шла, выставив руки вперёд, как слепая. Пальцы касались стен — или того, что заменяло здесь стены, — и с каждым прикосновением Лира узнавала чуть больше об этом месте. Фактура поверхности менялась постоянно: гладкий, как стекло, обсидиан сменялся пористой, крошащейся под ногтями субстанцией, похожей на застывшую лаву; лава уступала место чему-то влажному и упругому, что проминалось под ладонью и медленно, нехотя возвращало форму, едва она отдёргивала руку.

Живое. Всё здесь было живым — или когда-то жило, а теперь пребывало в состоянии полураспада, слишком вязком и медленном, чтобы назвать его смертью.

Она споткнулась.

Нога зацепилась за край плиты, выступающей из пола под странным углом. Лира покачнулась и упала на одно колено; ладони инстинктивно выбросило вперёд, и они впечатались в камень. Вернее — в то, что она поначалу приняла за камень.

На ощупь это оказалось гладким и холодным, но холод был не мёртвым, а каким-то... спящим. Таким холодом веет от старых могильных плит в зимнюю ночь, когда кажется, что камень не просто остыл, а впитал в себя холод всех, кто лежит под ним. Лира замерла, прислушиваясь к ощущениям в кончиках пальцев.

Под ними проступали линии.

Она нахмурилась и провела ладонью по поверхности, смахивая слой не то пыли, не то пепла — того странного, жирноватого налёта, что покрывал здесь всё. Линии проявились чётче. Это были борозды, вырезанные в камне, — неровные, разной глубины и ширины, местами пересекающиеся, местами обрывающиеся на полпути.

Ли́ра подалась ближе, вглядываясь в узор.

И замерла.

Это были не просто линии.

Она узнала форму ногтей — вернее, того, что осталось от ногтей. Кто-то царапал этот камень. Долго. Отчаянно. До крови, до кости, до тех пор, пока подушечки пальцев не стирались в мясо, а ногти не обламывались под корень. И этот кто-то был здесь — стоял на коленях там же, где сейчас стояла она, и скрёб, скрёб, скрёб по неподатливому камню в попытке оставить хоть какой-то след. Хоть слово. Хоть букву.

Ли́ра машинально коснулась одной из борозд — самой глубокой, самой длинной, уходящей вбок и обрывающейся рваным краем.

И мир взорвался.

Она не увидела — она пережила. Чужая паника ударила в неё, как молния, — мгновенная, ослепляющая, всепоглощающая. Крик без звука забился в горле, и на долю секунды она стала не-Ли́рой. У неё было другое имя — она не знала, какое, но чувствовала его очертания где-то на периферии сознания. У неё были другие руки — крупнее, грубее, с обломанными ногтями и шрамами на костяшках. И у неё был голос — хриплый, срывающийся, отчаянный, — который кричал одно и то же слово снова и снова.

«Вы-пу-сти-те. Вы-пу-сти-те. Выпуститевыпуститевыпустите...»

Ли́ра отдёргнула руку.

Её отбросило назад, как от удара током. Спина впечаталась в податливую стену, дыхание сбилось, а сердце колотилось так, что она чувствовала его биение в зубах. Ладонь, коснувшаяся линий, горела — не магическим огнём, нет, а простой, почти бытовой болью, словно она и впрямь рассадилась кожу о камень.

Она поднесла ладонь к лицу.

На внутренней стороне, чуть ниже большого пальца, проступил белый рубец. Тонкий, как нить, и совершенно безболезненный — но он свёлся прямо у неё на глазах, превращаясь из розовой царапины в бледный, давно заживший шрам. Словно кожа помнила то, чего не пережила.

Метка Карцера.

Ли́ра смотрела на свою ладонь долго, возможно, целую минуту. Рубец не исчезал. Он был матово-белым, чуть светлее остальной кожи, и на ощупь — она провела по нему подушечкой указательного пальца — совершенно гладким, словно там никогда и не было раны.

Её первая метка.

Она перевела взгляд на плиту. Теперь, когда первый шок прошёл, она видела то, что упустила раньше. Линии не были хаотичными — они складывались в подобие письменности. Не буквы, не руны, не тактильные знаки Академии, а нечто иное, архаичное и грубое, как наскальные рисунки в пещерах древних народов. Один узор напоминал стилизованный глаз. Другой — спираль, уходящую в центр. Третий — фигурку человека с раскинутыми руками, пересечённую вертикальной чертой.

Предупреждение? Молитва? Карта?

Она не знала. Но одно поняла сразу: эти знаки оставили не просто от скуки или отчаяния. Тот, кто выцарапывал их, пытался что-то сказать. Кому-то, кто придёт следом.

Кому-то вроде неё.

Ли́ра медленно поднялась на ноги. Осторожно, словно к раскалённой плите, снова протянула руку к камню — на этот раз не к линиям, а к чистой поверхности рядом с ними. Кончики пальцев замерли в дюйме от шершавого края.

«Я здесь. Я тоже здесь. Меня зовут Ли́ра. Я немая, но я живая. Пожалуйста...»

Она не закончила мысль. Не стала царапать камень — её ногти были слишком короткими, а магия слишком слабой. Вместо этого она прижала ладонь к плите плашмя, вдавливая в холодный камень тепло своей кожи — возможно, первое тепло, которого эта поверхность коснулась за долгие десятилетия.

Под ладонью что-то слабо дрогнуло.

Ли́ра отдернула руку. На камне, там, где только что лежала её ладонь, остался след — не отпечаток, не ожог, а лёгкое, быстро тающее свечение, похожее на флуоресценцию гнилушек. Оно подрагивало в такт её пульсу — или в такт вибрации Карцера, она уже не различала, — а затем погасло.

Но в темноте, в двух шагах от неё, кто-то выдохнул.

Она не услышала выдоха — почувствовала, как воздух шевельнулся у её щеки, влажный и тёплый, пахнувший чем-то давно забытым. Розами? Ладаном? Пылью старых книг? Трудно было сказать. Но запах был не здешним — он принадлежал другому миру, другому времени, другому человеку.

Ли́ра резко обернулась.

Тьма позади неё колыхнулась и сгустилась в знакомый уже силуэт — тот самый, слоистый, с провалом вместо лица. Он висел в нескольких футах над полом — или тем, что замечало здесь пол, — и звёздная пыль в его воронке-лице медленно вращалась, как далёкая галактика.

Он смотрел на неё. Или, точнее, ощупывал — тем же внутренним зрением, которым она видела чужие воспоминания во время падения.

Ли́ра попятилась.

Силуэт не двинулся с места. Он просто висел там, колыхая теневыми краями, и в его пустотах, в его бесконечном провале рта, зарождался новый крик — не такой, как в первый раз. Более низкий. Более медленный. Почти... вопросительный?

Она не стала ждать, пока он развернётся в полную силу. Пальцы, всё ещё дрожащие после касания плиты, сами собой сложились в защитный знак — не Печать Безмолвия, нет, на неё не хватило бы сил, а простой, базовый жест-барьер, который отгораживал разум от вторжения.

Силуэт наклонил голову-воронку. Звёздная пыль в нём закружилась быстрее.

И в наступившей — для Ли́ры — тишине, в этом беззвучном противостоянии, она вдруг поняла странную вещь. Он не нападал. Он изучал. Так изучают новое, невиданное прежде явление — с осторожностью, смешанной с жадным, почти детским любопытством.

Ли́ра опустила руки. Медленно, очень медленно, на случай, если он всё-таки передумает.

Силуэт не двинулся. Только звёздная пыль в его провале-лице замерцала чуть ярче, и в глубине воронки проступило что-то, отдалённо напоминающее глаз. Огромный, бесцветный, лишённый зрачка глаз, который смотрел не на неё — сквозь неё, в самую суть её немоты.

И в этом взгляде не было голода.

Пока.

Тишина — та, что царила в Карцере от начала времён, — треснула.

Ли́ра не услышала этого, но почувствовала — как чувствуют приближение грозы за много миль: не ушами, а кожей, костями, корнями зубов. Воздух, и без того плотный, сгустился ещё сильнее, стал почти осязаемым, как мокрая марля, облепившая лицо. Вибрация, идущая от стен, сменила ритм — с медленного, убаюкивающего пульса на частую, лихорадочную дробь, от которой у Ли́ры зануло в груди.

А потом пришёл крик.

Он не был похож на тот, первый, что встретил её сразу после падения и обшаривал гортань в поисках голоса. Тот крик был инструментом — холодным, равнодушным скальпелем, препарирующим жертву. Этот был иным. Он рвался из какой-то запредельной глубины, неся в себе не просто звук, а слои, пласты, эпохи боли. Первобытный. Многослойный. Вывернутый наизнанку.

Лири прижала ладони к груди и согнулась пополам. Крик проходил сквозь неё, как нож сквозь масло, и она не могла ни закрыться, ни отгородиться, ни хотя бы закричать в ответ. Её немота, всегда бывшая щитом, здесь обернулась ловушкой: звук, не имея выхода, застревал в ней, резонировал в рёбрах, в позвоночнике, в черепной коробке.

— Прекрати, — прошептала она одними губами. — Пожалуйста, прекрати.

Крик не прекращался. Он разрастался. Множился. В нём прорезались новые голоса — или не голоса, а их тени, их отголоски, их скелеты. Мужской бас, полный ярости. Женский алыт, захлёбывающийся рыданиями. Детский дискант — тонкий, как волос, звенящий на одной ноте. Все они переплетались, сталкивались, пожирали друг друга и рождались заново.

Лири рухнула на колени. Пальцы вцепились в вязкий, податливый пол; ногти ушли в субстанцию по самое основание. Она попыталась сосредоточиться, сплести хотя бы простейший щит, но магия не слушалась. Источник внутри неё — та крохотная поющая точка, что рождала беззвучные заклинания, — съёжилась и молчала, как перепуганный зверёк.

Крик приближался.

Теперь Лири различала его источник. Тот же силуэт, что висел перед ней минуту назад, — слоистый, колышущийся, с провалом вместо лица, — выгибался дугой, и из его воронки, из самой сердцевины звёздной пыли, исторгался этот невозможно сложный, многослойный вой. Он не раскрывал рта. Он просто кричал всем своим существом, и пространство вокруг него плавилось, как воск.

— Что ты такое? — беззвучно спросила Лири.

Силуэт качнулся вперёд. Крик стал громче — если к нему вообще применимо слово «громче». Скорее он стал ближе, интимнее; теперь он не просто проходил сквозь неё, а обволакивал, проникал под кожу, сворачивался в суставах и позвоночнике. Лири чувствовала, как её собственные мысли путаются, смешиваются с чужими, как на периферии сознания вспыхивают образы, которых она никогда не видела, — залитый солнцем луг, чьё-то смеющееся лицо, падение в бездну, предательство, одиночество, вечность, вечность, вечность...

«Нет!»

Она мотнула головой. Сжала кулаки. Вонзила ногти в ладони — простая, земная боль немного отрезвила, вернула ощущение собственного тела. Лири заставила себя поднять глаза.

Силуэт был уже в двух шагах.

Он нависал над ней, огромный, многослойный, переливающийся оттенками черноты, которой нет названия в человеческом языке. И его крик — теперь она видела это совершенно ясно — был не угрозой. Не оружием. Не инструментом.

Он был агонией.

Это существо не пугало её. Оно кричало от боли — так долго и так безнадежно, что сам крик стал его сутью. Его единственным способом существовать.

Лири медленно, очень медленно разжала кулаки. Выпрямила спину. Пальцы, всё ещё дрожащие, сложились в знак «я здесь» — самый простой, самый мирный жест, который она знала.

Силуэт дёрнулся. Крик на мгновение прервался — захлебнулся, точно споткнувшись о неожиданное препятствие. Звёздная пыль в его воронке-лице замерцала быстрее, и Лири увидела в её глубине то же самое, что видела раньше, — что-то, похожее на глаз. Огромный, бесцветный, лишённый зрачка.

Он смотрел на неё. И в его взгляде читался вопрос.

Лира повторила жест. «Я здесь». Затем добавила новый, более сложный: «Я не причиню тебе вреда. Я не могу кричать. Я не могу петь. Я — тишина. Слышишь?»

Она не знала, понимает ли он тактильные знаки. Но что-то в вибрации, идущей от него, изменилось. Крик не вернулся. Вместо него возник низкий, почти неслышимый гул — не агрессивный, не болезненный, а скорее... выжидающий.

Силуэт склонил голову-воронку набок. Его тёмные края заколыхались, и одно из щупалец — длинное, тонкое, сотканное из чистой тени — медленно протянулось к ней. Лира замерла. Каждая клетка её тела вопила: «Беги!», — но она осталась на месте.

Щупальце коснулось её горла.

Холод обжёг кожу — не ледяной, а какой-то потусторонний холод, холод межзвёздного пространства, где нет ни тепла, ни времени, ни надежды. Но он не давил. Он просто лежал на её коже, лёгкий, почти невесомый, и Лира чувствовала, как он вибрирует — часто, мелко, словно прощупывает её голосовые связки изнутри.

Она не дышала. Не двигалась. Только смотрела в бесцветный глаз, мерцающий в центре воронки.

Щупальце задержалось на её гортани на несколько долгих, бесконечных секунд. А потом отпрянуло.

Крик не вернулся.

Вместо этого из глубины силуэта вырвался звук, какого Лира никогда прежде не ощущала. Низкий, рокошующий, почти мурлыкающий. Он не ранил. Он не искал. Он просто был — как может быть шум дождя за окном, или дыхание спящего, или тихий стук сердца в ночи.

Он был любопытством.

Лира медленно выдохнула. Подняла руку и показала ещё один знак — тот самый, который они с Эстер считали приветствием: ладонь к сердцу, затем раскрыть к собеседнику.

— Меня зовут Лира, — прошептала она губами, хотя знала, что он не умеет читать по губам. — А тебя?

Силуэт молчал. Но звёздная пыль в его провале-лице кружилась теперь иначе — не хаотично, а складываясь в подобие спирали. Медленно, словно вспоминая что-то очень древнее и почти забытое.

А потом он отступил. Не исчез — просто отодвинулся на несколько футов, освобождая ей пространство. И в этом движении, в этой неожиданной, почти застенчивой уступке было больше человеческого, чем во всех речах Ректора, которые Лира когда-либо «слышала».

Она встала на ноги. Колени дрожали. Ладони саднили от впившихся ногтей. Но внутри, в том месте, где только что съёживался от ужаса источник её магии, теперь теплился крохотный, робкий огонёк.

Не надежда. Нет, надежда была бы слишком громким словом.

Скорее — любопытство. Ответное.

Крик оборвался не сразу.

Сперва он задрожал, расслоился, потерял свою монолитную, всепроникающую мощь — точно так же, как теряет силу шторм, уходящий в открытое море. Многослойный вой, ещё мгновение назад заполнявший всё пространство, распался на отдельные нити: бас угас первым, за ним — альт, последним смолк детский дискант, тонкий и жалобный, как писк раздавленного котёнка.

И наступила тишина.

Для Лиры тишина была привычным состоянием — она жила в ней с рождения, куталась в неё, как в плащ, пряталась за ней от насмешек и презрения. Но эта тишина была иной. Не пустой — скорее, перенасыщенной. Такой тишины она не знала даже в самые глухие ноч-

ные часы на Третьем уровне, когда весь дортуар замирал и даже вечно гудящие трубы отопления замолкали. Здесь, в Карцере, тишина имела вкус — металлический, с примесью озона и ещё чего-то горьковатого, похожего на полынный дым. Она имела вес — она давила на плечи, облепляла голову, забивалась в ушные раковины, как вата, пропитанная ледяной водой.

Силуэт напротив неё замер.

Его тёмное, слоистое тело колыхалось медленно, словно подводные водоросли в неподвижной толще океана. Звёздная пыль в воронке-лице замедлила свой хаотичный бег и теперь плыла по спирали — неспешно, почти задумчиво. Холодное щупальце, только что лежавшее на горле Лиры, отпрянуло и втянулось обратно в основную массу тени, но не исчезло полностью — замерло на полпути, покачиваясь в нерешительности.

Лира не двигалась.

Колени болели от падения на камни. Ладони саднили там, где она впилась ногтями в податливый пол. Сердце колотилось так, что, казалось, его биение должно быть слышно на всех уровнях Карцера, — но она знала, что здесь его никто не услышит. Здесь вообще никто никого не слышал. Здесь можно было кричать вечность — и оставаться безответным.

И всё же что-то изменилось.

Она смотрела на силуэт — а силуэт смотрел на неё. Не сканировал, не ощупывал, не препарировал в поисках голоса. Просто смотрел. И в этом взгляде — если беззвучное внимание можно назвать взглядом — читалось нечто, чего Лира не ожидала встретить здесь, на дне мира.

Недоумение.

Она медленно, очень медленно подняла руку. Пальцы всё ещё дрожали, но жест вышел чётким — «я не понимаю». Ладонь раскрылась и повернулась к силуэту, как страница книги, которую протягивают незрячему.

Тот не шевельнулся.

Тогда Лира, собрав остатки храбрости, показала второй жест — «ты». Палец указал на колышущуюся тьму и чуть задержался в воздухе, словно дотрагиваясь до невидимой границы между ними.

Силуэт качнулся вперёд — едва-едва, на какой-нибудь дюйм. Но этого хватило: Лира почувствовала движение воздуха у лица, ледяного и в то же время странно осторожного. А затем — она не поверила своим глазам — от основного тела тени отделилось ещё одно щупальце, тоньше первого, почти прозрачное, сотканное из того же живого мрака. Оно неуверенно повисло в пространстве между ними, подрагивая на концах.

И повторило её жест.

Неуклюже. Грубо. Лишённое той отточенной чёткости, с какой Лира вычерчивала тактильные знаки годами тренировок. Скорее тень, чем форма, скорее намёк, чем утверждение. Но оно повторило: «ты».

У Лиры перехватило дыхание.

— Ты... понимаешь? — прошептала она губами и тут же осадила себя: конечно, он не читает по губам. Но, может быть, он читает что-то иное? Может быть, он читает намерение? Эмоцию, стоящую за жестом? Саму суть движения?

Она попробовала снова. Сложила пальцы в знак «мир» — самый древний, самый простой, известный даже тем, кто не владел тактильной магией. Две раскрытые ладони, скрещённые запястьями, с расставленными пальцами.

Силуэт помедлил.

А затем оба его щупальца — и то, что касалось её горла, и то, что повторяло жест, — медленно соединились в подобие того же знака. Неровно, асимметрично, с явным трудом. Тень не была создана для таких движений — она была создана для крика, для боли, для бесконечного, безнадежного воя. Но она старалась.

И в этом старании было больше красноречия, чем в тысяче голосов.

Ли́ра опустила руки. Глаза защипало — не от боли, не от страха, а от чего-то совсем иного, чему она пока не могла подобрать названия. За все годы в Академии Декрешендо, среди сотен студентов и преподавателей, никто — ни один человек — ни разу не попытался ответить ей на её языке. Все требовали голоса. Все требовали слов. Все смотрели на её жесты как на уродство, как на ересь, как на нечто, подлежащее искоренению.

А это существо — это невозможное, многослойное, кричащее существо, само состоящее из боли и одиночества, — попыталось. С первого раза. Без слов. Без условий.

— Спасибо, — вычертила она в воздухе. А затем добавила, уже проще: — Я — Ли́ра.

Существо не ответило — возможно, у него не было имени, или оно забыло его за долгие века крика. Но звёздная пыль в его воронке-лице замерцала ярче, а по тёмному телу пробежала волна ряби — почти как дрожь, почти как вздох.

А потом оно отступило. Развернулось — медленно, тяжело, словно преодолевая сопротивление самой реальности, — и поплыло прочь, колыша теньвыми краями. Но не исчезло. Остановилось у дальней стены пещеры, там, где багровые прожилки складывались в подобие арки, и замерло.

Ждало.

Ли́ра провела ладонью по лицу. Пальцы были ледяными и всё ещё дрожали. Она всё ещё не знала, где находится, как отсюда выбраться и сколько у неё осталось времени. Но она знала другое.

У неё был собеседник.

Она поднялась на ноги — осторожно, придерживаясь за стену, которая на этот раз отозвалась на прикосновение мягким, почти ласковым теплом, — и сделала шаг вперёд. За арку. За силуэтом. В глубину Карцера, которая теперь казалась уже не такой беспросветной.

Глава 3. Касание, что режет

Силуэт ждал её у арки.

Он не надвигался, не преграждал путь, не тянул щупальца — просто висел в нескольких дюймах над полом, колыша теньвыми краями, и смотрел — бесцветное, беззрачковое мерцание в глубине воронки. Лира остановилась в трёх шагах от него и замерла, прислушиваясь к ощущениям.

Страх никуда не ушёл. Он по-прежнему сидел где-то под рёбрами, холодный и липкий, как проглоченный кусок льда. Но теперь к нему примешивалось нечто иное — жгучее, почти болезненное любопытство. Силуэт не нападал. Силуэт не кричал. Силуэт пытался говорить с ней.

На её языке.

Это было невозможно, невероятно — и самым настоящим чудом из всех, что Лира видела в своей жизни.

Она медленно опустилась на колени. Не от слабости — хотя ноги всё ещё дрожали, — а намеренно. Так, как садятся перед диким зверем, показывая, что не представляешь угрозы. Вязкий пол чавкнул под коленями и обхватил их холодной, влажной тяжестью, но Лира не обратила на это внимания.

— Я не знаю, кто ты, — вычертила она в воздухе. — Но спасибо. За то, что перестал кричать.

Силуэт качнулся. Его тёмное тело — если это вообще можно было назвать телом — пошло рябью, словно поверхность пруда, куда бросили камень. Лира заметила, что он стал чуть плотнее, чем в первый раз. Или ей только казалось? Здесь, в этом царстве иллюзий и полуживого камня, трудно было доверять даже собственным глазам.

А потом он снова протянул к ней щупальце.

На этот раз движение было медленнее — не осторожное даже, а какое-то задумчивое, точно он сам не до конца решил, чего хочет. Тонкий, полупрозрачный отросток тени поплыл к её лицу, оставляя за собой слабый, быстро тающий след — как от весла в тёмной воде. Лира заставила себя не шевелиться.

Щупальце коснулось её щеки — и замерло.

Холод был мгновенным и абсолютным. Не таким, как зимний воздух или ледяная вода, — нет. Так обжигает металл, пролежавший ночь в снегу. Кожа под ним онемела сразу, и мышцы свело короткой судорогой. Но боли не было. Только холод. И ещё — странное, едва уловимое ощущение, будто кто-то провёл по её мыслям кончиками пальцев.

Лира не отстранилась.

Вместо этого она медленно, очень медленно подняла собственную руку и поднесла к тому месту, где щупальце касалось её щеки. Она не пыталась схватить его — просто приблизила пальцы на расстояние волоска, почти касаясь.

— Тебе холодно, — прошептала она губами, не рассчитывая, что он поймёт. — Тебе всегда было холодно, да?

Силуэт не ответил — он не умел отвечать словами. Но звёздная пыль в его воронке-лице замерцала чаще, и в глубине бесцветного глаза прорезалось что-то новое. Не боль. Не голод. Не любопытство.

Узнавание.

Он провёл щупальцем по её скуле — ниже, к подбородку, к шее, — и теперь Лира чувствовала не только холод, но и вибрацию. Частую, мелкую, как дробь дождя по стеклу. Щупальце не просто прикасалось — оно ощупывало. Изучало форму её лица так, как изучают рельеф незнакомой местности: с пристрастием, с вниманием к деталям, с какой-то жадной,

голодной тщательностью, за которой угадывалась долгая — невыносимо долгая — изоляция от любого живого тепла.

Лира закрыла глаза.

Так было проще. С закрытыми глазами она могла сосредоточиться на ощущениях, не отвлекаясь на колышущуюся тьму перед собой. Щупальце скользнуло по линии её челюсти, обвело ушную раковину — Лира подавила дрожь, — и остановилось у виска.

А потом она почувствовала, как холод отступает.

Не исчезает — нет, холод никуда не делся, он по-прежнему струился от тени, как пар от сухого льда. Но теперь к нему примешивалось что-то ещё. Что-то, идущее не от щупальца, а от самой Леры — крохотное, упрямое тепло, разгорающееся где-то в груди. Её собственный источник магии, ещё минуту назад съжившийся и безмолвный, начинал отзываться. Не просыпаться — пока нет, — но уже ворочаться, как зверь в берлоге, почуявший весну.

Силуэт почувствовал это.

Щупальце отдёрнулось — не испуганно, а скорее удивлённо. Звёздная пыль в его воронке закружилась быстрее, и Лира, открыв глаза, увидела, как он разглядывает кончик своего отростка — того самого, что касался её лица. На самом кончике, там, где тень была тоньше всего, мерцала крохотная серебристая искра — словно частичка её магии прилипла к нему и теперь жила собственной жизнью.

Силуэт поднёс щупальце ближе к воронке-лицу. Звёздная пыль внутри неё всколыхнулась и поглотила искру — мягко, почти нежно.

И по тёмному телу пробежала дрожь.

Лира не знала, что это значит. Но она видела, как после этой дрожи контуры силуэта стали чуть более чёткими, а тени — чуть менее размытыми. Словно крохотная капля её тепла, её магии, её сути дала ему что-то, чего он был лишён уже очень, очень давно.

Форму. Или память о форме.

— Ты был человеком, — вычертила Лира в воздухе.

Это был не вопрос. Она и сама не знала, откуда взялась эта уверенность — возможно, из тех образов, что нахлынули на неё при падении. Возможно, из самого прикосновения щупальца к её лицу — в нём, в этом холоде, чувствовалась не потусторонняя природа, а искажённая, измученная, но всё ещё человеческая суть.

Силуэт замер.

А затем медленно, очень медленно — словно вспоминая движение, забытое века назад, — наклонил голову-воронку вниз. Не в поклон, нет. Скорее в подтверждение.

Лира выдохнула. Она не заметила, что всё это время сдерживала дыхание.

— Как тебя зовут? — спросила она тактильным знаком, самым сложным из тех, что осмелилась использовать. Имя. Она хотела знать его имя.

Но силуэт не ответил. Он отступил — не испуганно, а скорее растерянно, — и его тёмное тело снова пошло рябью. Звёздная пыль в воронке закружилась хаотично, и на миг Лире показалось, что сейчас он снова закричит.

Но крика не было.

Вместо этого он протянул щупальце к её левой руке — той самой, на которой всё ещё белел первый шрам, оставленный плитой с чужими царапинами. Прикоснулся. Не режуще — мягко, почти бережно.

И оставил второй шрам. Тонкий, как паутинка, белый след на внутренней стороне запястья. Он возник без боли, без крови — просто проступил на коже, словно был там всегда, словно только и ждал этого прикосновения, чтобы стать видимым.

Лира смотрела на него, затаив дыхание. Второй шрам. Вторая метка Карцера.

— Хорошо, — прошептала она. — Не хочешь говорить — не надо. Я сама придумаю тебе имя.

Силуэт не ответил. Но звёздная пыль в его провале-лице замерцала ровнее, и в этом мерцании Лире почудилось — впервые — нечто похожее на ожидание.

Они стояли друг напротив друга посреди пещеры — если это вообще была пещера, а не складка в бесконечной утробе Карцера, — и молчали. Он — потому что разучился говорить. Она — потому что не умела.

Но молчание бывает разным. Бывает молчание-стена, бывает молчание-пропасть, а бывает — молчание-мостик, переброшенный через пустоту и ждущий только первого шага. Лира решила его сделать.

Она подняла руки. Пальцы задвигались медленно, старательно — она не хотела, чтобы он упустил хоть одно движение, хоть один оттенок смысла. Сначала — знак «я». Ладонь к груди, к сердцу, туда, где всё ещё теплился крохотный, дрожащий огонёк её магии. Потом — «живое». Кончики пальцев обеих рук соединились в замок и раскрылись, как распускающийся цветок, — жест, который она придумала сама ещё в детстве, когда не нашла в учебниках подходящего слова для того, что чувствовала.

— Я живая, — показала она. — Я не призрак. Я не тень. Я живая.

Силуэт смотрел. Его бесцветный глаз в глубине воронки не мигал — он вообще, кажется, не умел мигать, — но звёздная пыль в нём закружилась быстрее, и по тёмному телу снова пробежала та странная, почти судорожная рябь, которую Лира уже начинала распознавать как признак волнения.

Она повторила жест. «Я живая». А затем указала на него: «Ты?».

Долгое, очень долгое мгновение ничего не происходило. Силуэт просто висел в воздухе, колыша теневыми краями, и Лира уже начала думать, что переоценила его способность понимать. Может быть, то повторение жеста раньше было случайностью? Игрой её воображения? Миражом, рождённым из боли и одиночества?

А потом он шевельнулся.

Щупальце — то самое, тонкое, полупрозрачное, что только что касалось её лица, — медленно поплыло вверх. Двигалось оно неуклюже, рывками, словно каждое движение давалось ценой огромных усилий. Лира видела, как тень на его кончике дрожит, расплывается, не держит форму, — и как он упрямо, раз за разом, возвращает её в подобие осмысленного очертания.

Он коснулся собственной груди — того места, где у человека должно было бы находиться сердце, а у него зияла лишь пустота, заполненная медленно вращающейся тьмой. Затем щупальце двинулось вверх, к воронке-лицу, и замерло там, подрагивая.

А затем — Лира не поверила своим глазам — из самой глубины воронки, из хаоса звёздной пыли и кружащихся обрывков, проступил слабый, едва заметный серебристый проблеск. Не свет даже — скорее, его воспоминание. Отражение отражения. Бледная, дрожащая искра, похожая на ту, что она видела на кончике его щупальца после прикосновения к её лицу.

Он показывал ей. Не словами — у него не было слов. Не жестами — он едва мог имитировать самые простые движения. Но он показывал: смотри, я тоже был живым. Я тоже был. Где-то там, глубоко внутри, под слоями крика и боли, под наслоениями тьмы, которые выросли за десятилетия, за века, — там ещё теплилась частица того, кем он когда-то был.

У Леры перехватило горло.

Она не знала, как называется чувство, внезапно сдавившее грудь, — слишком сложное, слишком острое, слишком непривычное для того, кто годами отгораживался от мира стеной безмолвия. Жалость? Нет, не жалость — жалость унижительна, а в этом существе не было ничего, достойного унижения. Скорее — родство. Узнавание. Так смотрит на своё отражение в мутной воде человек, привыкший быть одиноким, и вдруг понимает: он не один.

— Ты был живым, — вычертила она. — Ты упал сюда, как я. Давно.

Щупальце дрогнуло и опустилось. Искра в воронке погасла. Но силуэт не отступил — напротив, он придвинулся чуть ближе, и теперь Лира могла разглядеть его подробнее.

То, что она принимала за однородную тень, на самом деле имело структуру — сложную, слоистую, как геологический срез. Внешний слой был самым тёмным и плотным, почти непроницаемым для взгляда, — он напоминал корку запёкшейся крови. Под ним угадывались более светлые, почти прозрачные слои, в которых медленно, как в толще ледника, двигались какие-то тени теней. А в самой сердцевине — там, где у живого существа помещалась бы душа, — пульсировало что-то бледное, неровное, ритмичное.

Сердце. Или то, что от него осталось.

Лира поняла вдруг, что смотрит на человека. Вернее, на то, во что превращается человек, когда его лишают всего — голоса, тела, имени, времени, — но он всё равно отказывается умирать. Или не может умереть. Запертый здесь, в этой глотке реальности, он кричал так долго, что сам стал криком. А теперь — теперь он пытался стать чем-то иным.

— Я помогу тебе, — вычертила Лира в воздухе. — Не знаю как. Но помогу.

Он не ответил. Не мог ответить. Но тени на его поверхности на миг застыли, а звёздная пыль в воронке-лице сложилась в рисунок, отдалённо напоминавший её собственный знак «живое».

Лира улыбнулась — впервые с тех пор, как упала в Колодец. Улыбка вышла бледной и кривоватой, но она была настоящей.

А потом холодное щупальце снова потянулось к ней — и на этот раз она не стала ждать, пока оно коснётся её. Она сама протянула руку навстречу. Кончики пальцев встретились с кончиком тени. Холод обжёг кожу, мгновенно онемевшую от прикосновения, но Лира не отдернула руки.

Она держалась. И он держался.

И где-то в глубине Карцера, в безднах бездны, впервые за много столетий, двое коснулись друг друга — не с намерением ранить, а с намерением понять.

Холод от прикосновения никуда не ушёл. Он пульсировал в кончиках пальцев, поднимался по запястью к локтю, растекался по предплечью ледяной рекой — медленной, но неумолимой. Лира чувствовала, как кожа под тенью немеет слой за слоем, и понимала, что это не просто холод, а нечто иное, чему она пока не знала названия. Может быть — внимание. Может быть — память. Может быть — та самая странная субстанция, из которой был соткан Карцер и всё, что в нём обитало.

Силуэт тоже не двигался.

Их пальцы — её живые, его теневые — соприкасались в пространстве, и в точке соприкосновения рождалось слабое, едва заметное свечение. Не серебристое, как у светлячков Леры, и не багровое, как у прожилок на стенах. Что-то среднее — опаловое, переливчатое, точно свет далёкой звезды, пробивающийся сквозь толщу льда.

А затем щупальце скользнуло выше.

Оно обвило её запястье — медленно, осторожно, словно спрашивая разрешения каждым своим движением. Лира не сопротивлялась. Она смотрела, как тень обхватывает её руку кольцом, как смыкается на предплечье, как подрагивает на внутренней стороне локтя, где кожа была тоньше всего и где билась, видимая глазу, голубая жилка пульса.

И тогда пришла боль.

Не резкая — не такая, какую она ожидала. Не удар, не укол, не ожог. Скорее — медленный, тягучий разрез, похожий на след от острейшего лезвия, которое ведут по коже так медленно, что боль приходит не сразу, а спустя несколько ударов сердца. Лира стиснула зубы. Воздух со свистом вырвался сквозь них — беззвучным, бессмысленным выдохом, который здесь, в бездне, всё равно никто не мог услышать.

А потом в неё хлынула чужая жизнь.

Это было не просто прикосновение. Это был разговор — но не словами, не жестами, не образами даже. Скорее — эмоцией. Чистой, беспримесной, дистиллированной столетиями одиночества. Тоска. Такая глубокая и непроглядная тоска, что у Леры перехватило дыхание. Она не принадлежала ей — эта тоска была чужой, древней, почти геологической по своему масштабу, — но на несколько секунд она заполнила её целиком, вытеснив всё остальное: страх, боль, надежду, даже собственное имя.

Она почувствовала, каково это — быть здесь. Не минуты, не часы, не дни. Годы. Десятилетия. Века. Каково это — кричать без ответа, падать без дна, помнить без надежды. Каково это — быть погребённым заживо в собственной тени, в собственной боли, в бесконечном, бессмысленном вое, который стал единственным способом существовать.

По щекам Леры потекли слёзы.

Она не заметила, когда они начались. Просто в какой-то момент кожа под глазами стала мокрой и горячей, и влага потекла вниз, к подбородку, к шее, туда, где всё ещё лежало щупальце тени. Оно дрогнуло, когда первая слеза коснулась его, — точно обожглось. Тень на мгновение стала прозрачнее, и Лира увидела внутри неё сложную, переливающуюся структуру — словно соты, заполненные всё той же звёздной пылью, что кружилась в воронке-лице.

И так же внезапно, как начался, поток чужой эмоции иссяк.

Щупальце разжалось и отпрянуло. Силуэт качнулся назад, и Лира услышала — не услышала, почувствовала — низкий, вибрирующий гул, полный смятения. Он не ожидал слёз. Он не ожидал, что его прикосновение вызовет такую реакцию. Возможно — она догадалась об этом позже, — он вообще не знал, что его боль можно разделить, что ей можно истечь слезами, а не криком.

Лира медленно поднесла руку к лицу. На запястье, там, где тень держала её крепче всего, проступил новый шрам — длинный, тонкий, белый, как и предыдущие. Но этот был иным. Он не просто светился — он хранил тепло. Или не тепло даже, а отголосок той чужой, невыносимой тоски, что только что прошла сквозь неё и оставила метку.

— Ты... — прошептала она, и губы слушались плохо, будто онемели вместе с рукой. — Ты так долго был один.

Силуэт замер. Звёздная пыль в его воронке остановилась, стусилась в плотный, сияющий шар, и в этом шаре Лира увидела что-то, чего не видела раньше. Очертания человеческого лица — размытые, искажённые, словно отражение в воде, потревоженной брошенным камнем. Высокий лоб. Тонкий нос. Губы, сложенные в долгий, бесконечно долгий беззвучный крик.

А потом шар рассыпался, и лицо исчезло.

Силуэт качнулся и отступил ещё дальше, почти к самой арке. Его тёмное тело колыхалось и шло рябью, словно он сам не знал, куда ему деться и как справиться с тем, что только что произошло.

Лира вытерла слёзы тыльной стороной ладони. Та всё ещё дрожала.

— Не бойся, — вычертила она в воздухе. — Я не уйду. Я тоже была одна.

Он не отвечал. Но и не исчезал. Просто висел у арки, колыша теневыми краями, и ждал — сам не зная чего.

А на её запястье, там, где минуту назад лежало щупальце, белый шрам медленно наливался серебристым светом. Первый мост. Первое слово. Первое разделённое чувство в этой бездне, где даже крик не находил ответа.

Лира прижала ладонь к груди, туда, где всё ещё ныло отголоском чужой тоски, и закрыла глаза. Ей нужно было отдышаться. Нужно было понять. Нужно было решить, что делать дальше.

Но одно она уже знала точно. Это существо — не враг. Не чудовище. Не демон из старых легенд, которыми пугали первокурсников в дортуаре.

Это был человек. Когда-то.

Слёзы высохли быстро. Здесь, в Карцере, влага испарялась стремительно, словно сама реальность вытягивала её из кожи, из глаз, из воздуха — жадно, не оставляя и следа. Лира провела ладонью по щеке, чувствуя, как соль стягивает кожу тонкой, невидимой коркой, и заставила себя выпрямиться.

Хватит. Эмоции — непозволительная роскошь, когда ты на дне мира. Она не могла позволить себе размякнуть сейчас, когда только-только забрезжила надежда на контакт.

Силуэт всё ещё висел у арки — сжавшийся, подрагивающий, словно ожидал, что она сейчас вскочит и убежит, или закричит на него, или сделает что-нибудь ещё, чего он привык ожидать от живых. Но Лира не убегала. Она сидела на вязком полу, скрестив ноги, и разглядывала свои руки с таким сосредоточенным видом, словно видела их впервые.

Три шрама. Первый — на ладони, у основания большого пальца, там, где она коснулась плиты с чужими царапинами. Второй — на внутренней стороне запястья, тонкий, как паутинка, оставленный его щупальцем. Третий, самый длинный и самый отчётливый, — на предплечье, там, где тень держала её крепче всего. Три белых линии, три метки Карцера.

И каждая из них что-то значила.

Лира прикоснулась к третьему шраму кончиком указательного пальца. Кожа под ним была гладкой и прохладной — ни воспаления, ни боли, ни следа недавнего прикосновения. Словно он зажил не минуты, а годы назад. Но внутри, под кожей, ещё теплился отголосок чужой тоски — слабый, почти неосязаемый, как затихающий звон колокола.

— Мы можем говорить, — прошептала она одними губами.

Мысль была настолько ошеломляющей, что она не сразу осмелилась её принять. Говорить. Не голосом — голоса у неё не было, а у него не осталось. Но — прикосновением. Болью. Шрамом. Тем странным, невозможным способом, которым он только что влил в неё свою тоску, а она в ответ — свои слёзы. Это был обмен. Несовершенный, болезненный, опасный, — но обмен.

Лира подняла голову и посмотрела на силуэт.

— Покажи мне ещё что-нибудь, — вычертила она в воздухе. — Не боль. Что-нибудь другое.

Долгое мгновение ничего не происходило. Силуэт висел неподвижно, и звёздная пыль в его воронке-лице вращалась медленно, как вода в затягивающейся воронке. Лира ждала. Она училась ждать ещё там, наверху, в Академии, где каждое её слово — каждый жест, каждый тактильный знак — требовал от собеседника терпения. Здесь терпения требовалось ещё больше.

А потом он шевельнулся.

Щупальце — на этот раз не тонкое полупрозрачное, а более плотное, более тёмное, — отделилось от основного тела и поплыло к ней. Двигалось оно иначе, чем раньше: не рывками, не неуверенно, а плавно, почти текуче. Словно он что-то вспомнил. Словно с каждым прикосновением к ней его движения становились чуть более человеческими.

Щупальце остановилось у её плеча. Замерло там на несколько ударов сердца — Лира считала их, раз, два, три, — а затем легко, почти невесомо, скользнуло вниз по руке. Не обвиняя, не сжимая, не оставляя шрамов. Просто — касаясь. Так, как проводят пальцами по воде, не нарушая её глади.

И в этом прикосновении не было ни боли, ни тоски, ни голода.

Тепло. Слабое, едва уловимое тепло, похожее на солнечный луч, пробившийся сквозь толщу облаков в пасмурный день. Оно не обжигало, не давило, не требовало ничего взамен. Оно просто было.

Лира затаила дыхание. Она не знала, может ли тень излучать тепло, — по всем законам магии, которые ей вдалбливали в Академии, не могла. Тень — это отсутствие света, отсутствие

тепла, отсутствие жизни. Но то, что она чувствовала сейчас кожей, не было отсутствием. Это было присутствием. Робким, неуверенным, почти забытым — но присутствием.

— Ты учишься, — вычертила она. — Ты учишься не делать больно.

Силуэт не ответил. Но его щупальце задержалось на её локте, а затем скользнуло обратно вверх, к плечу, к шее, к щеке — и замерло там, подрагивая.

Лира прикрыла глаза. Она вдруг подумала, что если бы кто-нибудь сказал ей неделю назад — да что там, час назад, — что она будет сидеть на дне Карцера и позволять теневому существу касаться своего лица, она бы решила, что этот кто-то сошёл с ума. Но сейчас это казалось самым естественным, самым правильным, что она делала за долгое время.

Потому что в этом прикосновении было то, чего ей всегда не хватало наверху.

Понимание без слов.

Она подняла руку и осторожно — так же, как он, — коснулась его щупальца. Пальцы погрузились в холодную, податливую субстанцию, похожую на студень из тьмы. Тень обтекла её ладонь, как вода обтекает камень, и на миг Лира почувствовала ответное тепло — слабое, неровное, но всё-таки тепло.

— Я научу тебя, — прошептала она. — Я научу тебя моему языку. А ты научишь меня... — она замялась, не зная, как закончить, — ...выживать здесь.

Силуэт дрогнул. Его щупальце отпрянуло на дюйм, и Лира испугалась, что снова спугнула его. Но вместо того чтобы отступить, он протянул к ней второе щупальце, и оно мягко, почти застенчиво коснулось её другой руки.

Два касания. Два моста. Два начала чего-то, чему ещё не было названия.

— Хорошо, — вычертила она, и пальцы слушались теперь лучше. — Давай попробуем говорить.

Она сложила ладони в простейший тактильный знак — «имя». Тот самый, который показывала раньше. Палец чертит в воздухе линию, обозначающую связь между людьми, затем прижимается к груди. «Кто ты?» — в одном движении.

А потом она сделала то, чего не делала никогда прежде. Она прижала свою ладонь — ту, что ещё хранила тепло его прикосновения, — к его теневой груди, туда, где угадывалось ритмичное, бледное мерцание.

— Имя, — показала она одними губами. — Твоё имя.

Силуэт замер. Звёздная пыль в его воронке остановилась, сгустилась в плотный шар, и в этом шаре снова проступили очертания лица — размытые, зыбкие, но уже чуть более различимые, чем в прошлый раз. Лира видела их всего мгновение, но успела заметить две детали: высокий лоб и глубоко посаженные глаза, в которых тлело что-то древнее и мучительно знакомое.

А потом из глубины воронки, из самого сердца звёздной пыли, вырвался звук.

Не крик. Не вой. Звук — хриплый, низкий, почти неслышимый. Скорее выдох, чем голос. Но он имел форму. Он имел ритм. Он имел смысл.

— Во...

Лира замерла. Сердце пропустило удар.

— Ещё, — вычертила она с отчаянной надеждой. — Пожалуйста. Ещё.

Но звук исчез так же внезапно, как появился. Очертания лица в воронке рассыпались, звёздная пыль снова закружилась хаотичным вихрем, и силуэт отдёргнулся — резко, почти испуганно, словно обжёгся о собственную попытку заговорить.

Однако Лира уже услышала. Вернее — почувствовала. Один слог. Первый. Начало.

А значит, у него было имя.

Она не стала настаивать. Вместо этого она прижала ладонь к собственной груди, к тому месту, где всё ещё пульсировал крохотный огонёк магии, и вычертила в воздухе свой ответ — медленно и тщательно, чтобы он успел разглядеть каждое движение:

— Я подожду.

Ли́ра не знала, сколько прошло времени. В Карцере время не текло — оно сворачивалось в петли, застревало в паутине вибраций, растягивалось и сжималось без всякой логики. Иногда ей казалось, что с момента падения миновали часы; иногда — что она сидит здесь уже несколько дней, а то и недель. Единственным ориентиром служила усталость — тяжёлая, свинцовая, наваливающаяся на плечи всё сильнее с каждым вдохом.

Но сейчас она не могла позволить себе отдых. Только не теперь, когда между ними забрезжило нечто похожее на понимание.

Силуэт по-прежнему висел у арки, но уже не подрагивал, не сжимался, не пытался отступить в спасительную тьму. Он ждал — терпеливо, как умеют ждать только те, кто провёл в одиночестве вечность. Его щупальца, оба, всё ещё касались её рук — одно лежало на левом запястье, второе обвивало правую ладонь, — и от них больше не исходило ни холода, ни тоски. Только слабое, едва уловимое тепло, похожее на дыхание спящего.

Ли́ра глубоко вдохнула разреженный, металлический воздух и приняла решение.

— Мы не можем говорить, — вычертила она в воздухе, и пальцы задвигались быстро, чётко, словно она вела урок в классе, а не сидела на дне бездны. — Но мы можем касаться. Прикосновение — это слово. Шрам — это фраза. Понимаешь?

Силуэт не ответил. Но его щупальца чуть дрогнули, и Ли́ра восприняла эту дрожь как знак внимания.

Она высвободила правую руку — медленно, осторожно, чтобы не спугнуть его, — и положила ладонь на собственное левое предплечье, туда, где белел третий шрам, самый длинный. Кончик указательного пальца упёрся в верхний край рубца, провёл по нему вниз, до запястья, и замер.

— Вот. Это — твоя тоска. Ты дал её мне. Я её почувствовала.

Затем она перенесла ладонь на его щупальце — то самое, что только что обвивало её запястье. Прикоснулась легко, едва ощутимо, и провела пальцем по его тёмной, слоистой поверхности. Под кожей тени что-то дрогнуло — не боль, не страх, а скорее удивление.

— А вот это — моё тепло. Я даю его тебе. Ты чувствуешь?

Долгое, очень долгое мгновение ничего не происходило. А затем щупальце под её ладонью потеплело — на самую малость, на какую-то долю градуса. Но Ли́ра почувствовала это. И он — почувствовал тоже, потому что звёздная пыль в его воронке-лице замедлила свой бег и начала складываться в тот самый рисунок, который она уже видела раньше, — её собственный знак «живое».

— Хорошо, — выдохнула она. — Очень хорошо. А теперь сложнее.

Ли́ра подняла обе руки и медленно, старательно, как для самого тупого первокурсника, сложила пальцами знак «мир». Две раскрытые ладони, скрещённые запястьями, с расставленными пальцами. Простейший жест, которому учат на первом же уроке тактильной магии.

— Повтори.

Щупальца заколебались. Они не были созданы для таких движений — слишком тонкие, слишком текучие, слишком чуждые всякой геометрии. Но он попытался. Сперва одно щупальце поползло вверх и изогнулось под немыслимым углом; второе последовало за ним, путаясь и расползаясь по краям. Вместо знака «мир» получилось нечто бесформенное, больше похожее на клубок дыма.

Но он попытался.

Ли́ра улыбнулась — на этот раз не кривовато, не через силу, а по-настоящему, тепло, широко. И, спохватившись, что он не понимает мимики, добавила тактильный знак «хорошо».

— Ещё раз. Медленнее.

Они провели за этим занятием целую вечность — или, может быть, несколько минут. В Карцере время по-прежнему не желало течь по прямой. Лира показывала простейшие знаки — «мир», «я», «ты», «живое», «опасность», «безопасно», — а силуэт пытался их повторять. Получалось плохо. Его щупальца разъезжались, теряли форму, путались друг в друге, иной раз сжимались до тонких нитей, иной раз растекались в бесформенную лужицу тени. Но с каждой попыткой — с каждой неудачей — движения становились чуть более осмысленными, а очертания — чуть более чёткими.

Он учился. С той же яростной, отчаянной настойчивостью, с какой она когда-то училась плести беззвучные заклинания, — зная, что другого способа говорить с миром у неё не будет никогда.

И вот, после очередной попытки — кажется, они пробовали знак «имя», — его щупальца вдруг сложились в почти правильную фигуру. Кривоватую, дрожащую по краям, но узнаваемую. Ладонь к сердцу, затем раскрыть к собеседнику. «Мир тебе».

Лира замерла. Сердце снова пропустило удар — или даже два.

— Ты сделал это, — прошептала она. — Ты сделал.

И в ответ — она не поверила своим глазам — он повторил жест снова. Быстрее. Увереннее. Словно мышечная память, дремавшая в нём веками, наконец проснулась и вспомнила, что когда-то — давным-давно — он тоже был человеком и тоже умел говорить руками.

Лира прижала ладони к груди. Три шрама на её левой руке слабо мерцали в темноте, и каждый из них теперь значил больше, чем просто метку. Первый — «я здесь». Второй — «ты здесь». Третий — «мы можем говорить».

— Я Лира, — вычертила она в воздухе, и пальцы сами собой сложились в привычный, отработанный за годы узор. А затем она указала на него: — Ты — ?

Силуэт замер. Щупальца его дрогнули и опустились. Звёздная пыль в воронке закружилась быстрее, и Лира увидела, как внутри неё снова проступают очертания лица — такие же размытые, как раньше, но теперь она видела их чуть дольше. Высокий лоб, о котором она уже знала. Глубоко посаженные глаза, полные древней, невыплаканной муки. И рот — приоткрытый, словно он силился что-то произнести.

А затем из глубины воронки, из самого сердца звёздной пыли, вырвался звук. Громче, чем в прошлый раз. Длиннее. Он не был криком — нет, он был почти голосом, низким и хриплым, как у человека, который слишком долго молчал и разучился управлять связками.

— Во-о-о... кс-с-с...

Лира затаила дыхание.

— Вокс? — прошептала она одними губами.

Силуэт качнулся. Звёздная пыль в его воронке вспыхнула ярче, и по тёмному телу пробежала дрожь — узнавания? облегчения? Она не знала. Но она увидела, как его щупальца снова сложились в знак «мир», а затем — медленно, неуклюже — в знак «имя».

— Вокс, — вычертила она в воздухе, и пальцы задрожали от волнения. — Твоё имя — Вокс.

Слово было странным. В Академии «вокс» означало «голос» на древнем наречии Сирен — она помнила это из учебников по истории магии. Голос. Имя, которое носило существо, лишённое голоса. Или не лишённое, а потерявшее его, как теряют монету, оброненную в глубокий колодец, — не навсегда, а до тех пор, пока кто-нибудь не спустится на дно и не найдёт.

— Вокс, — повторила она, и на этот раз жест вышел особенно чётким.

Силуэт — Вокс — медленно наклонил голову-воронку. То ли соглашаясь. То ли вспоминая. То ли принимая давно забытое имя обратно, как принимают старую, потрёпанную мантию, которая когда-то была впору, а теперь болтается на исхудавших плечах.

А потом он сделал то, чего Лира не ожидала. Он протянул щупальце — не к ней, а к собственной груди, туда, где пульсировало бледное, неровное мерцание, и коснулся этого места

с той же осторожностью, с какой прежде касался её лица. А затем провёл щупальцем от своей груди к ней — медленно, словно чертя невидимую линию в пространстве между ними.

«Ты дала мне имя. Я даю тебе... что?»

Лира поняла его без слов. Она подняла руку и коснулась того места на его груди, где только что лежало его щупальце. Холод обжёг пальцы, но она не отдёрнула руки. Вместо этого она прижала ладонь крепче и зажмурилась, сосредотачиваясь на ощущениях.

Там, под слоями тени, билось сердце. Или то, что от него осталось, — медленное, неровное, почти затухающее, но всё ещё живое. И в его биении Лира услышала — не ушами, а тем внутренним слухом, что пробудился в ней после падения, — второе слово. Не «Вокс». Что-то другое. Что-то более древнее, личное, сокровенное.

Люциан.

Она не знала, откуда взялось это знание. Может быть, он передал его ей через прикосновение — так же, как раньше передал тоску. Может быть, она сама догадалась — по тому, как звёздная пыль в его воронке складывалась в очертания лица, по тому, как дрожали его щупальца, когда он пытался произнести своё имя.

— Люциан, — прошептала она одними губами. — Тебя звали Люциан. А теперь — Вокс. И то, и другое — твоё

Он не ответил. Но щупальца его обмякли, расслабились, и теневое тело на миг перестало колыхаться, застыло в полной неподвижности — словно он впервые за много веков позволил себе просто быть. Не кричать. Не защищаться. Не искать. Просто быть.

Лира медленно убрала ладонь с его груди и опустилась обратно на вязкий пол. Усталость, которую она сдерживала усилием воли, навалилась разом — тяжёлая, как могильная плита. Она зевнула и почувствовала, как веки наливаются свинцом.

— Мне нужно поспать, — вычертила она. — Ты... ты можешь постеречь? Пока я сплю?

Вокс помедлил. Затем его щупальца медленно, почти торжественно сложились в знак «безопасно». Он выплыл вперёд, завис над ней — не угрожающе, а скорее защитно, — и его тёмное тело раздалось вширь, образуя что-то вроде полога. Купола. Убежища.

Лира свернулась калачиком на вязком, но странно уютном полу и закрыла глаза. Три шрама на её левой руке мягко мерцали в темноте. И где-то над ней, в колышущейся тьме, Вокс — Люциан, бывший человек, бывший крик, — держал безмолвную стражу.

Она заснула быстрее, чем ожидала. И впервые за долгое время — без сновидений.

Глава 4. Имена, потерянные во тьме

Лира проснулась от прикосновения.

Не от холода — хотя холод в Карцере никуда не девался, он просто стал привычным, как старая, заношенная одежда, которую перестаёшь замечать. И не от вибрации — хотя пол под ней пульсировал всё так же ровно, словно огромное спящее сердце. Её разбудило прикосновение щупальца к плечу — лёгкое, почти невесомое, каким будят близкого человека, не желая напугать.

Она открыла глаза. Тьма никуда не делась, но теперь она казалась не такой густой — или, может быть, зрение привыкло. В нескольких дюймах над ней нависал знакомый силуэт, слоистый и колышущийся, и в его воронке-лице медленно вращалась звёздная пыль.

— Вокс, — вычертила она в воздухе, ещё не до конца стряхнув сон. — Ты здесь.

Он не ответил — он не умел отвечать словами. Но щупальце, лежавшее на её плече, чуть потеплело, и Лира приняла это как «да».

Она села, растирая затёкшую шею. Мышцы ныли — вязкий пол был не слишком-то удобной постелью, — но усталость отступила, а вместе с ней вернулась способность думать. И первый же вопрос, который занимал её перед сном, снова всплыл в сознании, как поплавок из тёмной воды.

Имя.

— Я знаю, что тебя зовут Вокс, — начала она медленно, и пальцы чертили знаки так старательно, словно от этого зависела её жизнь. — Но это не всё. Я чувствовала. Там, — она прикоснулась к собственной груди, — было ещё что-то. Люциан. Это ведь тоже ты, правда?

Силуэт замер. Его теневое тело перестало колыхаться и сжалось, словно он пытался удержать внутри что-то рвущееся наружу. Звёздная пыль в воронке-лице ускорила свой бег, и в глубине её проступили уже знакомые очертания — высокий лоб, глубоко посаженные глаза, приоткрытый в беззвучном усилии рот.

А потом из воронки вырвался звук.

На этот раз он был громче — почти голос, только сломанный, искажённый, как песня, проигрываемая на расстроенном инструменте. Он начался с низкого, грудного гула, перешёл в хрип, сорвался на шипение и рассыпался каскадом резких, режущих обертонов, похожих на осколки стекла.

Лира не слышала его в привычном смысле — она чувствовала. Каждый обертон впиался в кожу микроскопической иглой, оставляя не шрамы даже, а крохотные, быстро гаснущие точки боли. Она стиснула зубы и не шевельнулась.

— Лю-у... — прорвалось сквозь шум. — Лю-ци...

И снова — каскад осколков. Слово рассыпалось, не успев родиться, и Вокс дёрнулся всем телом, точно от удара. Его щупальца втянулись в основную массу тени, воронка-лицо сжалась до узкой щели, и на долгое мгновение он превратился в бесформенное, дрожащее облако тьмы — почти такое же, каким она увидела его в первый раз.

Лира поняла.

Он не мог произнести собственное имя. Что-то — может быть, сама природа Карцера, может быть, древнее проклятие, может быть, просто слишком долгое одиночество — сломало его голос так основательно, что каждое слово давалось ценой невыносимых усилий и рассыпалось на полпути.

— Не надо, — быстро вычертила она в воздухе. — Не заставляй себя. Я поняла.

Она подалась вперёд и, не думая больше о холоде, о боли, о возможной опасности, прижала ладонь к тому месту, где у него должно было находиться лицо. Пальцы погрузились в холодную, слоистую тьму, и мгновенно онемели, но она не отдернула руки.

— Я поняла, — повторила она. — Люциан. Это твоё первое имя. Вокс — твоё второе имя. Оба — твои. Оба — настоящие.

Тьма под её ладонью дрогнула. Медленно, неуверенно щупальца снова отделились от основного тела и потянулись к ней — не чтобы удержать или ранить, а чтобы коснуться. Одно легло на её запястье, второе — на плечо, третье — на щёку, и каждое вибрировало в своём ритме, словно он пытался сказать ей что-то сразу несколькими голосами.

Лира не двигалась. Она сидела, прижимая ладонь к его лицу-воронке, и чувствовала, как холод постепенно отступает, сменяясь тем же слабым, неровным теплом, которое она ощущала раньше. Он не мог говорить. Но он учился — с каждой минутой, с каждым прикосновением, с каждым жестом, который они делили на двоих.

— Я научу тебя, — прошептала она. — Не торопись. У нас есть время.

А потом она медленно убрала ладонь и вычертила в воздухе вопрос, который вертелся в её голове с того самого момента, как она узнала его имя:

— Сколько ты здесь? Сколько времени прошло с тех пор, как ты упал?

Вокс замер. Звёздная пыль в его воронке остановилась, и по тёмному телу пробежала та самая дрожь, которую Лира уже научилась распознавать как признак трудного воспоминания. А затем его щупальца сложились в ответ — не словами, не жестами, а рисунком. Он вычертил в воздухе знак, которого Лира никогда не видела раньше: круг, перечёркнутый многими, многими линиями. Так много линий, что круг почти исчезал под ними.

Века. Или тысячелетия. Или просто «слишком долго».

Лира сглотнула. У неё пересохло в горле — не от холода, не от усталости, а от внезапного, острого осознания. Он был здесь дольше, чем существует Академия. Дольше, чем живут самые старые книги в библиотеке. Дольше, чем вообще можно было вообразить.

И он всё ещё был здесь. Всё ещё помнил своё имя. Всё ещё пытался говорить.

— Ты... — она не договорила. Слова кончились — даже тактильные. Вместо них Лира просто придвинулась ближе и положила ладонь на его теневое плечо, туда, где угадывались очертания, смутно напоминавшие человеческую фигуру.

Вокс не отстранился. Его щупальца медленно, почти застенчиво обвилились вокруг её запястья и замерли там, подрагивая, как натянутые струны. И в этом молчаливом, неподвижном касании было больше слов, чем во всех речах, которые Лира когда-либо читала по чужим губам.

Тишина между ними снова сгустилась, но теперь она не давила. Она была терпеливой, выжидательной — как зверь, который лёг у костра и греет бока, не пытаясь напасть. Лира сидела напротив Вокса, скрестив ноги, и размышляла.

Имя было. Она знала это теперь точно. Где-то в глубине его сломанного, искажённого веками голоса таились слоги, которые он пытался ей передать. «Во...» — вырвалось в первый раз. «...кс-с-с» — добавилось во второй. Но между ними зиял провал, заполненный шумом, каскадом режущих обертонов, всей той болью, которая выросла на него за годы — или века — в Карцере.

Нужно было вычленить. Отделить зерно от плевел. Имя от крика.

— Давай попробуем ещё раз, — вычертила она. — Медленно. Я буду слушать.

Вокс колебался. Его теневое тело колыхалось, щупальца подрагивали, и Лира видела, чего ему стоит даже такая простая просьба. Каждое слово, произнесённое вслух, причиняло ему боль — не физическую, может быть, а иную, более глубокую, связанную с самой сутью его падения. Его лишили голоса. Забрали. Вырвали. И теперь каждая попытка заговорить была одновременно и попыткой вернуть украденное — и прикосновением к открытой ране.

Но он попытался.

Из воронки-лица вырвался звук — на этот раз не крик, не вой, а скорее выдох, которому попытались придать форму. Низкий, грудной гул прокатился по пространству между ними и достиг Лир не через уши — она была глуха, — а через кожу, через рёбра, через кончики пальцев, прижатых к полу.

Она закрыла глаза.

Так было легче. С закрытыми глазами она могла сосредоточиться на вибрациях, разложить их на составляющие, как раскладывают на столе рассыпанные бусины — по одной, по цвету, по размеру. Она научилась этому ещё в детстве, когда поняла, что звуки мира доходят до неё не через слух, а через прикосновение. Пол, стены, перила — всё вибрировало, всё пело, если уметь слушать телом.

Сейчас она слушала всем телом.

Гул расслаивался. Сперва — сплошной, непроницаемый, как стена дождя. Затем — с просветами, с трещинами, в которые можно было просунуть внимание. Лира отсеивала шум — шипение, скрежет, те самые осколки-обертоны, что кололи кожу, — и тянулась к центру. К тому, что пряталось под шелухой.

— Р-р-р...

Она почувствовала этот звук. Он не был словом — скорее, его скелетом. Раскатистое, вибрирующее «р», проходящее сквозь грудную клетку Вокса и затухающее где-то на полпути к горлу. Оно напоминало мурлыканье, но более низкое, более древнее, более отчаянное.

— Есть, — вычертила она, не открывая глаз. — Ещё.

— ...экс...

Этот звук был тише и короче. Свистящий, шипящий, он вырвался из воронки рывком и тут же захлебнулся, словно ему не хватило воздуха. Но Лира успела его поймать. «Рэкс». Или «рекс». Или просто «экс» — окончание, обрывок, осколок слова.

Она открыла глаза.

— Ещё раз. Медленнее. Только первую часть.

Вокс повторил. На этот раз он лучше контролировал звук — щупальца его напряглись, тёмное тело сжалось, словно он собирал всю свою сущность в одну точку, в один выдох, в один слог.

— Во-о-о...

Низкий, гулкий, протяжный. Почти музыкальный. Лира узнала его — это был тот самый звук, который она слышала в первый раз. «Во». Корень. Основа. Начало.

— Хорошо, — вычертила она. — Теперь вторую часть.

— ...кс-с-с...

Свист. Шипение. Хвост слова, уползающий в тишину. «Кс». Или «кс-с-с» — с долгим, затухающим призвуком.

Лира замерла. Два звука. Два обломка. Она свела их в уме — и получилось «Вокс». Но это было слишком просто, слишком очевидно. Она хотела услышать всё имя, целиком, так, как он сам его слышал — или помнил.

Она встала на колени и придвинулась ближе. Настолько близко, что могла бы дотронуться до его воронки-лица, если бы протянула руку.

— Я буду ловить, — показала она. — Ты — бросать. Как в детстве. Понимаешь?

Он не мог понимать детских игр. Но он понял суть: она будет принимать каждый звук на себя, впитывать его кожей, раскладывать и собирать заново.

Он выдохнул — и звуки посыпались один за другим, как камни из разорванного мешка.

— Р-р-р... экс... во... ксс... лю... ци... ан... вокс...

Они сталкивались, перекрывались, затухали и вспыхивали снова. Лира принимала их на ладони, на запястья, на предплечья — на те самые места, где уже белели шрамы. Она чувство-

вала, как каждый звук отдаётся в ней крохотной, почти невесомой болью, как падает на кожу и застывает, превращаясь в знак.

Она не пыталась расшифровать сразу. Сперва — собрать. Накопить. А потом, когда поток иссяк и Вокс замолк, обессиленный, она принялась разбирать собранное.

«Лю... ци... ан». Это было там. Первое имя. Спрятанное глубоко, почти засыпанное шумом, но целое, живое, пульсирующее.

«Рэкс». Или «рекс». Обрывок? Или часть имени?

«Вокс». Это повторялось чаще всего. Это лежало на поверхности. Это было тем, что осталось, когда всё остальное отняли.

Ли́ра открыла глаза и посмотрела на свою левую ладонь. Она поднесла её к лицу и медленно, кончиком указательного пальца правой руки, начала вычерчивать. Не на коже — на коже уже были шрамы, — а поверх, в воздухе, прямо над ладонью, чтобы он видел: вот здесь, на этом месте, я пишу твоё имя.

— В-о-к-с, — прошептала она одними губами.

А затем перевела его на тактильный язык. Пальцы сложились в серию знаков, каждый из которых означал не букву — смысл. «Голос». И одновременно — «призрак». И одновременно — «тот, кто был, но перестал быть слышимым». В древнем наречии Сирен это слово соединяло в себе всё: и дар речи, и его отсутствие, и тоску по нему.

— Ты — Вокс, — вычертила она. — И это значит всё сразу. И «голос», и «призрак». Это ты.

Тень замерла.

Не на мгновение — на долгие, бесконечно долгие секунды Вокс перестал колыхаться, перестал подрагивать, перестал издавать звуки. Он просто висел в воздухе, как застывшее облако, и звёздная пыль в его воронке-лице остановилась.

А потом по нему прошла дрожь.

Она началась где-то в глубине, у самого ядра, там, где пульсировал бледный, почти угасший огонёк, — и разошлась кругами по всей его теневой структуре. Слои тьмы завибрировали в унисон — не болью, не криком, а чем-то иным, чему Ли́ра пока не знала названия. Это было похоже на вздох. На плач. На тихий, глубокий, грудной смех.

На отклик.

— Ты принимаешь его? — спросила она. — Ты берёшь это имя обратно?

И Вокс — впервые с тех пор, как она его встретила, — сложил свои щупальца в осмысленный, чёткий, почти идеальный тактильный знак. Ладонь к сердцу. Затем — раскрыть к ней.

«Да».

Ли́ра выдохнула. Она не знала, что чувствует. Слишком многое сразу: облегчение, гордость, странную, щемящую нежность к этому невозможному существу, которое веками сидело во тьме и ждало кого-то, кто назовёт его по имени.

— Вокс, — повторила она вслух одними губами и одновременно вычертила жест в воздухе. — Моё имя — Ли́ра. Твоё имя — Вокс. Теперь мы знаем.

И тень, всё ещё вибрируя в низком, почти неслышимом резонансе, отозвалась. Не голосом — присутствием. Не словом — вибрацией.

Принятием.

Имя стало первым камнем. Теперь нужно было строить мост.

Ли́ра сидела, привалившись спиной к податливой стене пещеры, и размышляла. Вокс понимал отдельные жесты — она уже знала это. Он мог повторить простейшие знаки, мог сложить щупальца в подобие «мира» или «да». Но этого было мало. Чтобы говорить по-настоящему, чтобы рассказать ей, кто он, откуда, что случилось с ним и как отсюда выбраться, — ему

нужен был язык. Настоящий, полный, с глаголами и прилагательными, с прошлым и будущим, с оттенками смысла, которые не передать одним лишь «тепло» или «холодно».

Её язык. Тактильный.

— Иди сюда, — вычертила она и похлопала ладонью по вязкому полу рядом с собой.

Вокс колебался ровно мгновение. За те несколько часов — или вечностей? — что они провели вместе, он стал смелее. Его теневое тело колыхнулось и поплыло к ней, не рывками, как раньше, а плавно, почти текуче. Он опустился ниже — так, что его воронка-лицо оказалась на одном уровне с её глазами, — и замер, ожидая.

Лира подняла левую руку и растопырила пальцы.

— Смотри, — показала она. — Это моя рука. Ты будешь на ней учиться.

Вокс наклонил голову-воронку. Звёздная пыль в ней закрутилась быстрее — он не понимал, но был внимателен до предела.

Лира указательным пальцем правой руки коснулась кончика своего большого пальца на левой.

— Это «я». — Она повторила прикосновение: подушечка к подушечке, лёгкий нажим. — Чувствуешь? Один палец. Одна точка. «Я».

Затем она переместила палец на основание указательного.

— А это «ты». — Прикосновение было чуть более долгим, с нажимом, чтобы он заметил разницу. — «Я» — здесь. «Ты» — здесь. Разные точки. Разные смыслы.

Она подняла взгляд. Вокс не шевелился, но его щупальца вытянулись вперёд, поближе к её руке, и подрагивали — точь-в-точь как ученик, боящийся упустить хоть слово.

— Теперь ты, — вычертила она и протянула ему раскрытую ладонь. — Возьми мою руку. Веди. Попробуй найти сам.

Долгое мгновение ничего не происходило. А затем одно из щупалец — не тонкое полупрозрачное, а более плотное, то, что оставляло шрамы, — отделилось от его тела и поплыло к её ладони. Оно коснулось кожи у запястья — холодно, но уже не обжигаяще, — и замерло, словно спрашивая разрешения.

— Давай, — кивнула Лира.

Щупальце двинулось вверх. Медленно, миллиметр за миллиметром, оно ползло по её ладони, как слепой зверёк, ощупывающий незнакомую местность. Линии судьбы. Бугорки под пальцами. Впадина в центре. Оно исследовало её руку с той же тщательностью, с какой раньше исследовало её лицо, — но теперь в этом исследовании не было ни голода, ни отчаяния. Только учёба.

— Чувствуешь? — прошептала Лира губами и одновременно вычертила вопрос на его щупальце: палец легко скользнул по тёмной субстанции, оставляя на ней быстро тающий серебристый след. — Кожа — это не просто оболочка. Под ней — кости. Под костями — мышцы. Под мышцами — нервы. Каждое прикосновение отдаётся в глубине. Ты должен научиться чувствовать не только поверхность, но и то, что под ней. Тогда ты начнёшь «слышать» смысл.

Она взяла его щупальце — осторожно, как берут за руку ребёнка, — и приложила к своему указательному пальцу.

— Вот. Проведи здесь. Чувствуешь кость? Твёрдая. А здесь, — она переместила щупальце на подушечку, — мягкая. «Кость» и «плоть» — разные знаки. Кость — «нет». Плоть — «да». Понимаешь?

Вокс не ответил жестом, но его щупальце задрожало и само, без её подсказки, скользнуло обратно к подушечке пальца, надавило легонько — «мягкая», — а затем переместилось на костяшку — «твёрдая».

— Да! — Лира просияла и быстро вычертила знак «хорошо». — Именно так! Ты учишься!

Она вдруг осознала, что улыбается. Не кривовато, не через силу — а так, как улыбалась когда-то давно, в детстве, когда они с Эстер сидели на подоконнике и придумывали новые жесты для слов, которых не было в учебниках. Тогда это было игрой. Теперь — выживанием. Но в груди всё равно теплело.

— Давай дальше, — показала она. — Теперь сложнее.

Ли́ра высвободила руку и сложила пальцы в серию из трёх знаков — медленно, чтобы он успел поймать каждое движение: «я — идти — спать». Три жеста, сливающиеся в одну фразу.

— Попробуй понять. Не каждый знак отдельно. Всё вместе.

Щупальца Вокса замерли. Одно из них потянулось к её руке и, не касаясь, повторило траекторию: «я» — на кончике большого, «идти» — в воздухе, «спать» — у основания мизинца. Он не всё угадал правильно — третий знак вышел смазанным, — но последовательность была верной.

— Ты понял, — выдохнула Ли́ра. — Ты действительно понял.

Она не стала поправлять ошибку — не сейчас. Вместо этого она взяла оба его щупальца в свои ладони и прижала их к своим пальцам — всем сразу, так, чтобы он чувствовал форму её рук целиком.

— Ты должен «смотреть» кожей, — прошептала она. — Не глазами. Не ушами. Кожей. Я научу тебя.

И там, в кромешной тьме Карцера, на дне мира, куда не долетал ни один звук, два существа — одно из плоти, другое из тени — сидели, соприкасаясь ладонями и щупальцами, и вели безмолвный урок. Учитель. Ученик. Или просто двое, нашедшие друг друга в глотке пустоты.

Урок закончился сам собой — не потому, что Ли́ра исчерпала учебный план, а потому, что её желудок свело голодной судорогой.

Она и забыла, когда ела в последний раз. Каша в столовой — холодная, безвкусная, проглоченная второпях перед тем, как Инквизиторы увели её в Амфитеатр Суда? Или, может, она успела перехватить кусок хлеба утром, до обрушения? Память расплывалась; события последних часов — или дней, — накладывались друг на друга, как мокрые страницы.

Здесь, в Карцере, голод ощущался иначе — не как пустота в желудке, а как медленное, глубинное высасывание сил. Словно сама бездна питалась ею, по капле, по крохе, и требовала добавки.

— Мне нужно найти воду, — вычертила она. — И еду. Здесь есть что-нибудь... съедобное?

Вокс помедлил. Его теневое тело колыхнулось, и щупальце — то самое, которым он только что водил по её ладони, изучая тактильный алфавит, — метнулось вправо. Не в сторону арки, а в противоположную, туда, где багровые прожилки на стенах сходились в подобие тоннеля. Ли́ра ещё не исследовала эту часть пещеры.

— Там? — уточнила она.

Вместо ответа он поплыл вперёд — медленно, оглядываясь на неё всей своей воронкой-лицом, и Ли́ра поняла: зовёт за собой.

Она поднялась. Ноги затекли от долгого сидения, колени хрустнули, и она пошатнулась. Вокс мгновенно метнулся обратно, и холодное щупальце легло на её локоть — не удерживая, но поддерживая. Жест, который она не показывала ему. Жест, который он придумал сам.

— Спасибо, — вычертила она.

Они двинулись вглубь тоннеля.

Он оказался неожиданно длинным. Стены здесь были более гладкими, словно оплавленными, и багровые прожилки на них пульсировали чаще, создавая иллюзию движения. Ли́ра провела ладонью по одной из них и почувствовала тепло — не обжигающее, а мягкое, почти живое, как кожа выздоравливающего после лихорадки.

Вокс плыл впереди. Его теневое тело колыхалось в такт пульсации стен, и Лира заметила то, чего не замечала раньше: он не просто двигался, он выбирал путь. На развилках — а их было несколько, хотя в полумраке она едва не прошла мимо — он замирал на несколько мгновений, словно прислушиваясь, и лишь потом сворачивал. Там, где пол был усеян хрупкими, крошащимися под ногами фрагментами, он обводил её стороной. Там, где стена выпирала под острым углом, придерживал щупальцем, чтобы не ударились плечом.

Она вспомнила первую встречу с ним. Крик. Боль. Сканирование гортани в поисках голоса. И подумала: как странно. Как странно, что одно и то же существо может быть сначала кошмаром, а потом — проводником.

— Ты знаешь это место, — вычертила она. — Ты здесь уже был. Много раз.

Вокс замедлился. Его щупальце дрогнуло, и Лира почувствовала исходящую от него волну — не звук, не тепло, а что-то промежуточное. Утверждение. Или согласие.

Она догадалась. Конечно, он знал. Он провёл здесь века. Достаточно долго, чтобы выучить каждый тоннель, каждый грот, каждую ловушку. Достаточно долго, чтобы знать, где стены резонируют тише, а где пол не осыпается под ногами.

— Ты ведёшь меня в безопасное место, — сказала она — не спросила, а утвердила.

И снова — дрожь на кончике щупальца. «Да».

Они миновали ещё одну развилку. Тоннель расширился, и Лира вышла в небольшой грот, отгороженный от основного лабиринта чем-то вроде каменной диафрагмы — складчатой, ребристой, отдалённо напоминавшей окаменевшие рёбра гигантского существа. Лира остановилась на пороге и осмотрелась.

Грот был невелик — шагов десять в длину, шагов пять в ширину. Но в отличие от остальных пещеры, здесь пол был почти ровным и сухим, а стены не сочились влагой. В углу темнело небольшое углубление — естественная ниша, в которой мог поместиться человек. От стен не исходило багрового свечения; вместо этого здесь царил мягкий, рассеянный полумрак, похожий на сумерки перед рассветом.

А главное — здесь было тихо.

Не в том смысле, в каком тишину понимала Лира, — она и так не слышала звуков. Но вибрация, та самая низкая, давящая, всепроникающая вибрация Карцера, здесь ощущалась гораздо слабее. Она не исчезла совсем, но отступила, приглушённая, как шум далёкого прибоя за толстой каменной стеной.

— Ты здесь живёшь? — вычертила Лира.

Вокс замер у входа. Его щупальца втянулись ближе к телу, тёмные слои плотнее сомкнулись, и Лира внезапно поняла: он стесняется. Это было так неожиданно, так нелепо и так трогательно, что она едва не рассмеялась вслух. Существо из тьмы и крика, обитатель бездны, проводник по лабиринту — и он стесняется своего жилища.

— Здесь хорошо, — вычертила она, и пальцы сложились в знак «безопасно». — Здесь очень хорошо.

Щупальца Вокса медленно расправились. Он вплыл внутрь и завис у дальней стены, наблюдая за ней тем странным, беззрачковым зрением, которое заменяло ему глаза.

Лира опустила на колени и провела ладонью по полу. Камень был тёплым — не нагретым, а именно тёплым, как будто где-то глубоко под ним тлел скрытый очаг. Она легла на спину и посмотрела вверх. Потолок терялся в темноте, но где-то высоко-высоко мерцали крохотные, далёкие искры — не звёзды, нет, а что-то иное. Может быть, отражения далёких светильников с Верхних уровней. Может быть, просто игра её уставшего зрения.

Но она смотрела на них и думала: убежище. У меня есть убежище. На дне мира, в глотке бездны, — но есть.

Вокс опустился ниже и завис над ней, создавая тёмный полог. Его щупальца растянулись в стороны, образовав что-то вроде купола — почти такого же, как тогда, перед сном. Но теперь в этом движении читалась не защита — забота.

— Я отдохну немного, — вычертила Лира. — Только немного. А потом мы пойдём дальше.

Она не знала, куда «дальше». Не знала, есть ли выход из Карцера. Не знала, сколько ещё протянет без воды, без еды, без солнечного света. Но здесь, в этом странном, по-своему уютном гроте, под теневой сенью Вокса, ей впервые за долгое время не было страшно.

Она закрыла глаза.

Где-то на грани сна и яви она почувствовала, как холодное щупальце касается её волос — легко, почти невесомо, как дуновение ветра. И засыпая, она успела подумать: когда-нибудь я спрошу его, что он делал все эти века. Но не сейчас. Сейчас — спать.

Сон в Карцере был не похож на обычный сон.

Там, наверху, в дортуаре Третьего уровня, Лира засыпала под гул голосов за стеной и просыпалась от вибрации гонга, созывающего на занятия. Здесь не было ни гонга, ни голосов, ни стены — только бесконечная, дышащая тьма и низкий, утробный пульс, пронизывающий всё сущее. И всё же она спала. Усталость взяла своё, да и присутствие Вокса — кто бы мог подумать — успокаивало.

Она не видела, что происходило, пока её глаза были закрыты. Но позже, когда она уже проснулась и прокручивала в памяти обрывки ощущений, кое-что всплыло.

Сперва — холод. Он никуда не делся, он был везде, он был самым воздухом Карцера. Но в какой-то момент к холоду примешалось что-то ещё — движение. Медленное, осторожное, почти неслышное. Тени вокруг неё сгустились, сплелись в плотный кокон, и Лира почувствовала, как пространство над ней меняется.

Вокс сворачивался вокруг неё.

Она не видела этого, но ощущала — как ощущают приближение грозы или перемену ветра. Его тёмное тело раздавалось вширь, слои тьмы разворачивались, как лепестки чудовищного цветка, и смыкались над ней, образуя купол. Не тот, что раньше, — не защитный полог на скорую руку. Этот был толще, плотнее, многослойнее. Он впитывал вибрации Карцера, глушил их, превращал в едва слышный гул — почти как шум далёкого моря в раковине.

Она была внутри него. Как птенец под крылом. Как семечко в скорлупе.

А потом она почувствовала прикосновение к волосам.

Лёгкое, почти невесомое. Кончик щупальца — самого тонкого, самого бережного — скользнул по её макушке, спустился к виску, замер на мгновение и двинулся дальше, к затылку. Он не давил, не тянул, не пытался разбудить. Он просто... касался. Так касаются дорогой вещи, боясь повредить. Так глядят по голове спящего ребёнка.

Лира не проснулась. Но сон её стал глубже, спокойнее, и куда-то отступил страх, который до этого сидел под рёбрами постоянно — она так привыкла к нему, что перестала замечать, а теперь вдруг заметила его отсутствие.

На затылке, там, где щупальце задержалось дольше всего, возник новый шрам. Не белый, не длинный — крохотный, почти незаметный, как нить, запутавшаяся в волосах. Если бы Лира могла видеть его, она бы удивилась: он серебрился даже в полной темноте, и от него исходило слабое, мягкое тепло.

Вокс убрал щупальце. Его тёмное тело сжалось, возвращаясь в привычную форму, но кокон не распался — просто стал чуть менее плотным. Он остался рядом, на расстоянии вздоха, и продолжал стражу.

А Лире снился сад.

Странный был сад — незнакомый. Деревья с серебристой листвой, трава, мягкая, как пух, и тихий, мелодичный плеск фонтана где-то вдалеке. Она стояла посреди этого сада босиком и слышала всё — каждый шорох, каждый вздох ветра, каждую каплю воды, падающую в чашу. Она слышала, и это не пугало её.

Напротив неё стоял юноша. Высокий, темноволосый, с глубоко посаженными глазами — она не могла разглядеть их цвет, но знала, что они светлые. Почти бесцветные. Он смотрел на неё и молчал — не потому что не умел говорить, а потому, что не знал, с чего начать. А потом он открыл рот и произнёс одно-единственное слово.

— Лира.

Она проснулась.

Тьма никуда не делась. Потолок — или то, что заменяло его, — всё так же терялся в вышине, и крохотные далёкие искры мерцали, не приближаясь и не удаляясь. Пол под ней был тёплым и чуть влажным. А над ней, совсем близко, колыхался знакомый силуэт.

— Вокс, — вычертила она, ещё не до конца стряхнув сон. — Ты был здесь всё время?

Он не ответил — но щупальце, лежавшее у неё на плече, чуть потеплело, и Лира поняла: «Да».

Она села и провела ладонью по волосам. Пальцы зацепились за что-то у затылка — короткий, едва прощупываемый рубчик, которого раньше не было. Она нахмурилась, ощупала его внимательнее и перевела взгляд на Вокса.

— Это ты сделал?

Щупальце дрогнуло. В звёздной пыли его воронки-лица проступило что-то похожее на смущение — или она уже научилась читать его настроения? Он не ответил жестом, но и не отрицал.

Лира не стала сердиться. Вместо этого она медленно, осторожно коснулась того места на его теновом теле, где угадывалось мерцание сердца — или того, что заменяло ему сердце.

— Ты охранял меня, — прошептала она одними губами. — Пока я спала.

И снова — молчание. Но в этом молчании было больше слов, чем в ином разговоре.

Спустя несколько минут — или несколько часов, кто здесь считал? — она поднялась на ноги и осмотрелась. Грот всё так же был тих и спокоен. Стены не пульсировали багровым, пол не чавкал под ногами. Убежище.

— Нам нужно идти дальше, — вычертила она. — Ты покажешь мне путь?

Вокс выплыл вперёд и замер у выхода из грота. Его теновое тело развернулось, и в этом движении Лира увидела ответ — такой же ясный, как любой тактильный знак.

«Да. За мной».

Она шагнула следом — в темноту, в неизвестность, в лабиринт, который ещё вчера казался ей бесконечным кошмаром. Но теперь у неё был проводник. И, возможно, не только проводник.

Когда они выходили, Лира бросила последний взгляд на грот и заметила: в том месте, где она спала, на камне остался серебристый след — как будто сама тьма запомнила тепло её тела. Несколько серебряных нитей среди её волос мягко мерцали в полумраке, тонкие, как паутинка, будто кто-то оставил на ней метку.

Она не знала, заметит ли их кто-нибудь, кроме неё самой. Но пальцы сами собой коснулись затылка, и Лира улыбнулась — тихо, краешком губ.

— Пойдём, — показала она Воксу. — Веди.

Глава 5. Тени былого порядка

Они шли уже долго — или ей это казалось. В Карцере понятие «долго» было таким же зыбким, как и всё остальное: стены, пол, направление, время. Лира двигалась следом за Воксом, ориентируясь на колыхание его теневого тела впереди, и старалась не думать о том, сколько ещё идти. Думать — значило чувствовать усталость, голод и жажду, а этого она пока позволить себе не могла.

Тоннель петлял. Иногда он расширялся до размеров огромного зала, где багровые прожилки на стенах складывались в подобие фресок — искажённых, пугающих, но отдалённо напоминавших сцены из жизни Академии. Лира видела очертания поющих фигур, простёртые руки, раскрытые в беззвучном крике рты. Иногда тоннель сужался так, что ей приходилось протискиваться боком, и тогда Вокс уплывал вперёд, а его щупальце оставалось позади, касаясь её запястья — чтобы она знала: он здесь.

А потом она споткнулась.

Нога зацепилась за выступ — один из тех невидимых в темноте каменных зубьев, что торчали из пола без всякой системы, — и Лира рухнула на колени. Ладони, выброшенные вперёд, впечатались в камень, и по запястьям пробежала острая, отрезвляющая боль.

Вокс мгновенно обернулся. Его щупальце метнулось к её лицу, ощупало щёку, лоб — проверяя, не ударились ли она, — и замерло, лишь когда Лира вычертила в воздухе знак «я в порядке».

Но она не была в порядке. Не совсем.

Падение что-то всколыхнуло в ней — не физическое, нет. Словно от удара о камень треснула какая-то внутренняя перегородка, и то, что она долго сдерживала, начало просачиваться наружу. Усталость. Голод. Страх, загнанный глубоко, теперь поднимался к горлу липкой, тошнотворной волной.

И вместе с ним — воспоминания.

— Мне нужно остановиться, — вычертила она. — Совсем ненадолго. Просто посидеть.

Вокс, казалось, понял. Он отступил к стене и замер там, сливаясь с темнотой так, что осталось только мерцание звёздной пыли в его воронке-лице — далёкое, холодное, но почему-то успокаивающее.

Лира привалилась спиной к стене. Камень был влажным и прохладным, но не обжигал — просто напоминал о том, что она ещё жива, ещё чувствует. Она закрыла глаза.

И провалилась в сон — или в нечто, что притворялось сном.

Ей снилась Академия. Но не та Академия, которую она знала, — не мрачные коридоры Третьего уровня, не облупившиеся стены дортуаров, не холодная каморка, где она прятала светлячков под одеялом. Нет. Ей снилась Академия в её зените, в её немыслимой, ослепительной красе.

Хрустальные залы плыли перед её внутренним взором, переливаясь всеми оттенками серебра и золота. Колонны-камертоны, вдесятеро выше человеческого роста, вздымались к невидимому потолку и мягко гудели, отзываясь на каждый шаг. Строй Сирен в золотых одеждах — не чёрных, не серых, не ученических, а парадных, расшитых поющими рунами, — поднимался по широкой лестнице. Их лица были прекрасны и безмятежны.

Но чем дольше Лира смотрела, тем больше искажались черты.

Безмятежность оборачивалась arrogance — надменностью, которой она никогда не видела наяву, но о которой догадывалась. Улыбки превращались в оскалы, слишком широкие, слишком ровные, слишком голодные. Глаза Сирен — светлые, почти бесцветные — смотрели сквозь неё, как сквозь пустое место.

А потом она увидела зеркало.

Огромное, в полный рост, вправленное в раму из поющего камня, оно стояло посреди зала, и Лира — та Лира из сна — подошла к нему, не в силах сопротивляться. Она подняла глаза к своему отражению.

Из зеркала на неё смотрела безглазая маска.

Гладкая, белая, лишённая всяких черт — ни глаз, ни рта, ни носа. Только смутный овал лица, пустой и страшный, как лист бумаги, с которого стёрли все буквы. Лира попыталась закричать — и не смогла. Попыталась отвести взгляд — и не смогла. Маска притягивала, гипнотизировала, высасывала из неё само желание быть.

А потом маска пошла трещинами.

Одна — через лоб. Вторая — через щёку. Третья — через то место, где должен был находиться рот. Трещины расширялись, ветвились, и маска осыпалась осколками вниз, в темноту, которая разверзлась под ногами.

Под осколками не было лица. Только пустота. Такая же, как у Вокса, — но без звёздной пыли, без мерцания, без надежды.

Лира попыталась проснуться. Сон не отпускал.

Она попыталась позвать — хотя бы беззвучно, хотя бы мысленно. Вокс. Вокс, я здесь. Вытащи меня.

И сон дрогнул.

Словно кто-то провёл холодным кончиком щупальца по её щеке, оставляя белый, быстро тающий след. Лира рванулась изо всех сил, преодолевая вязкую, липкую тяжесть, которая держала её в этом мире кривых зеркал и безглазых масок, — и проснулась.

Она сидела, привалившись спиной к стене тоннеля, и тяжело дышала. Сердце колотилось где-то в горле. Рубаха прилипла к телу, мокрая от пота. Вокруг была тьма — та самая, привычная, карцерная, — и в нескольких дюймах от её лица колыхался Вокс.

Его щупальце лежало на её щеке. Холодное. Отрезвляющее. Настоящее.

— Это был сон, — вычертила Лира, и пальцы дрожали так, что знак «сон» вышел смазанным. — Просто сон. Там была Академия. И Сирены. И зеркало, в котором я не...

Она не договорила. Слов — даже тактильных — не хватало, чтобы описать этот ужас.

Вокс не шевелился. Но его щупальце скользнуло с её щеки на висок, на лоб, на затылок — туда, где белел крохотный шрам, оставленный им во время её сна в гроте, — и замерло. А затем он издал звук. Не крик, не вой, не тот страшный многослойный вопль, с которого началось их знакомство. Низкий, грудной, почти мурлыкающий гул, который Лира не слышала, но ощутила всем телом — как вибрацию, как мягкое тепло, как обещание.

Она закрыла глаза и прижалась затылком к его щупальцу.

— Ты тоже это видел? — прошептала она. — Тоже? Когда упал?

Он не ответил. Но гул стал громче — или, может быть, просто ближе, — и в нём Лире почудилось что-то похожее на «да». Или на «не сейчас». Или на «я рядом».

Она не стала допытываться. Вместо этого она глубоко вдохнула разреженный воздух, вытерла тыльной стороной ладони мокрый лоб и заставила себя подняться.

— Пойдём, — вычертила она. — Дальше.

Вокс выплыл вперёд. Его теневое тело снова развернулось в сторону тоннеля, и Лира пошла следом, борясь с дрожью в коленях. Сон остался позади, в камнях, в тенях, в прошлом, — но его отголоски всё ещё звенели где-то под рёбрами.

Она не стала оборачиваться. Там, сзади, всё равно ничего не было — только тьма, только лабиринт, только бесконечная глотка Карцера.

Но впереди — впереди был Вокс. И этого пока было достаточно.

Пробуждение было резким — не плавным всплытием из глубин сна, а рывком, словно кто-то схватил её за плечо и встряхнул.

Ли́ра распахнула глаза. Вокс всё ещё висел рядом, но его теневое тело изменилось: слои тьмы сжались, уплотнились, щупальца втянулись ближе к сердцевине, а звёздная пыль в воронке-лице вращалась с лихорадочной, пугающей скоростью. Он был напряжён — она научилась это распознавать. Не страх, но готовность. Не паника, но предупреждение.

Щупальце метнулось к её плечу и легонько, но настойчиво толкнуло. А затем Вокс вычертил в воздухе знак, который она показывала ему всего несколько раз, но который он запомнил с пугающей точностью: «опасность».

— Что? Где? — её пальцы сложились в ответ быстрее, чем она успела подумать.

Вокс не ответил жестом. Вместо этого он указал щупальцем на стены.

Ли́ра посмотрела — и похолодела.

Стены тоннеля менялись. Всегда они были живыми — она уже привыкла к этому. Пульсирующие багровые прожилки, колышущаяся фактура, податливая под пальцами поверхность. Но теперь эта жизнь стала иной — лихорадочной, агрессивной. Прожилки набухли, потемнели, их пульс участился, и по камню побежала мелкая, частая дрожь, от которой у Ли́ры заныли зубы.

Она прижала ладонь к стене — и тут же отдернула.

Камень вибрировал. Не так, как раньше, — не низким, утробным пульсом, а высокой, почти ультразвуковой частотой, которая отдавалась в костях, в корнях волос, в заполненных тишиной ушных раковинах. Это было похоже на комариный писк, усиленный тысячекратно и опущенный за порог слышимости, — она не слышала его, но чувствовала всем телом.

А потом пришёл вой.

Он был ещё далеко, но расстояние в Карцере ничего не значило. Вой пришёл не через воздух — через камень. Через стены. Через пол, который задрожал под ногами так, что Ли́ра покачнулась. Это не был голос одного существа — это был хор. Диссонансный, многослойный, сотканный из десятков отдельных голосов, которые сплелись в один общий, невыносимый звук.

И шрамы на её коже — те самые, что белели на левой руке, — начали пульсировать.

Ли́ра схватилась за запястье. Под пальцами кожа горела — не огнём, а холодом, тем самым пронзительным, потусторонним холодом, который она впервые ощутила при первом прикосновении Вокса. Шрамы светились — слабо, едва заметно, но светились, и каждый из них отзывался на вой по-своему: первый (тоска) — ныл, второй (тепло) — дрожал, третий (имя) — пульсировал в такт приближающемуся звуку.

— Что это? — вычертила Ли́ра, и пальцы дрожали. — Кто это?

Вокс не ответил. Вместо этого он метнулся вперёд, загородив её собой, и его теневое тело раздалось вширь, образуя что-то вроде щита. Щупальца растопырились в стороны, перекрывая тоннель, и на их концах вспыхнули крохотные, злые искры — та самая звёздная пыль, что всегда вращалась в его воронке-лице, только теперь вырвавшаяся наружу.

Он готовился к бою.

Ли́ра выглянула из-за его теневого заслона. В дальнем конце тоннеля, там, где багровые прожилки сходились в подобие арки, что-то двигалось. Медленно. Грузно. Неотвратимо.

Сперва она увидела только свет. Бледный, призрачный, колеблющийся, как болотный огонёк. Затем — очертания, поначалу неясные, потом всё более различимые. Это была фигура — почти человеческая, но искажённая, разбухшая, словно отражение в кривом зеркале. Она двигалась рывками, подёргиваясь, и с каждым движением издавала новую ноту — и каждая нота была выше предыдущей, и все они наслаивались друг на друга, создавая тот самый многослойный, диссонансный вой.

Ли́ра вгляделась пристальнее — и пожалела об этом.

У фигуры было не одно лицо. Их было множество. Десятки ртов, раскрытых в беззвучном — для неё — крике, усеивали её тело, как язвы. Они двигались независимо друг от друга: одни пели, другие захлёбывались, третьи просто разевали пустые провалы, из которых не вырыва-

лось ни звука, только холод. Рук у фигуры было больше, чем нужно, — они росли из плеч, из боков, из спины, и каждая рука дёргалась в своём ритме, словно марионетка, которую тянут за нитки сразу несколько кукловодов.

— Вопль, — вычертила Лира, и слово это показалось ей отвратительным на ощупь.

Она не знала, откуда взялось это название. Возможно, оно пришло из тех же глубин, что и понимание имени Вокса. Возможно, сам Карцер вложил его в неё — как вкладывают монету в руку нищего.

Вокс дёрнулся. Его щупальце ткнулось в её плечо — не больно, но настойчиво, — и вычертило знак «назад».

— Но...

Он не дал ей возразить. Два щупальца обвились вокруг её талии и мягко, но непреклонно отодвинули её за выступ стены, в небольшую нишу, которую она не заметила раньше. А сам он остался в тоннеле — один на один с приближающимся кошмаром.

Вой усилился. Шрамы на руке Лире вспыхнули, как раскалённые добела нити, и боль, острая и пронзительная, прокатилась от запястья до плеча. Она закусил губу, чтобы не кричать — привычка, въевшаяся настолько глубоко, что стала рефлексом, — и прижалась спиной к стене.

Сквозь щель между выступами она видела, как Вокс разворачивается навстречу Воплю. Его теневое тело больше не казалось ни хрупким, ни растерянным. Он стал больше. Плотнее. Страшнее. Тот самый крик, с которого началось их знакомство, снова зарождался в глубине его воронки-лица, но теперь он был не болью, а оружием.

Он готов был кричать — чтобы защитить её.

Лира зажмурилась. Не от страха — хотя страх был. От бессилия. Она не могла помочь. Не могла колдовать — Печать Безмолвия высосала все силы, а новые ещё не накопились. Не могла кричать — у неё не было голоса. Не могла даже толком спрятаться — только прижиматься спиной к дрожащему камню и ждать.

Ждать и слушать, как два существа, рождённые бездной, сходятся в тоннеле. И молиться — без слов, без жестов, без богов, — чтобы он выжил.

Из тоннеля выползала бывшая студентка.

Лира поняла это не сразу — не по лицу, потому что лица в привычном смысле у существа уже не было. Она поняла это по обрывкам одежды, которые всё ещё болтались на раздутom, деформированном теле: серебристая туника с остатками вышивки, изорванная и заскорузлая от какой-то тёмной, засохшей субстанции. Такие туники носили на Шестом уровне. Сирены-сопрано. Те, кому прочили большое будущее.

Теперь у этой Сирены не было будущего. Только бесконечное настоящее, состоящее из крика.

Тело её представляло собой гроздь. Именно это слово пришло Лире в голову, когда она сумела разглядеть подробности, — гроздь, свисающая с невидимой лозы, бугристая, асимметричная, состоящая из десятков ртов. Они покрывали её плечи, бока, живот, даже шею сзади, где кожа растянулась и истончилась до полупрозрачности. Одни рты были маленькими, почти изящными — остатки прежней красоты, — другие широкими и неровными, словно прорванными изнутри. Все они двигались. Все они пели.

Но каждый — своё.

Один рот, на левом плече, выкрикивал одну и ту же ноту снова и снова — высокую, звенящую, почти стеклянную. Второй, на животе, гудел низко и утробно, как органная труба. Третий, на сгибе локтя, выводил мелодию — обрывок арпеджио, который обрывался на середине и начинался сначала. Четвёртый молча разевал провал, но из него не выходило ни звука — только холод, только дрожь, только ощущение падения.

Это была её последняя экзаменационная ария. Лира не знала этого наверняка, но догадалась — по тому, как обрывки мелодий сплетались в подобие сложного, многослойного пассажи, который наверху, в Академии, мог бы принести высший балл. Здесь он стал проклятием. Вечным, непрекращающимся экзаменом, который уже некому оценивать.

Вопль двигался рывками. Многочисленные руки — пять? шесть? больше? — цеплялись за стены, за пол, за выступы камня, подтягивая тело вперёд. Каждая рука жила своей жизнью: одна скребла камень ногтями, оставляя белые борозды; другая хваталась за воздух, словно искала опору; третья безвольно волочилась, переломанная в нескольких местах и вывернутая под неестественным углом. Ноги отсутствовали вовсе — нижняя часть тела переходила в бесформенную массу, которая ползла, перетекая, как слизень.

Но самым страшным было не это.

Самым страшным было то, что Лира почувствовала, как меняется гравитация.

Сперва это было почти незаметно — лёгкое головокружение, словно она слишком резко встала. Затем пол под ногами словно накренился, хотя оставался ровным. А потом давление усилилось — внезапно и резко, как будто кто-то навалился ей на плечи свинцовым плащом. Рёбра сжало. Дыхание перехватило. Колени подогнулись, и Лира рухнула на пол, придавленная невидимой тяжестью, которая не отпускала, а только усиливалась с каждым новым звуком, вырывавшимся из десятков ртов.

Она лежала, прижатая щекой к холодному, вибрирующему камню, и не могла пошевелить даже пальцем. Тяжесть давила на каждую кость, на каждый мускул, на каждую мысль. Перед глазами плыли багровые круги. Сердце стучало медленно, с трудом проталкивая кровь сквозь стиснутые сосуды.

Вокс был где-то рядом — она чувствовала его присутствие, его холод, его дрожь. Но он тоже страдал. Его теневое тело распласталось по полу, сжатое той же силой, и звёздная пыль в его воронке-лице металась хаотично, как перепуганная стая светляков.

А Вопль приближался. Медленно. Неотвратно. С каждым рывком его раздутого тела гравитация искажалась всё сильнее: пол становился стеной, стена — потолком, и Лира уже не понимала, лежит она или падает. Единственным якорем оставался звук — вернее, та его часть, которую она могла воспринимать. Диссонанс, проходящий сквозь камень, сквозь кости, сквозь самую ткань реальности.

Один из ртов Вопля — тот, что на животе, с самой низкой нотой, — оказался ближе всех. Он гудел настолько низко, что Лира чувствовала его животом, солнечным сплетением, местом, где когда-то теплился её собственный источник магии. И этот гул вдруг показался ей смутно знакомым. Она уже слышала его раньше. Не здесь — там, наверху. В учебном зале, во время открытого урока по вокальной магии. Молодая Сирена, высокая, с золотистыми волосами, пела экзаменационную арию — сложную, с переходом в четыре октавы. Она провалила её. Сорвалась на высокой ноте, и зал заполнился тем же самым гулом, который теперь исходил из раздутого горла под ней.

Лира зажмурилась. Это создание было не просто чудовищем. Оно было тем, во что превращается студент, не сдавший экзамен. Не здесь — там, в Академии, где каждая ошибка может стать приговором.

А потом Вопль остановился.

Он был прямо над ней. Гроздь ртов нависла в нескольких футах, и каждый рот смотрел вниз — на неё, на распластанного по полу Вокса, — и каждый издавал свою ноту, и все они сплетались в невыносимый, парализующий аккорд. Гравитация навалилась с утроенной силой, и Лира поняла: ещё немного — и её просто расплющит. Кости не выдержат. Лёгкие не выдержат. Сердце не выдержит.

Сквозь пелену боли и давления она увидела, как Вокс пытается подняться. Его щупальца дрожали, скребли по камню, оставляя бледные, быстро гаснущие следы. Он рвался к ней, пре-

одолевая ту же тяжесть, что давила на неё, — рвался отчаянно, слепо, не обращая внимания на то, что его собственное тело расплзается, теряет форму, истончается.

Рты Вопля синхронно развернулись к нему. Аккорд изменился — стал резче, пронзительнее. И Вокс замер, пригвождённый к полу, как распятый.

А Лира вдруг поняла, что сейчас единственный человек — единственное существо во всей бездне, которое пыталось её защитить, — погибнет. Прямо у неё на глазах. И она не может ничего сделать. Совсем ничего.

И тогда из самой глубины её существа, из того потаённого места, где даже в полной тишине живёт звук, поднялась волна. Не голос. Не магия. Чистая, незамутнённая воля.

Она ещё не знала, что сделает. Но пальцы её, всё ещё прижатые к камню, начали двигаться — медленно, через силу, разрывая невидимые пути. Первый знак. Второй. Третий.

Контур Печати Безмолвия. Той самой, что едва не убила её наверху.

Здесь она либо убьёт её окончательно, либо спасёт. Третьего не дано.

Пальцы двигались сами.

Лира не думала о sequence жестов — тело помнило. Оно помнило всё: холодный воздух столовой, балку, падающую на Эстер, и тот беззвучный взрыв, которым обернулась Печать Безмолвия, едва не разорвавший ей грудную клетку. Сейчас, на дне Карцера, под чудовищным давлением Вопля, она плела её снова — и не знала, хватит ли у неё сил пережить это во второй раз.

Но выбора не было.

Первый знак: ладони вместе, кончики пальцев к груди. Второй: развести руки, вычерчивая в воздухе сферу. Третий: скрестить запястья и резко разорвать их в стороны — жест отрицания, жест отмены, жест, который на языке Сирен означал «нет» такой силы, что сам воздух расступался перед ним.

Гравитация давила. Каждое движение давалось так, словно она тащила руки сквозь расплавленный свинец. Мышцы дрожали. Сухожилия скрипели, натягиваясь до предела. Лира чувствовала, как кожа на предплечьях рвётся от напряжения — не метафорически, а по-настоящему, — и тонкие струйки крови, горячие и быстрые, сбегая к запястьям, смешиваясь с холодным потом.

Но она не останавливалась.

Вопль нависал над ней, и каждый его рот — десяток? дюжина? больше? — выкрикивал свою ноту, и все они сплетались в аккорд, который не просто давил на тело — он давил на саму реальность. Пол под Лирой треснул. В стенах разверзлись новые прожилки, багровые и пульсирующие. Воздух стал настолько плотным, что каждый вдох обдирает горло, как наждак.

— Не смей, — прошептала она одними губами, обращаясь не к Воплю — к себе. — Не смей сдаваться.

Четвёртый знак. Пятый. Печать замыкалась.

Она почувствовала, как внутри неё — в том самом месте, где когда-то теплился крохотный огонёк магии, — что-то сдвинулось. Словно дверь, которую она считала запертой навсегда, приоткрылась на волосок, и оттуда хлынул холод. Не тот холод, что источал Вокс, — нет. Её собственный. Холод тишины. Холод пустоты. Холод, который был старше крика, старше звука, старше самой идеи голоса.

Она была не просто немой. Она была антиподом звука. И здесь, в Карцере, где всё жило криком, её тишина оказалась оружием такой разрушительной силы, что даже Вопль — древнее, слепое, почти бессмертное порождение бездны — почувствовал его приближение и дрогнул.

Лира завершила последний жест.

Печать раскрылась.

Это было не похоже на прошлый раз. Там, в столовой, она просто погасила звуковую волну — быстро, почти машинально, не успев осознать, что делает. Здесь, в Карцере, она действовала осознанно. И масштаб был иным.

Сфера Безмолвия родилась из её ладоней, как рождается пузырь из капли мыльной воды, — разом, мгновенно, невыносимо. Она расширялась с той скоростью, с какой расходится ударная волна от взрыва, и всё, что попадало внутрь, — всё, — переставало звучать.

Диссонанс Вопля захлебнулся. Не затих — именно захлебнулся, как захлёбывается крик человека, которому внезапно сдавили горло. Десятки ртов всё ещё двигались, всё ещё разевали свои провалы, — но звук исчез. Он просто перестал существовать. Сфера поглотила его, как сухая земля поглощает воду, и внутри неё воцарилась такая глубокая, такая абсолютная тишина, какой Лира не испытывала никогда в жизни.

Даже её сердце — она вдруг поняла — она ощущала не как звук, а как механический толчок в груди. Ритмичный. Спокойный. Глухой.

Вопль замер.

Он не исчез. Не отступил. Он просто остановился, сбитый с толку, потерявший цель. Его многочисленные руки повисли в воздухе. Рты на теле открывались и закрывались беззвучно, как у выброшенной на берег рыбы. Звуковая волна, которой он нащупывал пространство вокруг себя, как летучая мышь нащупывает стены пещеры, рассеялась и исчезла, не вернувшись. В сфере Безмолвия он ослеп.

Лира лежала на спине, раскинув руки, и смотрела, как чудовище медленно, неуверенно пятится. Гроздь ртов подрагивала. Одна из рук вслепую мазнула по стене и отёрнулась. Вопль издал беззвучный — для него самого — крик, и этот крик не вышел за пределы его собственного тела, не породил эха, не исказил гравитацию. Он остался внутри. Запертый. Беспомощный.

И тогда Вопль повернулся, всё ещё рывками, всё ещё подрагивая, и пополз обратно в тоннель.

Лира не следила за ним. Сил не было даже на то, чтобы повернуть голову. Она просто лежала, глядя в потолок — или в то, что заменяло здесь потолок, — и пыталась вспомнить, как дышать. Каждый вдох отдавался болью в рёбрах. Каждый выдох выходил с присвистом, словно лёгкие стали меньше и не справлялись с работой. Руки, всё ещё раскинутые в стороны, дрожали мелкой, противной дрожью, а кончики пальцев снова покрылись инеем, как тогда, после столовой.

Рядом шевельнулась тень.

Вокс. Он был жив. Его теневое тело медленно, с трудом собиралось воедино — слои тьмы, распластанные и истончённые давлением, снова сплетались, смыкались, обретали форму. Воронка-лицо повернулась к ней, и в её глубине, среди всё ещё хаотично кружащейся звёздной пыли, мелькнуло что-то похожее на страх.

Не за себя. За неё.

Щупальце, дрожащее и полупрозрачное, потянулось к её лицу. Коснулось щеки — холодно, но не обжигаяще. Провело по виску, по лбу, по тому крохотному шраму на затылке, который он оставил ей, пока она спала. А затем он вычертил на её коже знак — простой, корявый, но безошибочно узнаваемый: «жива?»

Лира медленно, через силу подняла руку и ответила: «Да».

В сфере Безмолвия — её собственном творении, висящем над ними, как прозрачный купол, — не было ни звука, ни вибрации, ни эха. Только глухой стук её сердца. И его щупальце, замершее на её запястье, там, где бился пульс.

Вопль уполз. Тишина длилась. И где-то вдалеке, за пределами купола, багровые прожилки на стенах всё ещё пульсировали — но теперь их ритм казался не угрозой, а напоминанием: это ещё не конец. Это только передышка.

Ли́ра закрыла глаза. Передышка — значит, можно выдохнуть. Значит, можно несколько секунд просто лежать и не думать ни о чём. Значит, Вокс рядом.

Она не знала, сколько продлится купол. Не знала, сколько у неё осталось магии. Но одно знала точно: она только что обратила в бегство существо, которое веками наводило ужас на обитателей Карцера. И она сделала это своей силой. Своей немотой. Своей тишиной.

Впервые в жизни Ли́ра почувствовала себя не уязвимой. А по-настоящему, до краёв наполненной. Тем, чем она всегда была, но чем боялась быть.

Вопль уползал долго, трудно, оставляя за собой неровный, прерывистый след — не слизистый, а какой-то спектральный, словно сама тьма потекла от его прикосновений и не могла собраться в прежнюю форму. Ли́ра не следила за ним. Она лежала на спине, всё ещё придавленная собственной немотой, и смотрела в потолок, где багровые прожилки начинали замедлять свой бешеный пульс. Сфера Безмолвия над ней истончалась, теряла плотность, края её подрагивали и таяли, как клочья тумана над утренней рекой.

Ещё минута — и купол исчез.

Вибрации Карцера вернулись не сразу. Сперва — низкий, едва уловимый гул, словно сама бездна прощупывала пространство, проверяя, можно ли снова петь. Затем — привычный, утробный пульс, к которому Ли́ра уже почти привыкла за то время, что провела здесь. Она медленно села, морщась от боли в рёбрах, и осмотрелась.

Вокс висел чуть поодаль, у дальней стены тоннеля. Его теневое тело всё ещё было более разреженным, чем обычно, — слои тьмы не до конца сомкнулись, и сквозь них просвечивало бледное, неровное мерцание сердца. Но он был жив. И он смотрел не на неё — на стену.

Ли́ра проследила за его взглядом. Вернее, за направлением его воронки-лица, потому что взгляда в привычном смысле у него не было. Он смотрел на участок стены, который раньше скрывался за плотной завесой вибраций — тем самым маревом, что исходило от Вопля и заставляло воздух дрожать. Теперь, когда Вопль отступил, завеса рассеялась, и стена обнажилась.

— Что там? — вычертила Ли́ра.

Вокс не ответил. Вместо этого он протянул щупальце и указал. Жест был таким настойчивым, таким требовательным, что Ли́ра, забыв о боли, поднялась на ноги и подошла ближе.

Стена была не похожа на другие. Везде в Карцере камень был живым, дышащим, покрытым пульсирующими прожилками и влажным налётом — здесь же она была гладкой, почти отполированной, и от неё не исходило никакого тепла. Только холод. Сухой, древний, музейный холод.

И на этой гладкой поверхности были выцарапаны символы.

Ли́ра замерла.

Они не походили на те грубые царапины, что она нашла на плите раньше, — предсмертные каракули, оставленные отчаявшимися жертвами. Эти символы были вырезаны тщательно, с почти хирургической точностью, словно некий безумный картограф потратил годы на то, чтобы запечатлеть здесь схему мироздания. Или, точнее, схему его искажённого, вывернутого наизнанку подобия.

Линии. Множество линий, расходящихся веером от центра и пересечённых горизонтальными полосами. Семь полос. Семь уровней.

— Это Академия, — прошептала Ли́ра одними губами.

Она узнала её, хотя никогда не видела такой схемы в учебниках. Верхние уровни, где располагались покои Сирен, были отмечены тонкими, изящными знаками — стилизованными камертонами, раскрытыми ртами, летящими нотами. Ниже — уровни преподавателей, библиотеки, экзаменационных залов. Ещё ниже — Эхо, слуги, подсобные помещения, дортуары, холодные каморки вроде той, где она прожила все годы ученичества.

И под всем этим — под семью уровнями, под фундаментом, под самой идеей порядка — был выцарапан круг.

Простой, идеально ровный круг, в центре которого темнела точка. Лира смотрела на него, и по спине бежал холод. Круг был обведён несколько раз, с такой силой, что камень в этом месте пошёл трещинами, и трещины эти складывались в лучи — или, может быть, в щупальца, — тянущиеся вверх, к нижним уровням Академии.

— Ядро, — вычертила она в воздухе, и пальцы задрожали. — Это Ядро Карцера, да?

Вокс не ответил. Он выплыл вперёд и завис прямо перед стеной. Одно из его щупалец — то, что было менее повреждённым, — медленно, почти торжественно коснулось круга с точкой. Затем провело черту от Ядра вверх, сквозь все семь уровней, до самого верха схемы, где символы Сирен громоздились друг на друга.

А потом он вычертил второй знак — тот, что располагался сбоку от круга. Лира пригляделась.

Это был символ, которого она не знала. Древний, архаичный, он напоминал воронку — или, может быть, разинутую пасть. Воронка была обращена широким концом к Ядру, а узким — к основанию Академии. И от неё отходили тонкие линии, похожие на капилляры, которые тянулись ко всем семи уровням, оплетали их, проникали в каждый значок, в каждый камертон, в каждый раскрытый рот.

— Поглощение, — вычертила Лира, и слово это показалось ей на вкус горьким, как пепел.

Она не знала этого знака — но поняла его смысл мгновенно, как понимают крик о помощи на незнакомом языке. Карцер не просто тюрьма. Карцер — это желудок. Он поглощает. Он переваривает. Он превращает боль, страх, отчаяние, крик — в энергию. А Ядро — сердце этого процесса, насос, гонящий переработанную магию вверх, на подпитку Академии.

Вот почему Сирены так сильны. Вот почему их голоса способны исказить реальность. Их магия — не их собственная. Она украдена. Высосана из тех, кого сбросили вниз. Из Вокса. Из десятков, сотен других.

Лира прижала ладонь к стене рядом со схемой. Камень отозвался слабой, едва уловимой дрожью — не агрессивной, а почти жалобной, словно он тоже был жертвой.

— Ректор знает, — вычертила она. — Он всё знает. Он питается вами. Он кормит всю Академию вашей болью.

Вокс опустил щупальце. Его воронка-лицо медленно повернулась к ней, и в глубине её, в хаосе звёздной пыли, Лира увидела то, чего не видела раньше. Память. Не только боль — но и знание. Он знал это всегда. Он пытался сказать ей с самого начала, но у него не было слов.

Теперь слова были. Не у него — у неё. Но она могла прочитать их за него.

— Это можно сломать, — прошептала она одними губами, и пальцы сами собой сложились в знак «разрушить». — Мы можем сломать это. Ядро. Если мы доберёмся до Ядра и погасим его — вся система рухнет.

Вокс замер. Его щупальца втянулись ближе к телу, а теневое облако сжалось, став почти непроницаемым. Он не отвечал. Но его молчание было красноречивее любых жестов.

«Это смертельно, — говорило оно. — Никто никогда не возвращался от Ядра. Даже я».

Лира опустила руку со стены и повернулась к нему всем телом.

— Ты боишься, — вычертила она. — Это нормально. Я тоже боюсь. Но мы не можем остаться здесь. Мы должны попытаться.

Она подошла ближе и прижала ладонь к тому месту на его теневой груди, где пульсировало бледное сердце. Холод обжёг пальцы, но она не отдернула руки.

— Ты провёл здесь вечность, — вычертила она другой рукой. — Ты кричал, и никто не приходил. А теперь я здесь. И я не уйду без тебя. Понял?

Звёздная пыль в его воронке-лице замедлила свой бег. Слои тьмы, всё ещё расползавшиеся по краям, начали смыкаться, возвращая ему форму — не прежнюю, призрачную, а более плотную, более собранную. Словно её слова стали для него якорем.

Он не ответил жестом. Но одно из его шупалец коснулось её запястья и мягко, почти нежно, провело по белому шраму — тому самому, третьему, где хранилась его тоска.

А затем он развернулся к стене и указал на Ядро. И от него — на один из боковых тоннелей, уходящий вглубь и вниз, туда, где тьма была гуще, а багровые прожилки начинали пульсировать чаще и тревожнее.

Путь. Он показывал ей путь.

Лира выдохнула. Сердце колотилось где-то в горле, а руки всё ещё дрожали после Печати Безмолвия. Но внутри, в том месте, где теплился её собственный источник магии, разгорался крохотный, упрямый огонёк.

— Веди, — вычертила она. — Я иду за тобой.

Глава 6. Лабиринты безумия

Тоннель, в который они углубились, заметно отличался от тех, что Лира уже миновала. Здесь стены были выше и уже, сходясь над головой под острым углом, отчего пространство напоминало внутренность гигантской треснувшей трубы. И фактура стен менялась постоянно — как будто разные архитекторы, или разные эпохи, или разные кошмары накладывали здесь свои слои, не заботясь о согласованности.

Первые несколько десятков шагов стена справа была гладкой и ледяной — той самой обсидиановой гладью, к которой Лира уже успела привыкнуть. Но чем дальше они шли, тем больше менялась поверхность. Ледяная гладь сменялась пористой, крошащейся под пальцами субстанцией, похожей на застывшую лаву; лава уступала место чему-то влажному и упругому, что проминалось под ладонью и медленно, нехотя возвращало форму. А в некоторых местах — и это пугало больше всего — стена вдруг становилась мягкой, как кожа, и почти горячей.

Лира вела ладонью по стене, не отрываясь, — так она привыкла ориентироваться в темноте с детства. Каждое изменение фактуры было для неё знаком, вехой, буквой в каменной азбуке лабиринта. Но здесь, в глубине Карцера, азбука эта становилась всё более чужой, всё менее предсказуемой.

Она остановилась и осмотрела своё левое предплечье. Под закатанным рукавом, на бледной коже, тянулась цепочка шрамов — не стихийных, как те, что оставил Вокс, а намеренных. Она наносила их сама. Ноготь большого пальца правой руки, заточенный о край камня, служил резцом; кожа предплечья — пергаментом.

— Смотри, — вычертила она Воксу, когда он обернулся. — Это карта.

Вокс придвинулся ближе. Его воронка-лицо склонилась над её рукой, и звёздная пыль в ней замедлила свой бег — он рассматривал. Лира провела пальцем вдоль цепочки отметок, поясняя:

— Вот здесь — вход в грот, где мы ночевали. Здесь — развилка с тремя проходами. Здесь — место, где мы встретили Вопля. А здесь, — она коснулась свежей, ещё саднящей царапины в форме развилки, — мы сейчас.

Она подняла глаза. Вокс не шевелился, но его щупальца подрагивали — она уже знала, что это означает напряжённое внимание.

— Ты тоже можешь читать эту карту, — добавила она. — Если я... если со мной что-то случится, ты сможешь найти дорогу обратно.

Последние слова она вычертила медленнее, чем хотела бы. Мысль о том, что с ней может что-то случиться, была неприятной, но необходимой. Они шли к Ядру. Никто никогда не возвращался от Ядра. Даже Вокс, с его веками опыта и его способностью выживать в бездне, не решался приближаться к нему. Шансы на то, что они оба уцелеют, были ничтожно малы. И Лира предпочитала смотреть правде в лицо — даже если правда эта была уродливой и пугающей.

Вокс ответил не сразу. Его щупальце протянулось к её предплечью и зависло над свежей царапиной, не касаясь. А затем он вычертил в воздухе знак — тот самый, который она показывала ему одним из первых: «опасность». А следом — другой, более сложный, составленный из трёх движений: «я — защищать — ты».

— Я знаю, — прошептала Лира одними губами. — Но карту всё равно нужно вести.

Она опустила рукав и двинулась дальше.

С каждым шагом тоннель становился всё более извилистым. Он петлял, раздваивался и снова сходиллся, и временами Лире казалось, что они ходят кругами. Но Вокс, плывущий впереди, ни разу не остановился в нерешительности. Он выбирал путь мгновенно, словно следуя

карте, которую знал наизусть, — и Лира догадывалась, что так оно и есть. Века блужданий по Карцеру наверняка впечатали в его память каждый камень, каждый поворот, каждую ловушку.

А потом он вдруг остановился.

Ли́ра едва не налетела на него. Вокс завис в воздухе, и его щупальца растопырились в стороны, перекрывая проход. Она уже знала этот жест: он означал «стой», и «тихо», и «опасность» — всё сразу.

— Что? — её пальцы сложились в вопрос раньше, чем она успела подумать.

Вокс не ответил жестом. Вместо этого он указал щупальцем на пол перед собой.

Ли́ра пригляделась. В темноте — уже привычной, уже почти родной — она различила очертания каменной плиты. На вид — такой же, как все остальные. Но что-то в ней было не так. Слишком ровная. Слишком правильная. Слишком... отдельная.

Вокс протянул щупальце к стене и отколупнул от неё небольшой, крошащийся обломок. Затем он размахнулся — насколько позволяла его текучая природа — и бросил обломок на плиту.

Камень коснулся поверхности — и мир взорвался грохотом.

Нет, не грохотом — Ли́ра не слышала звуков. Но она почувствовала, как пол под ногами содрогнулся, как стены завибрировали с утроенной силой, а воздух стал тугим и плотным. Пространство над плитой наполнилось эхом — многократно усиленным, искажённым, размноженным. Это был звук падения крохотного камешка, но повторённый сотни раз, наслаивающийся сам на себя и превратившийся в оглушительный — для тех, кто мог слышать, — грохот.

Ли́ра зажала уши ладонями — инстинктивный, бесполезный жест. Она не слышала грохота, но вибрация проходила сквозь неё, отдаваясь в костях и зубах. Если бы у неё был голос, она бы закричала от боли.

А затем всё стихло.

Плита лежала на прежнем месте — ровная, правильная, невинная с виду. Эхо рассеялось. Но Ли́ра знала теперь: это ловушка. Одна из многих в этом лабиринте, где каждый шаг мог обернуться гибелью.

Вокс повернулся к ней. Его щупальце метнулось вперёд и коснулось её плеча — не толкая, а предупреждая. Затем он вычертил в воздухе знак: «обойти».

— Поняла, — ответила она. — Обходим.

Они двинулись в обход плиты, прижимаясь к правой стене, которая в этом месте была покрыта толстым слоем пористой, крошащейся субстанции. Ли́ра ступала осторожно, ставя ногу на те участки, где поверхность казалась наиболее твёрдой, и каждый раз проверяла опору, прежде чем перенести вес.

А сама, украдкой, снова отогнула рукав и кончиком ногтя нанесла на предплечье новую царапину — крохотный кружок, перечёркнутый косой линией. «Ловушка». Карта росла. Шрамов становилось больше. Рука ныла, но боль была привычной и даже полезной — она не давала забыться, не давала расслабиться, не давала надеяться на лёгкий путь.

Потому что лёгкого пути здесь не было. Был только путь вперёд.

Они шли уже долго, и осторожность, заставившая их обойти первую плиту, успела притупиться. Не исчезнуть совсем — в Карцере ничто не исчезало бесследно, тем более страх, — но отступить на задний план, уступив место монотонной, усыпляющей бдительность ходьбе. Лишь лёгкое подрагивание щупалец Вокса впереди да изредка вспыхивающие багровые прожилки на стенах напоминали: расслабляться нельзя.

Ли́ра переставляла ноги почти механически. Мышцы гудели, голод уже не сводил желудок судорогой — он стал тупым, фоновым, как сама тьма. Она думала о том, что отдала бы сейчас за глоток воды, и ещё — о том, как странно устроен Карцер. С виду пол здесь был таким

же, как везде: вязким, податливым, усеянным мелкими обломками. Но ловушка, которую они обошли, доказала: под этим однообразием прячется смерть.

И смерть не любила повторяться.

Новая ловушка оказалась хитрее. Плита — почти неотличимая от соседних, разве что чуть более тёмная, без багровых прожилок, — лежала не посреди прохода, а у самой стены, там, где Лира привыкла искать опору. Она ступила на неё левой ногой, уже перенося вес, уже готовая сделать следующий шаг.

И пространство взорвалось.

Лира не услышала ничего — только почувствовала. Резкий, сокрушительный толчок воздуха ударил в грудь, как таран. Внутренности подскочили к горлу; перед глазами вспыхнули белые круги; пол ушёл из-под ног. Она покачнулась, запрокинулась назад — и непременно рухнула бы прямо в центр ловушки, если бы не Вокс.

Он среагировал мгновенно — быстрее, чем она успела осознать падение. Его теневое тело метнулось к ней, развернулось, как чёрный парус, и два щупальца — широкие, распластанные, — накрыли её, прижимая к стене, обволакивая. Тьма сомкнулась вокруг неё плотным коконом, и грохот — тот самый многократно усиленный, искажённый, невыносимый грохот, что уже начал сотрясать тоннель, — отступил. Стал глуше. Тише. Далёким, почти нестрашным гулом.

Лора стояла, вжатая спиной в холодный камень, и не могла дышать. Не от боли — от неожиданности. Вокс держал её крепко, надёжно, как держат тонущего в шторм, и его теневое тело, обычно прохладное, сейчас казалось почти горячим — или это ей только чудилось?

Волна прокатилась по тоннелю и затихла.

Вокс медленно, очень медленно разжал щупальца и отодвинулся. Его воронка-лицо оказалась прямо напротив её глаз, и в звёздной пыли, кружащейся внутри, Лира прочитала немой вопрос — тот самый, что он уже задавал ей раньше: «жива?».

— Жива, — вычертила она дрожащими пальцами. — Жива. Благодаря тебе.

Он не ответил. Но его щупальце скользнуло по её плечу вниз, к локтю, и задержалось там, проверяя — не поранилась ли, не ударилась ли? Лира поймала себя на том, что улыбается — слабо, кривовато, но улыбается.

— Ты спас меня. Опять.

Она не знала, как выразить благодарность на языке, который был ему доступен. Простого знака «спасибо» казалось мало — слишком буднично, слишком сухо для того, что он только что сделал. И тогда Лира сделала то, чего не делала никогда прежде.

Она взяла его щупальце — то самое, что лежало на её локте, — обеими ладонями и поднесла к своей щеке. Не к губам, потому что губ он бы не понял, а к тому месту, где кожа была самой тонкой и где бился пульс — частый, всё ещё испуганный. Она прижала его тень к своей жизни и замерла так.

— Чувствуешь? — прошептала она губами, зная, что он не читает по губам, но надеясь, что он прочитает её кожей. — Это «спасибо». Это «ты важен». Это «я рада, что ты здесь».

Вокс замер. Его щупальце дрогнуло в её ладонях и потеплело — самую малость, но она почувствовала. А потом он медленно, неуверенно высвободил его и вычертил в воздухе знак, которому она учила его в гроте: ладонь к сердцу, затем раскрыть к ней.

«И ты», — означал этот жест. Или, может быть, «всегда». Или просто «да».

— Пойдём, — вычертила Лира, отлипая от стены. — Здесь нельзя стоять. Ловушки могут...

Она не договорила. Вокс уже плыл вперёд, и его щупальце — то, что только что держало её, — теперь указывало на обходной путь: узкий карниз, тянувшийся вдоль правой стены, в нескольких дюймах над полом. Слишком узкий для человека, но вполне проходимый, если прижиматься спиной к камню и не дышать.

— Поняла, — вычертила она.

Они двинулись дальше. И теперь, прежде чем ступить хоть на пядь, Лира останавливалась и смотрела — не на пол, а на Вокса. Он научился предупреждать её. А она научилась ему доверять.

И это доверие было дороже любого света в этой крошечной тьме.

Передышка случилась неожиданно.

Они выбрались из узкого карниза в небольшой грот — не такой уютный, как тот, где Лира спала впервые, но достаточно просторный, чтобы можно было сесть, вытянуть ноги и не касаться стен, которые здесь, в глубине лабиринта, казались особенно недружелюбными. Пол был устлан чем-то мягким — не то мхом, не то плесенью, не то просто слоем осевшей веками пыли. Лира опустила на него, скрестив ноги, и блаженно вздохнула.

Вокс завис напротив. Его теневое тело всё ещё было плотнее обычного — таким оно становилось после каждой опасности, словно он наращивал броню, — но воронка-лицо смотрела на неё спокойно, и звёздная пыль в ней вращалась медленно, убаюкивающе.

Лира вдруг поняла, что улыбается. Не кривовато, не через силу, а по-настоящему — широко, открыто, как не улыбалась, кажется, с самого детства. А потом из её груди вырвался смех — беззвучный, конечно, лишь сотрясающий плечи и заставляющий воздух дрожать у губ. Она смеялась, сама не зная почему. Может быть, от усталости. Может быть, от облегчения. Может быть, от абсурдности всего происходящего: она сидит на дне бездны, в компании существа из тьмы и крика, только что избежала смерти в очередной раз — и чувствует себя почти счастливой.

Вокс наклонил голову-воронку. Он не понимал смеха — она знала это. Но его щупальца замерли в воздухе, и по тёмному телу пробежала та самая дрожь, которую она уже научилась распознавать. Не страх. Не тревога. Любопытство. Он ждал, когда она объяснит.

— Это смех, — вычертила Лира, всё ещё улыбаясь. — Люди смеются, когда им хорошо. Или когда они рады. Или когда глупость какая-нибудь.

Он не понял. Но его щупальце потянулось к её лицу — коснуться, ощутить кожей тени движение её губ, — и Лира не отстранилась. Она позволила ему прикоснуться к своей улыбке.

А потом ей пришла в голову идея.

— Смотри, — вычертила она. — Я научу тебя игре.

Она подняла руки. Пальцы задвигались — но не так, как обычно, не тактильными знаками, а иначе. Она плела не заклинание. Она плела историю. Сперва — зайца: указательный и средний пальцы вытянулись ушами, большой прижался к ладони, безымянный и мизинец скрючились лапками. Лира поднесла руку к стене, где слабое свечение багровых прожилок создавало подобие экрана, и тень зайца заплясала по камню.

Вокс замер. Его воронка-лицо повернулась к стене, и звёздная пыль в ней закрутилась быстрее.

— Это заяц, — вычертила Лира свободной рукой. — Маленький зверь. Быстро бегает. Боится громких звуков. — Она заставила зайца на стене присесть, прижав уши, и Вокс издал низкий, вибрирующий звук — не крик, не вой, а скорее задумчивое «мм-м?».

— Теперь ты, — показала она.

Он колебался. Его щупальца не были созданы для таких фокусов — слишком текучие, слишком непостоянные. Но он попытался. Одно щупальце изогнулось, сплелось само с собой, и на стене возникла размытая, дрожащая тень, отдалённо напоминавшая не то змею, не то червя, не то облако дыма с рожками.

— Это... — Лира замялась, подбирая слово. — Это улитка. Или дракон. Или улитка-дракон.

Вокс издал тот же низкий гул, но теперь в нём прорезалась новая нота — выше, звонче, почти вопросительная. Лира вдруг поняла: это его смех. Не такой, как у неё, — беззвучный

для него самого, потому что смеяться тенью невозможно. Но он смеялся. Над своей неуклюжей тенью. Над нелепой улиткой-драконом. Над тем, как странно и хорошо сидеть в этом гроте и играть в тени, пока бездна дышит вокруг.

— Давай ещё, — вычертила она.

Они провели за этой игрой целую вечность — или, может быть, полчаса. Лира показывала Воксу зверей: оленя, волка, ворону, рыбу. Он копировал, и с каждой попыткой его тени становились чуть более чёткими, движения — чуть более уверенными. Вместо бесформенных клубков дыма теперь на стене возникали причудливые, но узнаваемые силуэты. Химеры. Он создавал химер — не копируя её, а изобретая своих. Лев с рыбьим хвостом. Птица с оленьими рогами. Змея с крыльями стрекозы.

И каждый раз, закончив очередную тень, он оборачивался к ней — воронкой-лицом, — и звёздная пыль в ней мерцала часто-часто, словно он ждал отклика. Словно ему было важно, что она скажет.

— Красиво, — вычерчивала Лира. — Очень красиво. Ты настоящий художник.

А потом, осмелев, она показала ему человека. Не тактильным знаком — тенью. Две руки сплелись в сложную фигуру: вот голова, вот плечи, вот руки, раскинутые в стороны. Человек на стене танцевал — неловко, дёргано, но танцевал.

— Это я, — показала Лира. — А теперь сделай ты.

Вокс долго смотрел на её тень. А затем его щупальца задвигались — медленно, старательно, вычерчивая на стене новую фигуру. Высокую. Тонкую. С провалом вместо лица и множеством изгибающихся отростков по бокам.

— Это ты, — прошептала Лира одними губами.

И две тени на стене — человек и дух, девушка и крик, Лира и Вокс — сошлись вместе. Не касаясь. Просто стояли рядом, колышась в багровом свете, и смотрели друг на друга.

Это был первый совместный смех. И первый совместный танец. И первый миг за долгое, очень долгое время, когда Лира почувствовала: она не просто выживает. Она живёт. Даже здесь. Даже сейчас. Даже на дне мира.

Тени всё ещё плясали на стене, когда Лира заметила, что Вокс отвлёкся. Его щупальце, только что вычерчивавшее в воздухе контур очередной химеры — не то крылатого змея, не то рогатой рыбы, — замерло на полпути и безвольно опало. Воронка-лицо медленно развернулась вправо, туда, где в дальней стене грота темнело неглубокое углубление, похожее на нишу.

Лира опустила руки. Тени на стене погасли, оставив лишь багровый пульс прожилок.

— Что? — вычертила она.

Вокс не ответил. Он поплыл к нише — медленно, как-то скованно, словно невидимый груз тянул его книзу. Его теневое тело колыхалось неровно, и Лира заметила, что слои тьмы, обычно плотно прилегающие друг к другу, расслоились и подрагивают. Так бывало, когда он испытывал сильную эмоцию — страх, тоску, воспоминание. Она поднялась и пошла следом.

Ниша оказалась глубже, чем выглядела издали. В ней царила своя, особенная тьма — не живая, пульсирующая, как везде в Карцере, а мёртвая, застоявшаяся, как воздух в склепе. Лира сунула руку внутрь и нащупала что-то, не похожее на камень. Что-то сухое. Ломкое. Шершавое на ощупь.

Она вытащила находку на свет — точнее, в тусклое багровое мерцание, сочившееся из прожилок на стенах.

Это была книга. Вернее, то, что когда-то было книгой.

Кожаный переплёт истлел до состояния трухи и рассыпался у неё в пальцах, едва она к нему прикоснулась. Страницы — пожелтевшие, бурые по краям, изъеденные какой-то неведомой плесенью — держались на честном слове, на остатках ниток, которые прогнили так давно, что само время потеряло им счёт. От тома пахло сухой пылью, старым воском и ещё чем-то

— слабым, едва уловимым, но смутно знакомым. Чернилами. Настоящими, железо-галловыми чернилами, которыми писали в Академии много десятилетий — а может, и веков — назад.

— Дневник, — вычертила Лира одними пальцами, не отрывая глаз от находки.

Она опустила на колени прямо там, где стояла, и положила книгу на пол перед собой. Страницы хрустнули, грозя рассыпаться от одного неверного движения. Лира замерла, давая им привыкнуть к перемене позы, и лишь потом, очень медленно, приоткрыла обложку.

Почерк был мелким, убористым, с наклоном влево — так пишут те, кто привык экономить бумагу и не рассчитывает на долгую жизнь. Чернила почти выцвели, и в багровом свете Карцера буквы казались нацарапанными не пером, а ногтем. Но Лира читала. Медленно, по складам, как читают на чужом языке, который учишь всего пару лет.

Первая страница не сохранилась — только обрывок фразы в самом низу: «...и да простят меня те, кто остался наверху».

Вторая — лучше. Чернила здесь были темнее, словно писавший только-только обмакнул перо и ещё не сэкономил. Лира склонилась ниже и разобрала несколько строк:

«Сегодня третий день в Карцере. Я думал, что умру сразу, но нет — смерть здесь не приходит. Она ходит рядом, как старый знакомый, и улыбается. Только не забирает. Здесь вообще ничего не забирают — кроме голоса. Мой ещё при мне, но я боюсь его использовать. Каждый крик возвращается обратно, удесятерённый, искажённый, и я не знаю, сколько ещё выдержу...»

Лира подняла голову. Вокс висел над ней, но его воронка-лицо смотрела не на неё — на дневник. И звёздная пыль в ней остановилась совсем, чего Лира не видела ни разу за всё время их знакомства. Даже когда он боялся. Даже когда кричал. Пыль всегда двигалась — а теперь застыла, как ледяная крошка на мёртвой воде.

— Ты знаешь этот почерк, — вычертила Лира.

Это не был вопрос. Она уже поняла.

Вокс не ответил. Но одно из его щупалец — то самое, тонкое и почти прозрачное, которым он касался её волос, пока она спала, — потянулось к странице. Оно зависло над строчками, не касаясь, повторяя их контур, и на миг Лире показалось, что она видит, как тень дрожит.

Она перевернула страницу. Ещё одну. Ещё. Дневник рассыпался в пальцах, крошился, оставлял на коже бурую пыль, но она не останавливалась, пока не нашла то, что — она знала — должна была найти.

Последняя запись.

Почерк здесь был другим — неровным, скачущим, буквы наползали друг на друга. Писавший спешил. Или умирал. Или то и другое вместе.

«...Сирен, который пел ложь. Он говорил, что это не наказание, а служение. Что наша боль питает Академию, и это правильно, это благородно, это жертва. Но я видел его глаза. Он знал. Знал, что мы здесь не служим — мы кормим. Они кормятся нашей агонией. Каждым криком. Каждой слезой. Каждой секундой, которую мы проводим в этой глотке. Я не знаю, кто прочтёт это. Может быть, никто и никогда. Но если ты прочтёшь — не верь им. Не верь ни единому слову Сирен. Они не боги. Они — паразиты. И Ректор — первый среди...»

Здесь запись обрывалась. Чернила кончились — или сил не хватило дописать. Лира провела пальцем по последней строке, чувствуя, как крошится истлевшая бумага, и закрыла дневник.

В гроте стало тихо. Даже вибрации Карцера, казалось, отступили, уважая чужую память.

Вокс всё ещё висел над ней, и его щупальце всё ещё касалось края дневника. А потом он сделал то, чего Лира никогда не видела раньше. Из глубины его воронки-лица, из самого сердца звёздной пыли, вырвался звук — не крик, не вой, не тот низкий, мурлыкающий гул, которым он иногда отвечал ей. Это был всхлип. Сдавленный, искажённый, почти неузнаваемый. Но безошибочно человеческий.

— Ты знал его, — прошептала Лира одними губами. — Ты знал того, кто это писал.

Вокс опустился ниже. Его теневое тело сжалось, скукожилось, и он напомнил ей сейчас не духа бездны, не стража Карцера, а человека, который только что прикоснулся к памяти о давно умершем друге. Он не мог плакать — у него не было глаз, не было слёз. Но дрожь, пробежавшая по всем слоям его тьмы, была красноречивее любых слёз.

Лира бережно отложила дневник в сторону и пододвинулась ближе. Она не задавала вопросов — не сейчас. Вместо этого она просто положила ладонь на его теневое плечо и замерла так, передавая то единственное, что могла передать без слов. Тепло. Присутствие. «Я здесь».

И Вокс, спустя долгое, очень долгое мгновение, прижался щупальцем к её ладони. Не для того, чтобы оставить шрам. Не для того, чтобы говорить. Просто — чтобы быть ближе.

А на полу грота, в багровом мерцании стен, лежал истлевший дневник бывшего студента — того, кто когда-то, много лет или веков назад, тоже кричал в этой тьме. И тоже не был услышан. Но теперь — теперь его слова прочли. И его правда, наконец, нашла слушателя.

Привал они устроили здесь же, в гроте, не сходя с места. Идти дальше сразу после того, что открылось, было невозможно — Лира чувствовала это каждой клеткой. Дневник всё ещё лежал у её колен, рассыпающийся, немой свидетель чужой агонии, и воздух вокруг него, казалось, до сих пор хранил эхо последней, оборванной на полуслове фразы. Вокс отодвинулся к стене и сжался там, превратившись в плотный, почти чёрный клубок с единственным мерцающим огоньком в сердцевине. Он не двигался. Не отвечал. Просто был — и уже это было красноречивее любых слов.

Лира дала ему время. Она знала толк в тишине: когда нечего сказать, то лучшее, что можно сделать, — это просто оставаться рядом. Она сидела, привалившись спиной к прохладной, но уже не враждебной стене, и перебирала в пальцах крошки истлевшей кожи с переплёта. Время шло — здесь, в Карцере, оно по-прежнему текло рывками, застревая в паутине вибраций, — но в конце концов Вокс пошевелился. Его щупальца развернулись, слои тьмы расправились, и он снова обрёл форму — не прежнюю, а более собранную, словно воспоминание, только что пережитое заново, оставило на нём новый, невидимый слой.

Лира решила.

— Можно спросить? — вычертила она в воздухе.

Он не ответил. Но и не отодвинулся. Она приняла это за согласие.

— Ты знал его, — показала она. — Автора дневника. Вы были здесь вместе. — Она указала на книгу, потом на него. — Расскажи мне. Пожалуйста.

Долгое, очень долгое мгновение Вокс висел неподвижно. Звёздная пыль в его воронке-лице двигалась с трудом, словно каждый оборот давался ему ценой огромных усилий. Лира уже начала думать, что он не ответит — что прошлое слишком тяжёлое, слишком болезненное, чтобы ворошить его сейчас, — когда одно из его щупалец медленно, почти торжественно потянулось к ней.

Он взял её левую ладонь.

Это было уже привычное движение — они столько раз касались друг друга, что холод его тени перестал быть чуждым, — но сейчас в этом жесте ощущалась иная, новая торжественность. Так не просят. Так дают. Так вручают ключ от запертой двери, которую никто не открывал веками.

Вокс прижал кончик щупальца к центру её раскрытой ладони и начал чертить.

Линия за линией — медленно, тщательно, словно он боялся ошибиться. Холод прорезал кожу, но она не дернулась, не отдернула руку. Она смотрела, как на живой пергамент ложится рисунок.

Сперва — круг. Ровный, почти идеальный, словно выведенный циркулем. Лира почувствовала, как стягивается кожа под его щупальцем, как проступает белый след — не боль, а скорее напряжение, обещание шрама.

Затем — лучи. Он провёл их от центра круга к краям, и каждый луч был прямым и острым, как спица. Семь лучей? Восемь? Лира не считала. Она смотрела, как на её ладони рождается солнце — символ, который она видела раньше, на старых гравюрах в библиотеке Академии. Солнце было эмблемой Первых. Тех, кто стоял у истоков вокальной магии. Тех, чьи голоса могли двигать горы.

А затем он перечеркнул его.

Три линии. Резкие. Прямые. Одна — горизонтальная, рассекающая солнце пополам. Вторая — вертикальная, сверху вниз. Третья — косая, от края до края, перечёркивающая всё, что было. Он чертил их с той же тщательностью, но иначе — с нажимом, с горькой, сдержанной силой. Лира почувствовала, как на последней линии боль на мгновение стала острой, а затем — утихла.

На её ладони белел шрам. Солнце, перечёркнутое трижды. Знак, которого она никогда не видела в учебниках, но который поняла сразу, без объяснений. Так понимают надгробные надписи на родном языке — даже когда им много веков.

— Падший фаворит, — прошептала она одними губами.

Вокс отпустил её руку и отступил. Его щупальце подрагивало, словно он только что коснулся к раскалённому металлу.

Лира смотрела на свою ладонь. Солнце, перечёркнутое трижды. Теперь она знала, что означает этот символ. Не просто студент. Не просто Сирена. Первый Тенор. Золотой мальчик. Тот, кто стоял ближе всех к Ректору. Тот, кому прочили наследовать пост. Тот, чей голос был эталоном, — и чьё падение стало эталоном предательства.

— Ты был элитой, — вычертила она, и пальцы её дрожали. — Ты учился на Верхних уровнях. Ты был...

Она не договорила. Слов «любимцем», «гордостью», «наследником» не было в тактильном алфавите — или, может быть, они были, но она не знала их. Вместо них она просто прижала ладонь к груди, туда, где сердце билось глухо и часто, и показала знак «ты».

Вокс молчал. Но его молчание теперь было не пустым — оно было заполнено.

Лира снова посмотрела на шрам. Солнце, перечёркнутое трижды. Три линии. Три предательства? Три века в бездне? Три имени, которые он потерял? Она не знала. Но одно поняла с кристальной ясностью: человек, сидящий напротив неё, был не просто жертвой. Он был напоминанием. Он был живым доказательством того, что Академия пожирает даже своих любимцев.

И он по-прежнему был здесь. Всё ещё помнил солнце. Всё ещё помнил, что когда-то был больше, чем крик.

— Ты расскажешь мне? — вычертила она. — Не сейчас. Когда будешь готов. Но расскажешь?

Щупальце Вокса медленно поднялось и коснулось её ладони поверх шрама. Холод, как всегда. Но теперь она чувствовала в этом холоде не пустоту — а ожидание.

— Да, — ответил он её собственным жестом.

И в гроте, под багровым пульсом стен, под тихий хруст истлевшего дневника, Лира прижала ладонь с солнцем к груди. Теперь она знала: он был не просто Воксом. Он был Люцианом. Первым Тенором. Павшим фаворитом.

И она, немая Эхо с Третьего уровня, поклялась себе, что его правда не умрёт здесь, в темноте.

Глава 7. Танец Воплей

Пещера, в которую они вошли, была не похожа ни на что, виденное Лирой прежде.

До сих пор Карцер представлялся ей лабиринтом тесных тоннелей, узких карнизов, маленьких гротов, где даже тьма была спрессованной и душной. Здесь же пространство разверзлось — огромное, почти необозримое, теряющееся в вышине и вширь так, что багровые прожилки на дальних стенах казались не прожилками даже, а звёздами на чужом небосводе. Свод пещеры уходил вверх на десятки, может быть, сотни футов, и где-то там, в непроглядной вышине, угадывались очертания сталактитов — или не сталактитов, а чего-то иного, что двигалось, колыхалось, жило своей особенной, неторопливой жизнью.

Пол здесь был ровнее, чем в тоннелях, но не гладким — скорее, волнистым, словно застывшие каменные дюны. Лира сделала несколько шагов вперёд, и подошвы её босых ног ощутили странный, почти музыкальный ритм — камень вибрировал не хаотично, а складываясь в подобие мелодии. Мелодия была медленной, тягучей и почему-то до боли знакомой.

А потом она увидела их.

Вопли. Не один, не два — целая стая.

Они двигались в центре пещеры, на самом открытом пространстве, и их было много — больше дюжины. Раздутые, деформированные фигуры, бывшие когда-то людьми, а теперь превратившиеся в гроздь поющих ртов, плыли по кругу, сплетаясь конечностями, размыкаясь и снова смыкаясь в жутком, неестественном ритме. Это походило на танец. Или на то, во что превращается танец, когда танцоры забывают, зачем двигаются, и помнят только само движение.

— Смотри, — вычертила Лира, и пальцы её замерли на полпути.

Она не могла отвести глаз.

Вопли кружились в сложной, многослойной фигуре — не хаотично, нет. В их движениях прослеживалась система, рисунок, почти хореография. Одна группа, из трёх существ, двигалась по внешнему кругу, описывая медленную, величавую спираль. Вторая, из пяти или шести, вращалась в противоположную сторону, и их рты выводили контрапункт — низкий, утробный гул, который Лира не слышала, но чувствовала животом. Третья группа, самая малочисленная, застыла в центре, и их тела — то, что осталось от тел, — сплетались в подобие колонны, живой башни из плоти и ртов, которая поднималась вверх, к невидимому своду.

— Балет, — прошептала Лира одними губами. — Они танцуют балет.

Это был разрушенный хор. Хор, который когда-то — давным-давно, на Верхних уровнях, — пел слаженно и чисто, а теперь, лишённый дирижёра, лишённый смысла, лишённый даже памяти о том, что такое гармония, всё ещё продолжал петь. И танцевать. Потому что больше ничего не умел.

Один из Воплей — тот, что двигался по внешнему кругу, — повернул к ней гроздь своих ртов. Их было у него семь; один, самый крупный, на месте бывшего лица, остальные — на плечах, на груди, на боку. Все они открывались и закрывались вразнобой, и Лира почувствовала, как по полу прокатывается волна низкой, вибрирующей частоты — звук, которого она не слышала, но который заставил её внутренности сжаться.

Вокс мгновенно заслонила её собой. Его щупальце метнулось к её запястью и вычертило знак «опасность», а затем — быстрее, резче — «не двигаться».

Лира замерла.

Она понимала его без слов. Без жестов даже. Они стояли на краю огромной пещеры, у входа, который, к счастью, находился не в центре, а в тени, под выступом скалы. Если не шевелиться, если не привлечь внимания, — может быть, их не заметят. Может быть.

Но пещера была единственным путём к Ядру. Она видела это по карте на своей руке, по тому, как уверенно Вокс вёл её сюда, по тому, как багровые прожилки сходились к центру этого зала, к той самой живой башне из сплетённых тел, что возвышалась в середине.

— Нам нужно пройти, — вычертила она, и пальцы её почти не дрожали. — Через них.

Вокс обернулся. Его воронка-лицо оказалась совсем близко, и в глубине её Лира увидела то же, что чувствовала сама: страх. Не за себя — страх перед тем, во что Карцер превратил его собратьев. И решимость. Мрачную, горькую, но неколебимую.

— Пройти, — повторила она. — Как?

Ответа не было. Но Вокс уже смотрел на стаю, изучая её движения с той же тщательностью, с какой раньше изучал её лицо. Он следил за ритмом танца, за спиралями, за тем, как группы сходятся и расходятся. И Лира поняла: он ищет брешь. Промежуток. Момент, когда круг размыкается и можно проскользнуть незамеченным.

А в центре пещеры, под низкий, неслышный гул, Вопли всё кружились и кружились, сплетаясь остатками конечностей, и их танец был одновременно прекрасен и чудовищен. Словно сама бездна выучила балет и теперь танцевала его, не в силах остановиться.

Лира смотрела на кружащуюся в центре пещеры стаю и понимала: силой здесь не пройти. Даже если бы у неё остались силы на Печать Безмолвия — а силы были на исходе, она чувствовала это по тому, как дрожали руки и как глубоко внутри саднил истощённый источник магии, — даже тогда одна Печать не справилась бы с дюжиной Воплей сразу. Они были повсюду. Их диссонанс пропитал каждый камень, каждый вздох воздуха, каждую вибрацию, бегущую по полу.

Нужно было иное решение. И оно пришло — холодное, ясное, как вспышка серебристого света в абсолютной тьме.

— Я сделаю купол, — вычертила она, и пальцы задвигались быстро, отрывисто, словно она сама боялась, что передумает. — Как тогда, в тоннеле. Но не стоячий. Движущийся. Мы пойдём внутри него, а он будет двигаться вместе с нами.

Вокс замер. Его воронка-лицо наклонилась к ней, и звёздная пыль внутри неё закружилась быстрее — он обдумывал её слова. А затем его щупальце метнулось в воздух и вычертило знак «опасность». Потом «трудно». Потом — сложную комбинацию, которую Лира не поняла сразу, но расшифровала по контексту: «ты устала».

— Знаю, — ответила она. — Но другого пути нет. Мы не прорвёмся через них силой, мы не можем их обойти — смотри, — она указала на стены пещеры, гладкие, почти вертикальные, без единого карниза или выступа, — пещера закрыта. Только вперёд. Через центр.

Он не ответил. Но и не возражал. Его щупальца подрагивали в воздухе, словно он просчитывал траекторию — тот самый промежуток в танце, ту самую брешь, которую можно использовать. Лира знала: если бреши нет, он скажет. Если всё напрасно, он остановит её. Он уже останавливал.

— Купол Безмолвия, — снова вычертила она, на этот раз медленнее, объясняя скорее себе, чем ему. — Он гасит звук. Вопли ориентируются на звук, как летучие мыши — на эхо. Внутри купола они нас не заметят.

Щупальце Вокса коснулось её запястья — предупреждающе, не больно. И он показал жестом: «концентрация».

— Да. — Лира кивнула. — В том-то и сложность. Чтобы купол двигался вместе со мной, я должна постоянно плести. Каждый шаг. Каждый поворот. Я не смогу смотреть под ноги, я не смогу следить за Воплями, я вообще ни на что не смогу отвлекаться. Ты будешь моими глазами. Ты поведёшь меня.

Она подняла на него взгляд — прямой, спокойный, без тени колебания.

— Ты будешь толкать меня в нужном направлении. Если нужно повернуть — толкни в плечо. Если нужно остановиться — в грудь. Если я начну падать — подхвати. Понял?

Вокс помедлил. А затем его щупальца сложились в знак, который она не показывала ему, — он придумал его сам. Два щупальца переплелись в подобие узла, а затем разошлись, оставив в воздухе слабый, быстро тающий серебристый след. «Я не отпущу», — означал этот жест. Или «доверься мне». Или всё вместе.

— Хорошо, — выдохнула Лира.

Она встала. Ноги слушались плохо — сказывалась усталость, да и голод уже не был фоновым, он вернулся, острый и требовательный, сосущий под ложечкой. Но она запретила себе думать об этом. Сейчас имело значение только одно: ровное, спокойное дыхание и пальцы, готовые плести.

— Когда я начну, — вычертила она, — я не смогу с тобой говорить. Ни жестами, ни словами. Ты должен понять всё без меня.

Он понял. Его щупальце легло на её плечо — то самое, которое он будет толкать, направляя, — и замерло там, тёплое (уже почти тёплое) и надёжное.

Лира закрыла глаза. Сделала глубокий вдох. Медленный выдох. И подняла руки.

Первый жест — ладони к груди, кончики пальцев соприкасаются. Второй — развести руки в стороны, вычерчивая сферу. Третий — скрестить запястья и мягко, плавно разомкнуть их, как раскрывают створки ворот. Она не видела, но чувствовала, как вокруг неё начинает формироваться купол — прозрачный, невидимый, сотканный из чистой тишины. Он рос от ладоней, обволакивал её, Вокса, захватывал пространство вокруг, и там, где он проходил, вибрации пола исчезали. Даже багровое свечение стен становилось чуть более тусклым, приглушённым.

Теперь они были внутри. Вдвоём. В полной, абсолютной тишине, которую не нарушало ничто — даже её собственное сердцебиение, казалось, замерло.

Лира сделала первый шаг.

Вокс двинулся вместе с ней. Его щупальце лежало на её плече, и когда она слишком сильно качнулась влево, он мягко, но настойчиво толкнул её вправо, выравнивая. Она не открывала глаз. Она не могла открыть глаз — всё её внимание было сосредоточено на куполе, на его стенках, которые дрожали и истончались при каждом неверном движении, на пальцах, которые должны были плести непрерывно, без остановки, без передышки.

Шаг. Ещё шаг.

Краем сознания она ощущала присутствие Воплей. Они были где-то рядом — слева? справа? она не знала, она не могла знать, она должна была довериться Воксу. И она доверилась. Его щупальце стало её компасом, её поводырём, её единственной связью с внешним миром.

Шаг. Поворот. Ещё шаг.

Купол подрагивал. Лира чувствовала, как от напряжения немеют пальцы, как магия, и без того истощённая, тонкой струйкой сочится из самого её нутра. Она не знала, сколько ещё продержится. Но знала другое: пока Вокс рядом — она будет идти. Даже если вслепую. Даже если на пределе. Даже если каждый следующий шаг может стать последним.

Первые шаги дались почти легко — настолько, насколько вообще может быть лёгким путь через стаю Воплей в кромешной тьме Карцера. Лира шла, не открывая глаз, полностью сосредоточенная на плетении: пальцы вычерчивали в воздухе сферу, удерживали её стенки, не давали им истончиться и лопнуть. Каждый шаг отдавался дрожью в запястьях, но купол держался ровно, и Вопли не замечали их.

Она чувствовала их близость кожей. Когда они проходили мимо первого из существ — того, что кружилось на внешнем круге, — воздух за пределами купола стусился, стал почти осязаемым, как кисель, и по спине Леры пробежал холодок. Но Вопль не остановился. Движе-

ния его были механическими, заученными; он продолжал свой танец, разевая рты в беззвучном — для неё — песнопении, и проплыл мимо, даже не повернув головы-грозди в их сторону.

Вокс вёл её уверенно. Его щупальце, лежавшее на левом плече, направляло каждый шаг: лёгкое давление вправо — и она уходила вправо; мягкий толчок в грудь — и она замирала, пережидая, пока очередной Вопль пересечёт их траекторию. Он просчитывал ритм танца, эти сложные, многослойные спирали, и находил в них бреши — крохотные, в несколько футов шириной, но достаточные для того, чтобы проскользнуть незамеченными.

Шаг. Пауза. Ещё шаг. Поворот.

Лира дышала медленно и ровно, берегла силы. Мысли сузились до одной-единственной точки: купол, купол, купол. Она не думала о том, что будет, когда они доберутся до середины пещеры, — до той самой живой башни из сплетённых в центре тел. Она не думала о том, сколько ещё продержится её магия. Она просто шла, и с каждым шагом пол под ногами становился всё более неровным. Каменные дюны сменялись россыпью обломков — мелких, острых, неприятно впивающих в босые ступни.

А потом её нога зацепилась за что-то.

Это был фрагмент кости — длинный, изогнутый, скрытый под слоем пыли. Пальцы ног ударились о него, и острая боль пронзила ступню. Лира покачнулась. Концентрация, которую она держала с таким трудом, дрогнула — всего на миг, на долю удара сердца, — но этого хватило. Купол пошёл рябью. Его стенки, только что ровные и прозрачные, всколыхнулись, как поверхность воды, в которую бросили камень, и на кратчайший миг над ними мелькнула прореха.

Этого мига хватило Воплю.

Тот, что был ближе всех — раздутая фигура с восемью ртами и бывшим лицом, застывшим в гримасе вечного удивления, — остановился. Его танец прервался. Гроздь ртов медленно, как подсолнух за солнцем, развернулась к тому месту, где только что мерцала прореха, и один из ртов — самый маленький, на сгибе левого плеча, — издал вопросительный звук.

Лира не услышала его. Но почувствовала — как лёгкое, щекочущее покалывание в кончиках пальцев, как дрожь, пробежавшую по полу. Этот звук не был агрессивным. Он не был атакующим. Он был спрашивающим. Так спрашивает слепой, услышав шаги в пустой комнате: «Кто здесь?»

Сердце Лиры пропустило удар.

Она замерла на месте, не смея дышать. Купол всё ещё держался — она восстановила его почти мгновенно, захлопнув прореху одним судорожным движением пальцев, — но сейчас это не имело значения. Вопль не атаковал. Но он слушал. Он наклонил гроздь своих ртов к самому краю купола, и его вопросительный звук повторился — настойчивее, требовательнее.

Другие Вопли начали замедлять свой танец. Один за другим, они оборачивались к тому месту, где только что была прореха, и их рты — десятки ртов — раскрывались в немом вопросе.

Вокс толкнул Лиру в плечо. Резко. Требовательно. «Иди».

Она не могла идти. Ноги приросли к полу. Она стояла, сжимая пальцами воздух, и смотрела, как ближайший Вопль — тот, что с восемью ртами, — протягивает к ней одну из своих многочисленных рук. Медленно. Почти нежно. Так, словно хотел прикоснуться к невидимой стене и понять, что за ней.

Щупальце Вокса обвилось вокруг её талии и рвануло вперёд — мягко, но непреклонно, как спасательный трос. Лира споткнулась, сделала шаг, другой, и пальцы её, движимые скорее инстинктом, чем сознанием, продолжили плести. Купол сдвинулся вместе с ними.

Рука Вопля рассекла воздух в том месте, где она только что стояла, и наткнулась на пустоту. Существо замерло. Его вопросительный звук стал громче — или, может быть, тревожнее, — но он не преследовал их. Он остался стоять на месте, обводя пространство вокруг себя растопыренными конечностями, и его рты один за другим повторяли всё тот же немой вопрос.

— Живо, — вычертил Вокс на её плече, и Лира, всё ещё дрожа, заставила себя идти.

Впереди, в нескольких десятках шагов, темнел выход из пещеры. Узкая арка, за которой тьма казалась ещё гуще. Ещё полсотни шагов — и они будут в безопасности. Или в том, что заменяло безопасность здесь, на дне мира.

Она шла, всё ещё чувствуя спиной взгляд — или не взгляд, а то странное, слепое ощупывание, которым Вопль только что исследовал пустоту. И где-то глубоко внутри, под слоем страха, колыхнулась неожиданная мысль: он не напал. Он спросил. Быть может, впервые за многие годы, существо, бывшее когда-то человеком, не кричало, не атаковало, не питалось — а просто спрашивало.

И никто ему не ответил.

Лира стиснула зубы и прибавила шагу. Жалость — непозволительная роскошь, когда ты сам на волосок от гибели. Но семя уже было посеяно. И она знала, что ещё вернётся к этой мысли позже — когда купол спадёт, когда они будут в безопасности, когда у неё будет время подумать о том, кем были эти существа и можно ли их спасти.

Вокс понял раньше, чем она. Он всегда понимал раньше — может быть, потому что сам когда-то был частью этого разрушенного хора, а может, потому что века в Карцере научили его читать малейшие перемены в вибрациях, неуловимые для живого человеческого тела. Лира ещё только восстанавливала купол, ещё судорожно плела недостающий узел, а он уже знал: одной прорехи хватило. Их заметили. Вопль с восемью ртами всё ещё стоял, наклонив голову-гроздь, и его вопросительный звук сменился другим — выше, резче, больше похожим на сигнал тревоги. Остальные Вопли замедляли танец, разворачиваясь в их сторону.

Времени не осталось.

Лира почувствовала, как щупальце на её плече напряглось. Не толкая, не направляя — просто сжалось на миг, словно прощаясь. А затем Вокс метнулся вверх и в сторону, оторвавшись от неё, и его теневое тело, только что бывшее щитом, вытянулось в длинный, стремительный росчерк тьмы.

— Нет! — она не могла крикнуть, не могла даже вычертить жест — пальцы всё ещё держали купол, — но мысль эта хлестнула её изнутри, горячая и беспомощная. Нет, не уходи, не жертвуй, не смей!

Он не услышал. Или не послушал.

Одно из его щупалец — самое плотное, самое тёмное, то, что он никогда не использовал для нежных прикосновений, — взвилось вверх и ударило в свод пещеры. Не просто коснулось — врезалось, как таран. Камень, старый, изъеденный веками вибраций, треснул мгновенно. А затем — посыпался.

Лира не слышала грохота. Но почувствовала его всем телом: пол содрогнулся так, что она покачнулась; стены загудели, и багровые прожилки на них вспыхнули ярче, словно в агонии. Из свода пещеры, из того места, куда ударил Вокс, вырвался целый каскад обломков — крупных и мелких, острых и круглых, — и рухнул в дальний конец зала, поднимая тучи серой, душливой пыли.

Вопли развернулись все разом, как единый организм. Их танец, такой слаженный и ритмичный, сломался в одно мгновение; фигуры, ещё секунду назад сплетавшиеся в башню в центре пещеры, рассыпались с хаотичной, панической скоростью. Десятки ртов издали единый, многоголосый вопль — Лира не услышала его, но ощутила как волну жара, пронёсшуюся по пещере, — и вся стая ринулась на звук обвала. Туда, где грохот, где камни, где пыль и хаос. Туда, где не было ни Лир, ни Вокса.

Она осталась одна на несколько драгоценных секунд.

Купол дрожал. Прореха, которую она только что затянула, снова грозила разойтись — пальцы немели, магия иссякла, — но Лира стиснула зубы и поймала ритм. Раз. Два. Три.

Она восстановила сферу, медленно, натужно, как выталкивают воздух из лёгких после долгого ныряния. Купол снова стал ровным, прозрачным. Мерцал слабо, на пределе, но держался.

А потом из пыльного облака вынырнул Вокс.

Он был бледнее, чем раньше, — если к тени вообще применимо слово «бледнее». Его слои истончились, стали почти прозрачными, и сквозь них просвечивало сердце — неровное, сбивчивое, но живое. Одно из щупалец было оборвано наполовину, обрубок дымился — или это пыль оседала на нём, создавая иллюзию дыма. Но он вернулся. Он подплыл к ней, и его воронка-лицо оказалась совсем близко, и в звёздной пыли, кружащейся внутри, Лира прочитала то, что он никогда не говорил жестами: приказ. «Иди».

Она не стала спорить.

Купол сдвинулся вместе с ней — она шагнула вперёд, и Вокс, скользнув за её спину, снова положил щупальце на плечо. Толчок вправо. Ещё шаг. Толчок влево. Ещё. Они шли сквозь пыль, сквозь всё ещё оседающие обломки, сквозь грохот, который не слышали, но чувствовали ногами, — шли быстро, почти бежали. Вопли остались позади, в дальнем конце пещеры, рылись в камнях и кричали — она знала это по тому, как вибрировал пол, как менялся ритм.

До арки оставалось десять шагов. Пять. Три.

Они вошли в неё одновременно — Лира, спотыкающаяся и полуживая от усталости, и Вокс, полупрозрачный и дымящийся. И едва арка сомкнулась за их спинами, купол рухнул. Лира упала на колени, судорожно хватая ртом воздух, пропахший каменной крошкой, и не могла вычертить ни единого знака — просто дышала, снова и снова.

Вокс обвился вокруг неё — не коконом, как раньше, а скорее плащом, лёгким и почти невесомым. Он был изранен. Он потерял часть себя. Но он был здесь. И её плечо, куда он только что надавливал, всё ещё хранило холод его прикосновения.

— Ты, — вычертила она, когда дыхание немного выровнялось, и пальцы дрожали так, что жест получился смазанным, — ты мог погибнуть.

Вокс не ответил. Но обрубок его щупальца, всё ещё дымящийся, медленно поднялся и коснулся её запястья — того места, где белели три шрама. И от него, несмотря на боль, несмотря на усталость, исходило тепло. Слабое. Упрямое. Живое.

Она не стала больше ничего говорить. Просто прижалась лбом к его теневой груди и закрыла глаза, позволяя себе несколько секунд покоя. Выход был рядом. Вопли остались позади. А он — он был жив, и это было единственным, что сейчас имело значение.

Они выбрались.

Лира не помнила, как миновала арку. Ноги подкашивались, в глазах плыло, и только холод щупальца на плече удерживал её от того, чтобы рухнуть лицом в камень и остаться лежать. Вокс почти тащил её — не физически, у него не было для этого сил, но своим присутствием, самым молчаливым, неколебимым требованием: «Иди. Ещё немного. Ещё».

А потом арка осталась позади, и пространство вокруг сомкнулось — узкий тоннель, тёмный, но спокойный, без багровых пульсирующих прожилок, без колышущихся теней, без танцующих Воплей. Тишина. Настоящая, глубокая, почти осязаемая тишина, какая бывает только в самых дальних, забытых уголках бездны.

Лира сделала ещё два шага и рухнула на колени.

— Всё, — вычертила она, но пальцы не слушались, жест вышел смазанным, едва различимым. — Больше не могу. Прости.

Вокс не ответил. Он опустился рядом с ней — его теневое тело, истончённое, полупрозрачное, с обрутком щупальца, всё ещё дымящимся, — обволокло её не коконом, не щитом, а чем-то иным. Плащом. Тёплым — теперь она чувствовала это совершенно ясно, он был тёплым, и тепло это шло от его сердца, от того самого бледного, неровного мерцания в сердцевине, которое она впервые увидела, кажется, целую вечность назад.

Она привалилась спиной к его тени, и тень подалась, принимая её вес.

Так они сидели — она, обессиленная, прижимающаяся щекой к колышущейся тьме, и он, обвившийся вокруг неё своими последними, ещё целыми щупальцами. Он не требовал продолжать путь. Он не спрашивал, в порядке ли она, — знал, что нет. Он просто был здесь. Дышал — или делал то, что заменяло дыхание существу из тьмы и крика, — и с каждым его выдохом холод, всегда исходивший от него, становился чуть менее колючим.

Лира закрыла глаза. Она не собиралась спать — только передохнуть, только набраться сил, — но тело решило иначе. Усталость навалилась, как тёплое одеяло, и сознание начало уплывать.

И тогда она услышала это. Вернее — почувствовала.

Ритм.

Не вибрация стен, не пульс Карцера, не дрожь далёких Воплей, которые, наверное, всё ещё метались в пещере. Иной ритм — слабый, неровный, почти неуловимый. Он исходил изнутри Вокса, из того самого места, где пульсировало бледное сердце. Лира замерла, боясь пошевелиться, чтобы не спугнуть это ощущение. Прижалась щекой плотнее к его теневой груди.

Тук. Пауза. Тук-тук. Снова пауза, слишком долгая, такая долгая, что она уже начала бояться. А потом — снова. Тук.

Сердцебиение.

Он не дышал — у него не было лёгких. Он не нуждался в воздухе — у него не было крови. Но сердце билось. Медленно, сбивчиво, словно вспоминая давно забытое умение. Словно он заново учился — не для себя, для неё. Чтобы она могла слышать хоть что-то в этой абсолютной, всепоглощающей тишине.

— Ты... — прошептала Лира одними губами, и слёзы, которых она не ждала, потекли по щекам, смешиваясь с каменной пылью и потом. — Ты научился.

Она не знала, было ли это сознательным усилием, или его тело само отозвалось на её присутствие, на её усталость, на её беззвучную мольбу о покое. Но ритм не прекращался. Он становился ровнее с каждой минутой — или ей это только казалось. Тук. Тук. Тук. Как колыбельная, которую она никогда не слышала, но всегда знала.

— Спасибо, — вычертила она на его груди, там, где тьма была тоньше всего и где мерцал серебристый отблеск её собственной магии. — За обвал. За то, что спас. За сердце.

Вокс не ответил. Но его уцелевшее щупальце скользнуло вверх, к её затылку, туда, где белел крохотный шрам, и замерло там, невесомое. Он не гладил — он просто прикасался. Так, словно хотел убедиться: она здесь. Она жива. Она дышит.

И под этот медленный, сбивчивый, но такой упрямый ритм Лира, наконец, уснула — по-настоящему, глубоко, без сновидений и без страха. А Вокс держал её, обвившись вокруг неё, как плащ, как крыло, как обещание.

Где-то далеко, за аркой, всё ещё кружились Вопли. Где-то глубоко внизу пульсировало Ядро. Но здесь и сейчас, в узком тоннеле на краю пещеры, не было ничего, кроме тишины, темноты и двух существ, которые нашли друг друга в бездне и отказывались отпустить.

Глава 8. Шрамы вместо слов

Лира проснулась с ощущением, что что-то изменилось. Не вокруг — вокруг всё оставалось прежним: всё та же тьма, всё тот же низкий, утробный пульс Карцера, всё та же каменная крошка под щекой, — а внутри. Словно за время короткого, но глубокого сна какая-то деталь её сознания успела перестроиться и встать на место. Усталость не исчезла, но отступила; мышцы всё ещё ныли, но слушались лучше. И главное — вернулась способность думать.

Она села, осторожно высвобождаясь из теневого кокона. Вокс, всё это время обвивавший её, дрогнул и медленно расправил щупальца, отодвинувшись ровно настолько, чтобы она могла пошевелиться. Его обрубок уже не дымился и выглядел чуть плотнее — он затягивался, регенерировал, восстанавливал утраченную форму с той же медлительной, но неумолимой силой, с какой всё в Карцере стремилось сохранить себя. Лира проследила за этим движением взглядом и вдруг поймала себя на мысли, что радуется. Искренне.

— Мне нужно кое-что сделать, — вычертила она.

Вокс наклонил голову-воронку, и звёздная пыль в ней закрутилась чуть быстрее — знак внимания.

Лира подняла левую руку и осмотрела её так, словно видела впервые. Предплечье, запястье, ладонь — бледная кожа, покрытая сеткой уже заживших и ещё свежих шрамов. Три первых шрама, оставленных Карцером и Воксом, до сих пор слабо мерцали, если присмотреться. Карта, которую она царапала ногтем, тянулась вдоль всей руки, как татуировка, нанесённая дикарским способом. Но теперь этого было мало.

— Наш язык, — показала она, и пальцы задвигались медленно, подбирая понятия. — Мы можем касаться. Ты можешь оставлять шрамы. Я могу оставлять шрамы. Это хорошо. Но слишком долго. Если мы хотим говорить быстро — особенно в бою, особенно когда времени нет, — нам нужно больше.

Вокс слушал. Она поняла это по тому, как замерли все его щупальца, даже обрубок. Он не шевелился, не дрожал — он ждал.

Лира опустила левую руку на колено ладонью вверх и принялась расчерчивать.

Она не пользовалась ногтем на этот раз — только кончиком указательного пальца, легко, почти не касаясь, но на коже, послушной её магии, проступали бледные линии. Сперва — вертикальная черта, разделяющая предплечье от запястья до локтя на две равные половины. Затем — горизонтальные линии, которые она проводила медленно и тщательно, как землемер на целине. Три линии. Четыре. Пять.

— Видишь? — она подняла руку к воронке Вокса, показывая ему результат. — Это сектора. Каждый сектор — это смысл. Здесь, у запястья, — глаголы. Здесь, в середине, — существительные. Здесь, ближе к локтю, — эмоции. Теперь смотри.

Она прикоснулась к нижнему сектору, туда, где только что провела первую горизонтальную черту. Прикосновение было коротким, лёгким, но чётким.

— Это «идти». — Затем она коснулась того же сектора, но чуть выше, почти у второй линии. — А это «бежать».

— Теперь существительные, — продолжила она и переместила палец на среднюю часть предплечья. — Вот здесь — «вода». Здесь — «еда». Здесь — «опасность». А этот сектор, — она указала на самый верхний, у локтя, — для эмоций. Здесь — «страх». Здесь — «радость». Здесь — «боль». Здесь — «надежда».

Она остановилась, переводя дыхание. Вокс по-прежнему не двигался, но его воронка-лицо медленно склонилась ниже, к самой её руке, и звёздная пыль в ней двигалась лихорадочно, словно он пытался запомнить всё разом.

— Один шрам, — подытожила Лира и, взяв его щупальце в свою ладонь, приложила его кончик к сектору «опасность», — может означать целое предложение. Если я коснусь здесь, а потом здесь, — она переместила его щупальце на глагол «бежать», — это значит: «Опасность, нужно бежать.» Два касания. Два слова. Но сказано мгновенно.

Вокс выпрямился. Его щупальце выскользнуло из её ладони и повисло в воздухе. А затем — медленно, неуверенно — он коснулся её руки сам. Сектор «надежда». Потом сектор «я». Потом снова «надежда».

Лира замерла. Сердце пропустило удар.

— Ты говоришь... — она не договорила. Слова кончились — даже тактильные.

Он повторил жест. «Надежда — я — надежда». Или, может быть, «у меня есть надежда». Или просто «ты — моя надежда». Синтаксис ещё хромал, грамматики не существовало вовсе, но смысл был яснее ясного.

— Да, — вычертила она в ответ на своём собственном предплечье, в секторе «да», который она ещё не успела обозначить, но который Вокс понял без объяснений. — Да. Мы сможем.

И в тихом тоннеле, под мерный пульс Карцера, они склонились над её рукой, как над картой сокровищ, и продолжили работу. Лира наносила новые сектора, Вокс повторял за ней касания — и с каждым разом его движения становились точнее, увереннее, быстрее. Язык рос. Язык обретал плоть — в самом буквальном смысле. И где-то глубоко внутри себя Лира чувствовала, как их общее молчание наконец-то обретает голос.

Система секторов работала. Лира видела это по тому, как быстро Вокс осваивал новые знаки — он запоминал их с пугающей, почти жадной скоростью, и его щупальце порхало над её предплечьем, безошибочно находя нужные точки. «Опасность» — касание у запястья, там, где кожа была самой тонкой. «Идти» — чуть выше, на границе между глаголами и существительными. «Я» — у основания большого пальца, и «ты» — на внутренней стороне локтя, куда он неизменно возвращался после каждого слова, словно хотел убедиться, что она всё ещё здесь, всё ещё слушает, всё ещё с ним.

Но что-то было не так.

Нет, не «не так» — неправильное слово. Скорее, Лира чувствовала смутное, трудноуловимое раздражение, как если бы она пыталась прочитать книгу и постоянно спотыкалась о незнакомые слова. Их язык был точным — но плоским. Каждое прикосновение значило ровно то, что значило. «Опасность» — опасность. «Тоска» — тоска. «Благодарность» — благодарность. Но чувства не бывают плоскими. Страх может быть ледяным и парализующим, а может быть лёгким, предупреждающим, почти щекоткой; тоска — давящей, как могильная плита, или тихой, как осенний дождь. А их язык пока не различал оттенков.

И Вокс, кажется, понял это раньше неё.

Она как раз подняла руку, чтобы показать ему новый знак — «скоро», она хотела сказать «скоро придётся идти дальше», — когда его щупальце скользнуло к ней и коснулось сектора «опасность». Но не так, как раньше. Раньше он просто прижимал кончик к коже, оставляя ровный, одинаковый по глубине след. Теперь же прикосновение было иным: лёгким, почти невесомым, словно перо прошло по коже. Щекоющий эскиз.

Лира замерла.

— Что это? — вычертила она свободной рукой.

Вокс не ответил жестом. Вместо этого он снова коснулся того же сектора — но теперь с силой. Щупальце вдавилось в кожу, оставляя глубокую, почти болезненную канавку. Холод пронзил руку до локтя, и мышцы непроизвольно дёрнулись.

А потом он отпустил и провёл по тому же месту кончиком щупальца, едва касаясь — снова легко, нежно, как дуновение. И только затем показал жестом — тем самым, которому она учила его в гроте: «понимаешь?»

Ли́ра поняла.

— Глубина, — прошептала она одними губами. — Ты меняешь глубину.

Она схватила его щупальце и прижала к своей ладони, туда, где только что он оставил две совершенно разные метки на одном и том же секторе.

— Покажи ещё раз. Медленно.

Он повторил. Сперва — лёгкое касание сектора «опасность». Затем — чуть глубже. Ещё глубже. И наконец — то самое, на грани боли, которое заставило её дёрнуться. Четыре касания. Четыре оттенка.

— Близкая опасность? — вычертила Ли́ра. — Далёкая? — Она указала на самое лёгкое касание. — Это — «где-то рядом, но можно не бежать»?

Вокс коснулся сектора «да» — коротко, сдержанно.

— А это? — она коснулась пальцем самой глубокой канавки, которая всё ещё белела на коже.

Он помедлил. А затем его щупальце переместилось на верхний сектор, к эмоциям, и прижалось к точке «страх» — с той же глубиной, с той же силой, что и «опасность» минуту назад. «Смертельная опасность», — означало это. Или «ужас». Или «беги немедленно».

Ли́ра выдохнула.

— Ты... — она не знала, как закончить. — Ты это сам придумал?

Вокс коснулся сектора «я» — гордо? утвердительно? — а затем провёл щупальцем по всей длине её предплечья, от запястья до локтя, меняя нажим. Сперва легко, как дыхание. Затем глубже, увереннее. И наконец — сильно, почти до боли. «Я научу тебя», — означало это движение. Или «ты научила меня — теперь я учу тебя». Или всё вместе.

Ли́ра рассмеялась — беззвучно, как всегда, одними движениями плеч и морщинками у глаз, — и показала ему знак «хорошо».

А затем они начали играть.

Это походило на игру — и одновременно на танец. Вокс касался её руки в разных секторах, с разной силой, с разной скоростью, и Ли́ра должна была угадать смысл. «Тоска» — лёгкое, почти нежное касание верхнего сектора: «я скучаю, но это светлая грусть». Глубже — «тоска, которая мешает дышать». Ещё глубже — «тоска длиною в вечность», и Ли́ра знала эту тоску — он делился ею с ней при первой встрече. Он помнил. Он помнил всё.

«Благодарность» — касание нижнего сектора, совсем лёгкое, почти неощутимое: «спасибо за малое». Сильнее — «спасибо за жизнь». И самое глубокое, когда щупальце вдавилось в кожу почти до боли, — «спасибо за то, что ты здесь».

Ли́ра почувствовала, как к горлу подступает ком. Она не показывала ему этот оттенок. Она вообще не учила его слову «благодарность» — только «спасибо», простому и поверхностному. А он взял и избобрёл целую шкалу.

— Ты невероятный, — прошептала она, и пальцы сами собой сложились в жест, которого не было в их лексиконе, — ладонь к сердцу, затем к его воронке-лицу, и обратно к сердцу. «Ты». «Я». «Мы».

Вокс замер. А затем его щупальце скользнуло к её запястью и нажало чуть сильнее, чем требовалось для простого «да». Это было «да», умноженное на глубину. «Да» — которое означало «всегда». «Да» — которое означало «я выбираю остаться».

Их диалоги становились быстрее. Теперь они не просто обменивались знаками — они говорили. По-настоящему. С интонациями. С полутонами. Со всем тем, чего Ли́ра была лишена в мире звуков и что теперь, в мире шрамов, вдруг обрела.

Она протянула руку и коснулась его теневой груди — там, где билось сердце. Лёгкое касание. «Спасибо за малое». Затем чуть глубже. «Спасибо за жизнь». И наконец — сильно, до побелевших костяшек. «Спасибо за то, что ты здесь».

Вокс ответил не сразу. Его теневое тело колыхнулось, и откуда-то из глубины, из самого сердца звёздной пыли, вырвался звук — низкий, грудной, не крик и не вой, а то, чего Лира никогда не слышала от него раньше. Вдох. Или выдох. Или слово, которое он пытался произнести много веков назад и не мог — а теперь смог. Оно было тихим и коротким, но она прочитала его кожей, вибрацией, которая прокатилась от его груди к её ладони.

«Лира».

И больше ничего не нужно было.

Сеанс общения затянулся. Лира не знала, сколько времени они провели, склонившись над её рукой, — здесь, в Карцере, время по-прежнему текло рывками, и единственными ориентирами служили усталость и голод, — но ей казалось, что прошли часы. Она уже не чувствовала левой руки от локтя до запястья: кожа онемела от бесчисленных прикосновений, шрамы наслаивались друг на друга, образуя причудливый, почти художественный узор. Но останавливаться не хотелось. Каждый новый знак, каждый новый оттенок смысла приносил странное, почти эйфорическое удовлетворение — как будто она строила мост через пропасть и видела, как с другого края ей машут рукой.

Вокс тоже не уставал. Его щупальце порхало над её предплечьем с уверенностью, которой она не замечала за ним раньше; он уже не искал нужные сектора ошупью, а попадал в них сразу, точно, почти как опытный музыкант попадает по клавишам. Он задавал вопросы — один за другим, сложные, многосоставные, — и она отвечала, поправляла, уточняла. Их диалог стал почти таким же беглым, как разговор вслух.

А потом всё изменилось.

Вокс как раз показывал ей что-то сложное — фразу, которую Лира не успела разобрать, потому что его щупальце, скользнув от сектора «ты» к сектору «будущее», вдруг сорвалось. Движение вышло чуть более резким, чем он рассчитывал, и кончик щупальца, вместо того чтобы прижаться к коже плашмя, чиркнул по запястью сбоку — там, где под тонкой, почти прозрачной кожей билась голубая жилка пульса, а шрамов ещё не было.

Лиру ударило током.

Не боль — удовольствие. Чистое, острое, ни на что не похожее удовольствие, которое пронзило её от запястья до самого плеча и рассыпалось где-то в основании черепа горячими искрами. Она ахнула — беззвучно, одним движением губ, — и отдернула руку. Сердце забилося часто и гулко, а кожа в том месте, куда пришлось прикосновение, всё ещё горела, но не холодом, не болью — чем-то совершенно иным.

Вокс замер.

Его щупальце отпрянуло так резко, словно он прикоснулся к раскалённому металлу. Теневое тело сжалось, слои тьмы плотно сомкнулись, и по ним пробежала та самая дрожь, которую Лира уже научилась распознавать, — страх. Он боялся. Боялся, что сделал ей больно, что переступил какую-то невидимую черту, что разрушил то хрупкое доверие, которое они строили всё это время.

Его воронка-лицо качнулась к ней, и звёздная пыль внутри закрутилась с лихорадочной, панической скоростью. Он не мог спросить словами — но его щупальце, то самое, что только что коснулось запретной точки, вычертило в воздухе сбивчивый, почти отчаянный знак: «прости». Потом ещё раз: «прости». Потом — «больно?» — и этот жест был таким неуверенным, таким полным раскаяния, что у Лиры защемило в груди.

— Нет, — вычертила она. — Нет. Не больно.

Он не поверил. Щупальце подрагивало в воздухе, не решаясь приблизиться, и его теневое тело, казалось, стало ещё более разреженным — словно он готов был раствориться, исчезнуть, лишь бы не причинить ей вреда.

Лира протянула к нему руку — ту самую, с горящим запястьем, — и раскрыла ладонь.

— Иди сюда, — показала она. — Пожалуйста.

Он колебался. Долгое, бесконечно долгое мгновение он просто висел в воздухе, и звёздная пыль в его воронке металась, как перепуганная стая светляков. А затем — медленно, очень медленно — он приблизился. Его щупальце коснулось её ладони — легко, едва ощутимо, словно он спрашивал разрешения на каждую долю дюйма.

Лира поймала его. Мягко, но крепко — так, как ловят за руку испуганного друга, чтобы удержать и успокоить.

— Это не боль, — вычертила она свободной рукой, медленно и тщательно, чтобы он точно понял. — Это другое. Ты нашёл точку. Особенную точку. Она передаёт не смысл — она передаёт ощущение. Чистое ощущение. Понимаешь?

Он не ответил. Но его щупальце в её ладони чуть потеплело, и дрожь, сотрясавшая его теневое тело, начала утихать.

— Ты не сделал ничего плохого, — продолжила она. — Наоборот. Ты нашёл то, чего даже я не знала.

Она поднесла его щупальце обратно к своему запястью — туда, где всё ещё горела точка удовольствия, — и легонько прижала. Кончик щупальца дрогнул, пытаясь отдёрнуться, но она не пустила.

— Не убегай, — прошептала она одними губами. — Пожалуйста. Не убегай. Это приятно. Очень приятно. Ты понял? При-ят-но.

Вокс замер. А затем — робко, неуверенно — его щупальце пошевелилось в её ладони. Он не касался точки сам — он позволял ей водить его, и кончик щупальца скользнул по запястью, повторяя тот же самый путь, что минуту назад вызвал вспышку.

И снова — удар током. Но на этот раз Лира была готова. Она не одёрнула руку, не ахнула, а только прикрыла глаза и выдохнула — медленно, глубоко, всем телом.

— Да, — вычертила она на его щупальце, которое всё ещё держала. — Вот так. Это хорошо. Ты можешь... можешь ещё?

Он не ответил жестом. Но его щупальце, уже не пассивное, уже не ведомое ею, само скользнуло вверх по её запястью и коснулось той же точки — теперь осознанно, целенаправленно, с осторожной, почти благоговейной точностью. И удовольствие, нахлынувшее в ответ, было мягче — не удар, а волна, которая прокатилась по руке и растекалась где-то в груди, смывая усталость и страх.

— Ты учишься, — прошептала Лира, и губы её дрогнули в улыбке. — Ты всегда учишься.

Она опустила его щупальце обратно на колено и посмотрела в его воронку-лицо — туда, где кружилась звёздная пыль, теперь уже не панически, а задумчиво, почти мечтательно.

— То, что ты нашёл, — вычертила она, — это не просто точка. Это новый уровень. Мы можем не только говорить. Мы можем чувствовать вместе. Вместе, понимаешь? Не я отдельно, не ты отдельно. Вместе.

Он долго не отвечал. Его воронка-лицо смотрела на неё, и в звёздной пыли медленно проступали уже знакомые очертания — высокий лоб, глубоко посаженные глаза, приоткрытый рот. А затем он сделал то, чего она не ожидала. Его щупальце снова потянулось к её запястью, но не к той точке, которую он только что нашёл, а чуть выше — туда, где бился пульс. И прижалось легко, едва ощутимо, передавая не смысл, не сенсорику, а что-то совсем иное. Нежность. Или то, что заменяло нежность существу из тьмы и крика.

— Хорошо, — вычертила Лира, и пальцы её почти не дрожали. — Очень хорошо.

И они остались так — сидя в тихом тоннеле, соприкасаясь запястьем и щупальцем, — и вокруг них, в багровом пульсе стен, рождалось что-то новое. Что-то, чему ещё не было названия в их языке, но что не нуждалось в названии. Потому что оно просто было.

Открытие, которое они совершили — случайно, почти вслепую, — требовало продолжения. Лира знала это так же твёрдо, как знала, что в Карцере нет выхода наверх. После того, как Вокс нащупал на её запястье ту самую, особенную точку и подарил ей вспышку чистого, беспримесного удовольствия, что-то между ними неуловимо сместилось. Словно в их языке, только что обретшем грамматику, вдруг открылось новое измерение — не смысловое, а чувственное. И оставить его неисследованным было невозможно.

Она не была уверена, что Вокс поймёт. Он всё ещё держался насторожённо, всё ещё подрагивал, словно боялся, что она передумает, отдернет руку, осудит его за непрошеное вторжение. Но Лира не отдёргивала. Она сидела, привалившись спиной к шершавому, прохладному камню, и протягивала к нему левую руку ладонью вверх — ту самую, с картой секторов и сеткой свежих, ещё не до конца заживших шрамов.

— Давай попробуем ещё, — вычертила она правой рукой. — Не просто касаться. Давай попробуем вместе. Ты и я. Одновременно.

Вокс наклонил голову-воронку. Звёздная пыль в ней вращалась медленно, задумчиво, и в глубине её проступили уже знакомые очертания — высокий лоб, тени глаз, приоткрытый в немом вопросе рот. Он не понимал — пока.

Тогда Лира взяла его щупальце в свою ладонь и прижала к сектору «радость» на своём предплечье. Не глубоко, не поверхностно — ровно посередине, так, чтобы смысл был ясным, но не болезненным.

— Чувствуешь? — спросила она без слов, и пальцы её правой руки легли на его щупальце, передавая ответное тепло. — Это эмоция. Моя эмоция. Я даю её тебе. А теперь попробуй... вернуть.

Она не знала, как объяснить. Их язык, такой точный в существительных и глаголах, пасовал перед абстракциями. «Вернуть эмоцию обратно» — как это вообще показать жестами? Но Вокс, кажется, понял без объяснений. Его щупальце дрогнуло в её ладони, и через несколько ударов сердца она почувствовала ответ.

Он коснулся того же сектора, с той же силой, но теперь прикосновение было наполнено чем-то иным. Не смыслом — эмоцией. Радость, которую она ему послала, вернулась обратно, но изменившись, обогатившись, умножившись. Как если бы она бросила в пруд камешек, а обратно пришла волна — та же вода, но в движении, в силе, в ритме.

— Ох, — прошептала Лира одними губами. — Так вот как это работает.

Она попробовала снова. Теперь — «любопытство». Лёгкое, почти щекочущее касание у основания большого пальца. Вокс поймал его мгновенно и вернул — и любопытство удвоилось, стало жгучим, нетерпеливым, потребовало продолжения. Затем она послала «спокойствие» — глубокое, ровное нажатие посередине предплечья. Ответ пришёл не сразу, словно он пробовал эту эмоцию на вкус, а затем вернул её, но смягчённую, углублённую, с оттенком того самого мурлыкающего гула, который он издавал иногда вместо слов.

Их беззвучный дуэт разгорался. Лира задавала тон — эмоцию, настроение, оттенок чувства, — а Вокс отзывался, возвращая её обратно, но всякий раз чуть иначе: умноженной, преображённой, дополненной его собственным существом. Он не просто отражал — он обогащал. И с каждым циклом этого странного, медленного танца они оба всё глубже погружались в то, что не имело названия ни на одном языке Верхних уровней.

Слияние. Резонанс. Дуэт.

Лира закрыла глаза. Так было легче — она не отвлекалась на колышущуюся тьму, на багровые прожилки стен, на кружащую звёздную пыль. Она просто чувствовала. Его прикосновения — быстрые, когда он возвращал «радость»; медленные, когда он перерабатывал «тоску»; нежные, почти невесомые, когда он касался точки «надежда». А поверх этих прикосновений, как второй голос в хоре, ложились её собственные ответы — она тоже касалась его, не только

рукой, но и тем странным, внутренним слухом, который позволял ей слышать его эмоции прямо изнутри.

Впервые в жизни Лира чувствовала себя не пустой. Не ущербной. Не немой. Она была наполнена — до краёв, до самых кончиков пальцев, до того крохотного шрама на затылке, который Вокс оставил ей, пока она спала. Она была целой.

И он — она знала это с кристальной ясностью — чувствовал то же самое.

Спустя какое-то время — возможно, минуты, возможно, часы — она открыла глаза и посмотрела на свою левую руку. Та, что была картой, учебником, словарём, теперь выглядела иначе. Шрамы, нанесённые за эти сеансы общения, складывались в узор — не хаотичный, не случайный, а осмысленный, почти художественный. Они переплетались, пересекались, разбегались в стороны и снова сходились, и в их рисунке Лира с изумлением узнала структуру. Ноты. Тактильные знаки громоздились друг на друга, образуя подобие нотного стана — пять линий, изгибающихся по форме её предплечья, и на них, как ноты, белели короткие и длинные шрамы.

Партитура. Они написали партитуру. На двоих.

— Посмотри, — вычертила она, и пальцы дрожали, но не от усталости — от восторга. — Это наша музыка. Мы можем не только говорить. Мы можем петь. Без звука. Без голоса. Шрамами.

Вокс склонился над её рукой. Его воронка-лицо зависла в дюйме от кожи, и звёздная пыль в ней закружилась так быстро, что слилась в одно сплошное серебристое свечение. Он смотрел на партитуру — на их общую партитуру, — и Лира почувствовала исходящую от него волну. Не эмоцию — все эмоции разом. Гордость. Нежность. Изумление. Благодарность. И под всем этим — глубокая, спокойная, как дно океана, уверенность.

— Дуэт, — прошептала она одними губами и коснулась верхней линии партитуры, той, где шрамы были самыми длинными и глубокими. — Ты и я. Беззвучный дуэт. Мы только что это сделали.

Он не ответил жестом. Но его щупальце скользнуло вдоль всей её руки — от запястья до локтя, повторяя контур партитуры, — и там, где оно проходило, шрамы на мгновение вспыхивали серебристым светом. Словно он играл на ней, как на инструменте. Словно она была инструментом, а он — музыкантом. Или наоборот.

Лира улыбнулась — широко, открыто, так, как не улыбалась уже много лет. А затем она взяла его щупальце и прижала к своей груди, туда, где билось сердце. Не для того, чтобы передать эмоцию. Просто чтобы он чувствовал: она жива. Она есть. Она рядом.

— Слышишь? — прошептала она. — Это твой дуэт. И мой.

И Вокс, после долгой, бесконечно долгой паузы, медленно опустил своё теневое тело ниже, к самой её ладони, и коснулся того же места на своей груди — туда, где пульсировало бледное, неровное сердце. Ответ. Не словом, не жестом — присутствием. Их дуэт продолжался, даже когда они перестали касаться друг друга. Потому что теперь он звучал внутри. У обоих. Одновременно.

Партитура на её левом предплечье всё ещё мерцала — слабо, но различимо, словно шрамы впитали в себя частицу того странного света, что всегда вращался в воронке Вокса. Лира смотрела на неё и думала о том, как далеко они зашли. Ещё недавно — или вечность назад? — она не могла произнести даже собственное имя так, чтобы быть услышанной. А теперь они вдвоём написали музыку. Безмолвную, шрамовую, но музыку.

И ей вдруг остро, до боли в груди, захотелось сделать для него что-то большее. Не просто коснуться сектора «благодарность». Не просто вернуть эмоцию. Что-то, что осталось бы с ним навсегда — как его шрамы остались на её коже. Что-то, что он смог бы вспомнить, даже если она исчезнет.

— Можно? — вычертила она, и пальцы указали на его грудь.

Вокс наклонил голову-воронку. Звёздная пыль в ней замедлила свой бег — он не понимал, но, как всегда, доверял. Она почувствовала это доверие кожей, как тепло, и решилась.

Ли́ра встала на колени. Так было ближе — его тeneвое тело висело в воздухе на уровне её плеч, и грудь с бледным, неровным сердцем в глубине оказалась прямо перед ней. Она подняла правую руку и на мгновение задержала пальцы у края его тёмной оболочки, спрашивая взглядом разрешения. Он не отодвинулся. И она прикоснулась.

Кожа — или то, что заменяло ему кожу, — была холодной, как всегда, но теперь этот холод не пугал её. Она знала его на ощупь так же хорошо, как фактуру стен в своей старой каморке. Кончик указательного пальца упёрся в податливую тьму и начал чертить.

Медленно. Тщательно. С тем особым, сосредоточенным вниманием, с каким писец выводит заглавную букву в манускрипте. Она не оставляла шрамов — у него не оставалось шрамов, по крайней мере видимых, — но под её пальцем тьма посветлела, засеребрилась, словно каждая линия впитывала частицу её собственной магии и запечатывала навечно.

Первый знак: «Ты». Она поместила его слева, у самого края, там, где у человека находилось бы плечо, а у него — сплетение тонких, почти прозрачных тeneвых нитей. Затем второй знак, ниже и правее: «больше». Ли́ра провела пальцем дугу, соединяя «ты» и «больше» в одно дыхание. И наконец — третий знак, прямо над сердцем: «крик». Но не тот крик, которым он был веками. Новый знак. Она придумала его только что: линия, которая начинается остро и рвано, а затем выравнивается, становится плавной, почти музыкальной. Крик, превращённый в голос.

Она закончила и отдернула руку. Кончики пальцев горели, но это была приятная, знакомая боль, как после долгой игры на невидимом инструменте. На его груди осталась светящаяся, медленно угасающая вязь:

«Ты — больше, чем крик».

Ли́ра опустила руку обратно на пятки и замерла, ожидая. Она не знала, что он почувствует. Поймёт ли? Примет ли? Или, может быть, слова, написанные на его теле, ничего для него не значат — ведь он привык быть криком, только криком, и ничего больше?

Мгновение длилось и длилось. Вокс не двигался. Даже сердце в его груди, казалось, замерло — ни пульса, ни дрожи. А затем из глубины его воронки-лица, из самого сердца звёздной пыли, вырвался звук.

Она не услышала его — но почувствовала. Он был тёплым, влажным, совершенно непохожим на всё, что он издавал раньше. Не крик, не вой, не тот низкий мурлыкающий гул, которым он отвечал ей в минуты покоя. Нечто среднее между всхлипом и выдохом — сдавленный, неровный, хрипловатый на краях, но в самой сердцевине чистый. Так звучит благодарность, когда у неё нет слов. Так звучит прощение, когда его не просили. Так звучит имя, произнесённое впервые за много лет.

И Ли́ра поняла.

Он не кричал. Он пытался — впервые за долгое, невообразимо долгое время — не кричать, а говорить. Не изливать боль, а выразить что-то иное. Что-то, что возникло в нём только сейчас, когда чужая рука начертала на его груди слова, которых ему никто никогда не говорил. Даже тогда, наверху, когда он был Первым Тенором, Золотым мальчиком, наследником Ректора. Его хвалили за голос, за мощь, за точность интонаций. Но никто — ни один человек — не сказал ему, что он больше, чем его голос. Больше, чем его падение. Больше, чем его крик.

— Ты понял, — прошептала Ли́ра одними губами, и слёзы, горячие и беззвучные, потекли по её щекам. — Ты понял.

Вокс качнулся вперёд. Его щупальце — то самое, тонкое и почти прозрачное, которым он когда-то впервые коснулся её горла в поисках голоса, — потянулось к ней. Не к запястью, не к предплечью, не к карте секторов. К лицу. К влажной от слёз щеке. И замерло там, не стирая

влагу, а просто принимая её. Принимая всё, что она сейчас чувствовала и не могла облечь ни в один жест.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.